

ДВОЕ: ЛЮБОВЬ, СЕМЬЯ, СЧАСТЬЕ...

№ 3 ФЕВРАЛЬ 1977

СМЕНА

Семейная жизнь... Двое встречались, влюблялись... Весь мир, казалось, принадлежит им двоим... Будет ли этот мир принадлежать им вечно или двое замкнется только на своих радостях и болях, успехах или трудностях, ссорах и переживаниях?

Семейная жизнь... Как она начинается? У всех начинается она счастливо, но не у всех хватает умения сохранить любовь и счастье на долгие годы. Брак, семейная жизнь много сложнее, чем иногда думают молодые люди. Молодежь должна готовиться к браку не только нравственно, но и психологически, вооружаться специальными знаниями, потому что ей предстоит заниматься исключительно трудным и ответственным делом — воспитанием нового поколения. Кроме того, молодым надо заранее быть готовыми к тому, что брак — это не только радости супружеской и родительской любви, но и реальные житейские осложнения, заботы, хлопоты, чтобы при первом же столкновении с трудностями не возникло ощущения катастрофы, безвыходности положения.

Проблемы семьи... Да, конечно, они существуют, и, поскольку семья — ячейка общества, эти проблемы носят и личный и общественный характер. Болезнь ребенка или обычный детский каприз, необоснованные упреки или неожиданное взаимное неприязнь, супружеская ревность или ссора из-за пустяка — все может стать причиной разлада семейного мира.

Быть добрым и нежным, чутким и правдивым — не только личные качества человека, но и зеркало его отношения к миру, к людям, к любви, зеркало его понимания сущности жизни. В семье, если плохо одному, плохо и другому. Плохо двоим — плохо третьему. А плохо троим — плохо уже многим другим, которые незримыми нитями связаны с ними. Проблемы каждой семьи — проблемы не только чисто семейные, это проблемы общественные — экономические, нравственно-этические, социальные.

Семья в Советском государстве окружена всесторонним вниманием. Забота о семье и ее укреплении всегда являлась одной из важнейших задач нашей партии. XXV съезд КПСС выдвинул широкую социальную программу, в которой немалое место занимает забота о советской семье. Семье оказывается разносторонняя материальная помощь, создана огромная сеть учреждений по охране материнства и детства, выделяются пособия матерям и оказываются другие многочисленные виды помощи.

Семья — это не только личное счастье, это долг любящих перед обществом. За каждой молодой семьей — будущее, потому что в ней будет расти и воспитываться поколение, которому жить завтра.

Размышляя о молодой семье мы посвящаем подборку наших материалов.

ПОСЛЕ СВАДЬБЫ...

Социологический очерк

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат
экономических наук

В последнее время в стране ежегодно возникает около двух с половиной миллионов молодых семей. Подавляющее большинство молодоженов вступает в брак впервые. И они сильно помолодели. Если исключить тех, кто вступает в первый брак после 50 лет, то средний возраст жениха в 1973 году был равен всего 24 годам и 5 месяцам, а невесты — 22 годам и 7 месяцам. В 1965 году и жених и невеста были в среднем на два года старше.

Почему молодая семья помолодела? Главная причина — изменение срока службы в армии. До 1967 года в армию призывали в 19 лет, а служба продолжалась три года; теперь призывают в 18 лет, а срок службы сократился на год. Другими словами, раньше «на гражданку» возвращались в 22 года, теперь — в 20 лет. Интересно, что средний возраст вступления в брак снизился на те же два года.

Что ждет впереди молодую семью? Будут ли счастливы двое, соединившие свои судьбы? Сколько детей у них будет и какими будут эти дети? Все эти вопросы имеют громадное общественное значение.

Общество заинтересовано в крепкой, счастливой семье. Не меньше в том же заинтересованы и сами супруги. Не ду-

маю, что счастье заключено только в удачной любви, хорошей семье и тому подобном. Для полного счастья человека, как правило, нужно очень многое. Но совершенно бесспорно, что человек, у которого не сложилась личная жизнь, несчастен. Разумеется, общего правила тут нет: «разнообразны души наши», как сказал поэт.

Приведу выдержки из письма, полученного редакцией одной центральной газеты.

«Только что пришла с дня рождения подруги. Испытываю тягостное чувство, и, вероятно, то же самое испытывают все находившиеся там. Мы старались веселиться, но все равно чувствовали себя как на похоронах. А отчего? Оттого, что за столом сидели двенадцать женщин, все старше 25 лет, и ни одного мужчины. Из двенадцати — только двое разведенные, десять не были никогда замужем... Часто раздумываю: почему так? Образование у всех нас среднетехническое или высшее. Все недурны собой, и на работе все на хорошем счету, а все-таки одни. Да и сколько вокруг одиночек! И не разведенных, нет, а именно незамужних, как принято называть таких — «старые девы». Многих из них знаю близко. Все мы были бы счастливы познакомиться с парнем, выйти замуж и иметь детей, но где взять этих парней?.. И вот не знаем: что же предпринять? Почти каждая из нас гото-

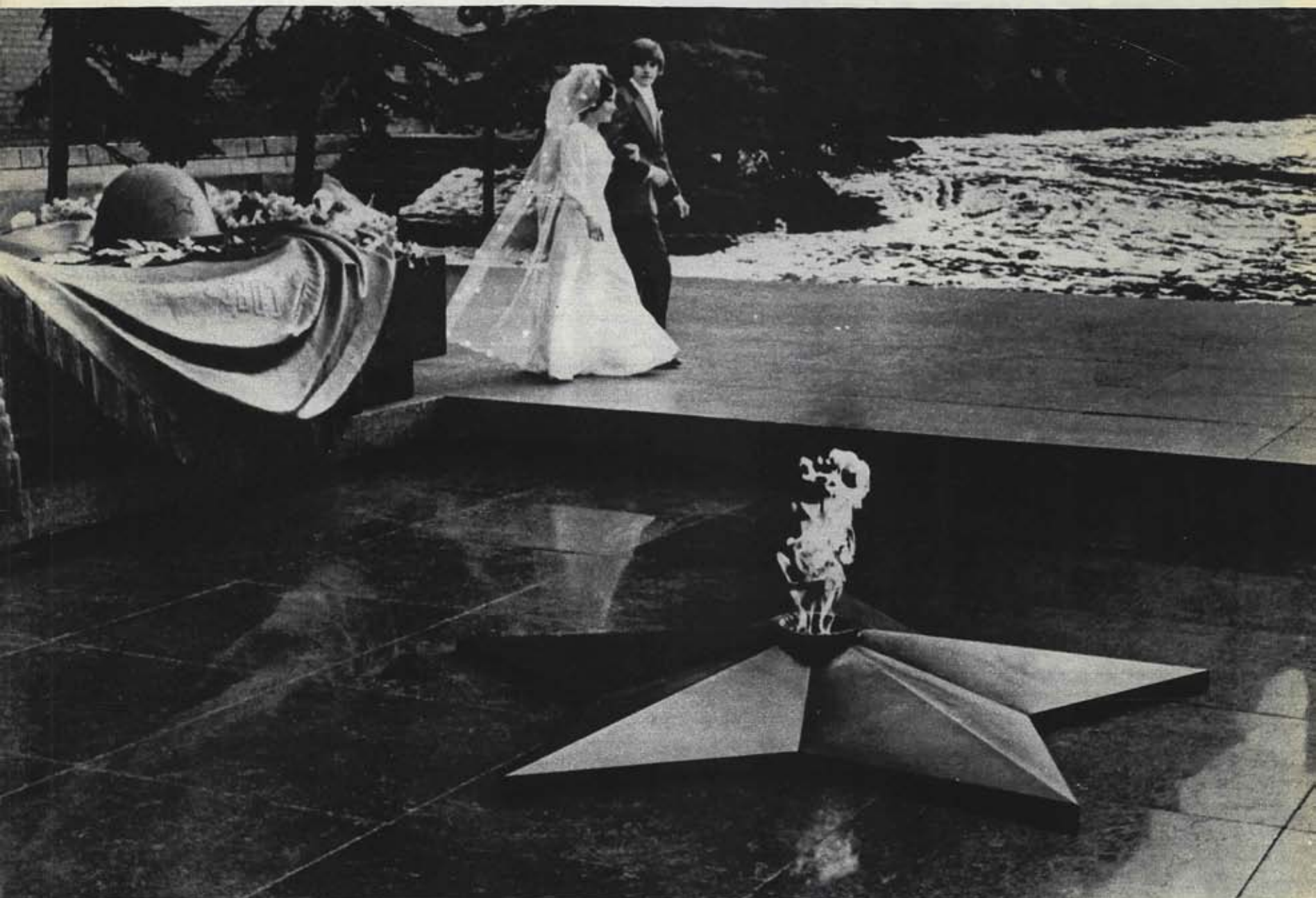
ва поехать на край света, если бы была уверена, что там встретит свою «судьбу», но куда ехать? Извините за крик души... Но разве не главное у нас — судьба человека? Ведь сейчас не военное, а мирное время...»

Вопрос — почему сейчас трудно выйти замуж? — мы коснемся чуть позднее. А теперь посмотрим на семейную судьбу молодоженов.

Не так далеко еще время, когда семьи распадались почти всегда по единственной причине: из-за смерти одного из супругов. Развод был явлением очень редким. Теперь же многие семьи распадаются потому, что супруги жить вместе не могут. За последнюю четверть столетия число разводов быстро и постоянно росло. В 1950 году на 100 браков пришлось 3 развода, в 1960-м — 10, в последние годы — по 27. Один развод на четыре брака. Это — средние данные. В крупнейших городах нашей страны один развод приходится уже на два брака.

Кто разводится? Люди пожилые, уставшие?

Если взять официальную статистику, то окажется, что подавляющее большинство разводов приходится на семьи, которые существовали больше 5 лет. Однако не будем слепо верить в эту цифру. Нам ведь важен фактический распад семей, а статистика разводов у нас — это всего лишь статистика получе-

КАЖДАЯ МОЛОДАЯ СЕМЬЯ СЧИТАЕТ СВОИМ СВЯЩЕННЫМ ДОЛГОМ ПОЧТИТЬ ПАМЯТЬ ТЕХ, КТО ОТСТОЯЛ ИХ БУДУЩЕЕ.

Фото Александра ВИКТОРЕНКОВА и Альберта ЛЕХМУСА

ния справок о разводе, которые выдает загс. Разведясь в суде, человек может прийти за такой справкой и через две недели, и через два года, и через двадцать лет, и вообще не прийти. Берут ее тогда, когда она нужна: при вступлении в новый брак, жилищных делах и т. д.

Специальные обследования показали, что фактически треть распавшихся семей существовала не более года, еще треть — от года до пяти лет. Распадаются, таким образом, самые молодые семьи.

Нынешняя статистика разводов, если ее правильно понять, означает, что из каждых десяти молодых семей одна не доживает до года, две из десяти — до 5 лет!

Развод, конечно, явление сложное. Иной раз это единственный выход из неразрешимых никаким иным путем противоречий. Мы меньше всего склонны «читать мораль» кому-либо. Развод — это прежде всего личное, частное дело двух людей. Однако нельзя не видеть последствий массового распада семей: уменьшения деторождения, безотцовщины, плохого воспитания детей из «неполных» семей и т. д. Да и для самих супругов, по крайней мере для одного из них, развод обычно драма. Вряд ли кто-то вступает в брак, желая в том же году развестись...

А количество и интенсивность разво-

дов продолжают расти. Правда, это затухает тем, что в последние годы стало много больше браков, поскольку подросло многочисленное поколение, появившееся на свет в 50-е годы.

По государственной статистике разводов средний срок существования распадающихся семей — около 8 лет. Сравним поэтому число браков и разводов с интервалом в 8 лет. Имеем:

Годы	Число разводов тысяч	Число браков за 8 лет до того тысяч	На 1000 браков разводов
1970	636	2222	286
1971	644	2051	314
1972	652	1940	322
1973	679	2009	338

При таком сопоставлении получается, что один развод приходится на три брака, что интенсивность разводов быстро растет. Из этой таблички следует также, что надо ожидать роста числа разводов и в дальнейшем; потому что растет и число браков (2516 тысяч в 1973 году).

Почему же распадаются семьи?

Вопрос очень сложен. Обычно о причинах разводов судят по заявлениям супругов, желающих расторгнуть брак. Результаты одного из больших исследо-

ваний, проведенных в городе Киеве, таковы (в процентах к итогу):

	Истец-муж	Истец-жена
экономические	7	5
психологические	44	21
социально-биологические	32	63
В том числе:		
пьянство	4	47
супружеские измены	16	9
прочие	17	11

Две трети всех разводов, как по стране в целом, так и в Киеве, происходят по инициативе женщин (хотя доводят их до этого, понятно, мужчины). Почти половина разводов по инициативе жен происходит из-за пьянства мужа. Итак, судя по этому и другим исследованиям, главный враг семьи — «зеленый змий». Кстати, в вышеприведенной таблице указаны только основные причины. Пьянство, как причина сопутствующая, указывается в подавляющем большинстве других женских исков о разводе.

На втором месте — причины психологические, то, что обычно называется «не сошлись характером».

Мне кажется, однако, что приведенная выше табличка, как и соответствующие данные других работ, имеет один большой недостаток. Их авторы почему-то считают, что все причины разводов заключены внутри семьи, что все дело только в том, что жена недовольна

мужем, а муж — женой. Разумеется, если супруги довольны друг другом — они не разводятся, но причины недовольства семейной жизнью могут лежать и вне семьи.

Однако если бы все дело было в свойствах мужа или жены, то разошедшиеся супруги стремились бы вступить в повторные браки. Так и было не очень давно. Однако теперь положение изменилось. С 1966 года у нас ежегодно в среднем происходит около 650 тысяч разводов, а повторные браки составляют лишь половину этого числа. Я говорю здесь только о мужчинах, потому что женщинам в сегодняшней демографической ситуации выйти повторно замуж труднее, чем мужчинам жениться.

Если по переписи 1959 года из 1000 мужчин в возрасте от 30 до 35 лет в браке не состояли всего 78, то в 1970 году — уже 113. Такое же большое увеличение доли неженатых было и в других возрастных категориях.

Итак, многие мужчины, вкусившие «радости семейной жизни», не желают вступать в повторные браки. Видимо, они относятся отрицательно не только к своим бывшим женам, но и к браку как институту. Это, кстати, одна из причин, по которым женщинам сейчас трудно выйти замуж, особенно в относительно зрелом возрасте.

По переписи 1970 года, на каждую

Фото Василия МИШИНА

Наша обложка: молодая семья.

тысячу человек соответствующего возраста в браке не состояло:

Возраст	Мужчины	Женщины
20—24	711	441
25—29	228	173
30—34	113	147
35—39	67	161

На первый взгляд может показаться, что женщинам выйти замуж легче, чем мужчинам — жениться. Это не так. Дело в том, что жены в среднем существенно моложе мужей. По данным 1973 года, среди впервые вступивших в брак разница составляет около двух лет; у тех, кто женится повторно, разница во много раз больше. Так, у женихов в возрасте от 30 до 35 лет больше всего невест в возрасте от 20 до 25 лет, то есть примерно на 10 (десять!) лет моложе. Примем среднюю разницу в возрасте мужа и жены всего в три года. Тогда на 100 неженатых мужчин в возрасте от 21 года до 45 лет придется 170 незамужних женщин в возрасте от 18 до 42 лет. Другими словами, на трех женихов приходится пять невест, а не так, как в известной песенке: «На десять девченок по статистике девять ребят».

Вот в этом и заключается главная причина, по которой сейчас относительно трудно выйти замуж. Эту трудность легко показать статистически. Если поделить число вступивших в брак в 1970 году на число не состоявших в нем, то получим следующие цифры (в процентах):

Возраст	Мужчины	Женщины
20—24	20	29
25—29	27	17
30—34	21	11
35—39	16	5

Это означает, что из 100 мужчин в возрасте от 20 до 25 лет вступили в брак за год 20, то есть каждый пятый, у незамужних женщин того же возраста — даже 29 из 100. Однако мужчина остается желанным женихом и в 30 лет, в то время как женщине после 30 лет выйти замуж трудновато, а после 35 лет — тем более.

Осложняет дело также и то, что у нас есть значительные территориальные половые диспропорции. С одной стороны, женские (текстильные) города, с другой — мужские (угольные, горнорудные, большие стройки и т. д.).

Понятно, что никакая «служба знакомств», о которой в последнее время много говорят и пишут, недостатка женихов возместить не может. Однако «женский перевес» — дело временное, теперь можно даже сказать — кратковременное. На 100 мальчиков 1960 года рождения приходилось в 1970 году всего 87 девочек, родившихся в 1963 году, а на 100 мальчиков 1963 года — всего 85 девочек, родившихся в 1966 году. И если сейчас трудно выйти замуж, то в 80-х годах будет относительно трудно жениться. Те, кто собирается «погулять» до 30—35 лет, полагая, что жениться «всегда успеется», могут остаться без жены...

Думаю, что в нынешних бедах молодой семьи велика роль фактического неравенства полов в семейной жизни. Как известно, женщина в нашем обществе с 1918 года равноправна, то есть равна мужчине по закону, по праву.

В годы детства и юности женщина и практически имеет полное равенство с мужчинами-сверстниками. В некотором отношении девушки получают даже какое-то преимущество. Хорошо известно, что девушки лучше учатся. Поскольку наша школа очень сильно «феминизирована» (очень мало учителей-мужчин), а женщинам легче найти общий язык с девочками, школьный актив тоже преимущественно женский.

Наше общество никак не может настраивать женщину на подчиненное положение в семье. Однако, вступив в

брак, она, к сожалению, оказывается в неравном положении с мужем, поскольку на ней лежит почти вся домашняя работа. А работы этой оказывается чрезвычайно много, особенно после рождения ребенка. У большинства матерей сейчас ежедневно два полных рабочих дня — 8 часов на работе и 5—6 часов дома. Кстати, на работе женщина сплошь и рядом занимает не менее высокое положение, чем ее муж, нередко и более высокое; бывает, что и заработок ее выше, чем у мужа. Никаких объективных обстоятельств, которые оправдывали бы ее неравное положение в семье, нет. Единственное основание — традиции, пережитки того времени, когда женщина, будучи домохозяйкой, делала почти всю домашнюю работу.

Женщина не желает мириться с неравным положением в семье. Это, видимо, одна из главных причин того, что большинство исков о разводе у нас идет от женщин. Несомненно, женщина больше ценит семью, семейную жизнь, она более «семейный человек», чем мужчина. И если уж она становится инициатором развода, значит, сильно «накипело».

Разумеется, можно сказать, количество домашних дел надо уменьшать путем развития сферы обслуживания. И это будет правильно. Но одно не противоречит другому. В обществе, где существует равенство полов, домашний труд должен делиться поровну. К сожалению, наша молодежь считает иначе...

Однажды я получил от читателя такое письмо. Я, дескать, очень люблю свою жену. Она у меня красивая и душевная. А вот жить в семье очень трудно. Жена ни борща сварить не умеет, ни сорочки погладить, в комнате неуютно и т. д.

Конечно, не очень хорошо, когда жена ничего не умеет. Но едва ли особенно хорошо и то, что молодой муж считает: все это забота только женская, а он тут ни при чем.

Я склонен думать, что в нынешних условиях молодежь надо специально готовить к будущей семейной жизни. Мы неплохо готовим ее «к труду и обороне», но, кроме того, есть громадная, чрезвычайно важная и для общества в целом и для каждого отдельного человека сфера семейной жизни.

Мне не раз приходилось слышать по этому поводу возражения. Вот, дескать, раньше никогда никакой особой подготовки к семейной жизни не было, а все как будто было нормально: семья крепкая, невестки со свекровями ладили, детей много...

Так ведь дело в том, что раньше к семейной жизни готовила родительская семья. Жизнь была относительно мало подвижной, люди разных поколений совершали практически один и тот же жизненный круг. Права, обязанности, навыки, формы поведения в семейной жизни были «отработаны» веками и почти не менялись, быт и жизнь в целом были относительно просты. В этих условиях семья могла научить и учила всему, что может понадобиться в будущей семейной жизни. Сын брал пример с отца, дочь — с матери.

Теперь все не так. Жизнь стала динамичной. Дети относительно редко повторяют жизненные судьбы родителей. Часто самый лучший семейный опыт оказывается неприменим. Родители, скажем, жили в деревне (а деревенская семья во многих отношениях всегда была лучше городской), а дети переехали в город. В городе же совсем иная жизнь, и самый лучший сельский опыт тут часто не нужен.

Думаю, что в нынешних условиях детей должна готовить к будущей семейной жизни общеобразовательная школа. Полагаю даже, что это ничуть не менее важная и почетная функция, чем обучение детей основам наук.

- 1** МОЛОДАЯ СЕМЬЯ.
Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. «ПОСЛЕ СВАДЬБЫ...»
Социологический очерк.
- 3** «ПЯТЫЙ-НЕ ЛИШНИЙ». Фотоочерк Альберта ЛЕХМУСА.
- 8** ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Георгий БАЖЕНОВ. «ПОЙМИ МЕНЯ!»
- 11** НОВОЕ ИМЯ.
Миниатюры Владимира ДЕТКОВА.
- 12** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«КРОТ».
- 14** Валерий ГАНИЧЕВ.
«ИСТОКИ СОДРУЖЕСТВА». Заметки о сотрудничестве писателей с комсомолом.
- 15** ФОТОКОНКУРС «СМЕНИ»
«МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ».
- 16** Валерий ПОВОЛЯЕВ.
«ЛУЧШЕ ГОР — ТОЛЬКО ГОРЫ».
- 18** ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
«ПИСАТЕЛЬ, АКТЕР, РЕЖИССЕР ШУКШИН».
- 20** Ольга ВОРОНОВА.
«ЦВЕТЫ ЗЕМНЫЕ. ЦВЕТЫ КОСМИЧЕСКИЕ...»
- 24** ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
Михаил ХОНИНОВ. «СКАЗАНИЕ О ЗАКОПЧЕННОМ ТАГАНЕ».
- 25** Юлиан СЕМЕНОВ. «ПИРЕНЕИ. ЛЕТО 1976».
- 28** Роман Андрея ЛЕВИНА «ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ЦЗЯО».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. АБАШИН, С. А. АБРАМОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, Г. В. СЕМЕНОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. И. Смирнов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

ПЯТЫЙ — НЕ ЛИШНИЙ

Альберт ЛЕХМУС, специальный корреспондент «Смены». Фото автора

Л юблю Самотлор. Каждый раз, когда приезжаю в Нижневартовск, словно обновляюсь душой. В Нижневартовске особые люди. Не совсем такие, как мы. Это чувствуется. Два года я снимал бригаду Виктора Китаева. Работа буровика — работа мужественных, сильных, суровых людей. В снимках я всегда рассказывал о них с жесткой скупостью. Но иногда...

— Альберт, ты мне друг или не друг?
— Федя, о чем разговор...
Поздний вечер. Я сижу в гостинице,

разговариваю по телефону с Федей Метрусенко. Это не просто Федя, это ас бурового дела.

— Альберт, если ты друг, приезжай в кафе «Белоснежка». Если ты друг...

— А в чем дело?
— Надо сфотографировать одну пару. Понимаешь, Альберт, чтобы на всю жизнь. Свадьба идет. Дочка моего друга выходит за одного парня. Красивая пара, Альберт.

Свадьба на Самотлоре... Где-то едут к могиле Неизвестного солдата, где-то — к Вечному огню, на Самотлоре едут к буровой вышке, которая стоит посре-

ди озера, на самом куполе самотлорского месторождения.

Петю и Тоню Казаченко я снял около буровой вышки. Я снимал их в кафе. Дома. На улицах Нижневартовска. Более красивой пары мне не приходилось снимать. И я объясню, почему так.

На Самотлоре я всегда снимал работу. Перепачканные лица буровиков. Залитую раствором рабочую площадку. Ободранные, в кровавых мозолях руки. Внимательные, жесткие глаза. Многотонную громаду вертлюга. В черных подтеках сигарные свечи труб. Я снимал соль работы. Соль их жизни.

А тут — свадьба на Самотлоре. Это был резкий контраст. Для меня это было чудо. Я снимал красоту.

Я не знал, что мы станем друзьями. В следующий свой приезд в Нижневартовск я снова снимал бригаду. Но когда я устал, я вспомнил о Тоне и Пете. Я пришел к ним в гости. Просто так, посмотреть на них, побыть рядом с ними. Это были уже другие люди. Тогда они были неистовы в своем счастье. Сейчас появилась какая-то мягкость, умиротворенность. Я опять снимал их. Снимал их тихое, спокойное счастье. Тоня уже

КАКАЯ СВАДЬБА БЕЗ ВАЛЬСА...

ждала ребенка. И глаза ее... В этих глазах был свет зарождающейся жизни. Объектив помогает понять людей. Объектив—это сосредоточение. Когда наблюдаешь—приходит понимание. Понимание рождает дружбу.

— Ну, и как тебе наша Наташка?—Это уже вопрос мне в нашу третью встречу.

Да, родился человек, новый человек... И каждый раз это удивляет. Как просто и в то же время как сложно появление человека! Вот малыш и вот его мать. Я снимаю все. Как она кормит Наташку. Как пеленает. Как готовит ее к купанию. Как гладит распашонки. Нет, я все же не узнаю Тоню. Что-то в ней резко изменилось. Она быстрая, ловкая, хваткая, сосредоточенная. Рядом с ней Петя совсем потерялся. К Наташке он боится прикоснуться, для него она слишком хрупкая, слабая, игрушечная—как бы чего не сломать у нее. Петя возвращается вечером с буровой и чувствует себя дома как неприкаянный. Позже я побываю на его работе—работает он как всякий самотлорец: огонь, пламя. А вот сейчас дома... В доме полный матриархат. Тоня и ее мать Лиза захватили власть в свои руки. Им подчиняются. Их слушаются. И Петя и муж Лизы Николай. Тесть и зять теперь как родные братья. Забавно, но бывает и такое. Я снимаю все. Много снимаю просто с улыбкой...

Переменчива судьба. Переменчивы картины жизни. Не успели оглянуться, а Наташке уже два с лишним года. Смотрю на нее и не узнаю ее. Неужели это то самое беспомощное, крохотное существо? «Дядя, а ты чего делаешь?»—И смотрит в мой объектив. Показываю ей «козу»: «Идет коза рогатая за мальыми ребятами...» Смеется, заливаясь... А я в это время: щелк, щелк... Люблю детские смеющиеся лица. Они как сама наша жизнь: непродуманные, настоящие, непосредственные.

Когда в доме нет женщин, Наташка как шелковая. С удивлением замечая, как с первого слова она слушается Петю. Вот бы никогда не подумал этого раньше. Петя разговаривает с ней серьезно, строго, без сюсюканья. Я вижу, как это нравится Наташке. Ей хочется быть взрослой. Папа сидит на диване и читает газету. Наташка не мешает. Она садится рядом, берет в руки книгу...

Но как только в доме появляется мать или бабушка, начинаются писк, визг, слезы. Есть кому пожалеть—есть и капризы.

Я вдруг подумал вот о чем: в этой семье из четырех человек пятый действительно не лишний. Нет ссор. Нет скандалов. И пятый—для всех радость.

И все-таки... Неужели я вижу только то, что лежит на поверхности? Ведь замечая же я, что иногда Петя как бы

НАЧАЛО СЕМЕЙНОГО СЧАСТЬЯ.

недоволен сам собой, что его как бы угнетает даже само это семейное счастье. Странно, но это так. Пожалуй, я не ошибаюсь. Но откуда это недовольство собой? Я думаю об этом. Приглядываюсь к их семье. Попробовал разговариваться с Петей—молчит, пожимает плечами. И тут я представил себя на месте Пети. Работает на Самотлоре, на севере, в суровом краю. У него и психология другая: хорошо только там, где трудно, где сложно. А здесь что-то слишком уж хорошо все получается, гладко—теплые домашние условия. Не по нему. Уверен: не по нему. Хочется самостоятельности. Независимости. А здесь трехкомнатная квартира тещи. Со всеми удобствами. Приедешь с буровой—даже не верится, что это Самотлор. А Петя—мужчина. Тем более мужчина, что в свои двадцать лет полный хозяин собственной судьбы. И судьбы своей семьи. И для этой семьи ему хочется независимости. Независимости в хорошем смысле слова. Все познать самим. Сполна. И быт в том числе.

Так, значит, мечтают о своей собственной квартире?

Конечно. Пусть маленькой, однокомнатной, но своей.

И это я понимаю.

**РАСТЕТ
ЧЕЛОВЕК.**

А ведь Лиза работает. Работает и Николай. И когда Тоня надумала учиться в кулинарном училище на повара, пришлось нанять няню. Ранними утрами, в дымчатости морозного тумана, под прищелкивающие подхрустывающие лопающихся на холоде веток, под завывание поземки катит Тоня детские санки на квартиру к няне. Наташка как кокон — не шелохнется, не шевельнется, сидит, будто примерзшая к санкам, одни глазки черные поблескивают. А доха у Тони тяжелая, жаркая, хотя и мороз под пятьдесят. Пока довезешь Наташку до няни — семь потов сойдет. Да и спешишь. Торопишься. Скорей. Няня ждет. Училище ждет. Хватаешь Наташку и на четвертый этаж к няне. Вот Наташка. Вот то. Вот это. Одежда, игрушки, запасное белье. И скорей вниз. А тут автобус. Ждешь-ждешь... Уж и забыла, что вспотела недавно. Мороз до последней косточки пробирает. Бр-р-р... И, наконец, сине-красный автобус. Как ледяной двигающийся городок. И толпа. Ах, это хорошо — толпа. Нырять в толпу, толкаются, дергают, напирают — хорошо, согреваешься, чувствуешь жизнь, чувствуешь подъем. И постепенно люди в автобусе отходят, вот улыбка, вот еще...

— Братцы, а ну, поднажмем еще! Хвост от селедки за бортом!

И смех, и улыбки, и соленое словцо...

А из училища, как только закончатся занятия, опять на всех парах торопишься домой... Домой? Да нет, сначала к

отрицание любви, человечности, души. Почему-то я не сразу заметил, что меньше всех в споре участвует Тоня. Она сидела в стороне от всех, за маленьким кухонным столом, подперев подбородок ладошками, и слушала своих подружек, как взрослые слушают детей: с острым любопытством, но и снисходительно, с лукавой улыбкой. В эту секунду я как-то разом ощутил, насколько Тоня счастливой подругой, насколько полней и острее она чувствует жизнь. Совсем недавно они учились все вместе в школе, а теперь... а теперь, что для подруг отвлеченные споры и разговоры, для нее настоящая жизнь. У каждого человека своя дорога, но Тоня — уже мать, МАТЬ, и это дает ей право по-особому видеть, чувствовать, понимать и принимать мир. Я заметил, что Тоня, хотя и живет теперь более трудной и напряженной жизнью, чем ее подруги, гораздо красивей их, кожа на лице у нее матово-нежная, губы детски-припухлые, глаза ясные, глубоко открытые, и вся она дышит каким-то особым умиротворением, чистотой, свежестью...

Материнство — вот ее ответ на вопрос, что такое счастье.

Муж Лизы, Николай Трушенков, работает на Оби. Как-то раз он забрал Тонию и Петю с собой, ну, и меня прихватил заодно. Плыдем на катере по широкой, большой воде. Далекая, во все стороны водная свинцовость красок, тугая, хлесткий ветер, осеннее сизое небо, отхо-

И С МЕНДЕЛЕЕВЫМ НА «ТЫ»...

няню, скорей забрать Наташку, а Наташка соскучилась, то плачет, то смеется, но скорей домой... Там уж вот-вот Петя с работы вернется, мать, отец, надо всех кормить, надо то, надо это...

Мужчина ищет для себя трудности. Женщине их искать не надо: ей всегда нелегко.

Помню, как однажды пришли к Тоне подруги Вера и Надя. Еще тогда шутили: Вера, Надежда... а где же Любовь? Слово за слово, и вдруг смотрю — девочки раскраснелись, начали спорить не на шутку: какая, мол, любовь в наше время? Вера учится в Тюменском индустриальном институте, Надя — в Тобольском театральном училище. Особенно Надя упорствовала: нет нынче ни любви, ни души. «Какая еще душа может быть! Где она?» Действительно, где она у нас? Я сидел, слушал их и как-то отчетливо вдруг понял, что вот Надя уехала далеко от дома, учится в Тобольске и наверняка с ней что-то случилось: ну, например, несчастная любовь, или может, парень ее ушел в армию, или еще что-то, главное — плохо ей. Плохо человеку, одиноко, грустно, и вот уже

дыщая по берегам листва, бурные дымки черемухи... Печальная картина надвигающейся осени. Но вот почему-то вспоминаю особую встревоженность, почти зависть, почти весеннюю напряженность своей души. Зависть? Не знаю, как это и назвать. Помню, мы бродили с Николаем по берегу Оби, и вдруг поманила нас в глубину черемуха, забрались в заросли, что-то говорим друг другу, о чем-то шутим, и тут неожиданно выскакивает из черемухника Петя, а за ним с веточкой черемухи в руках бежит Тоня, я замер, а они бегут уже по самому краешку Оби, брызжет из-под ног вода, и бегут они долго-долго, смеются, кричат, а я смотрю, и заходит в это время солнце, красное над свинцовой водой, и тут так сжало мое сердце — и не от зависти, просто от ощущения полноты, единственности жизни...

Давно мне никто не дарил таких мгновений.

В ту же поездку по Оби был и один смешной случай. Вдруг к нашему катеру подлетает белая, в красных стремительных стрелах моторная лодка, веселые ребята, гитары, песни.

— Девочка, а может, к нам? Тоня смотрит на них с кормы катера, сырок с распоротым брюхом лежит у нее

СТРАСТНОМУ БОЛЕЛЬЩИКУ ДОЖДЬ НЕ ПОМЕХА.

НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ.

под руками. Смотрит на ребят, смотрит на рыбу: мол, с вами ли укатить, ребята, или уху варить...

— Ну, чего раздумываешь? Прыгай! Тоня вдруг делает смелое движение, будто хочет спрыгнуть к ребятам, и в последнюю секунду кричит:

— Да, но я же с мужем! Мужа куда посадите?

— С му-у-уже-ем?..—Ребята переглядываются.—Ты смотри-ка, с десяти лет уже замужем...

В это время появляется на корме Петя.

— Тонь, ты чего тут?

Смеется Тоня. Смеюсь я.

— Да вон,—показывает Тоня на лодку, которая уже развернулась и полным ходом вспенивает Обь,—ребята позвали нас покататься, а я говорю: «Да он у меня стеснительный! Как бы не перетопил вас по одному...»

А какой Петя, я однажды почувствовал. Дело было на буровой.

— Ну-ка, протащи кабель через желоб!

Петя взял и протащил. За несколько секунд.

Потом я видел бледного мастера. И бледного Петю. Я никогда не слышал, чтобы так орала на человека. Орала на Петю.

— Тебе что, жить надоело?! Да ты... да я... да...

Чего не сделал Петя, того не сделал—не вырубил ток. Так что несколько тысяч вольт запросто могли сделать из него одно воспоминание...

Все-таки что ни говори, а друг мой Петя ох как еще молод. Вот вам безрассудство... А дома-то семья...

Петя, ты слышишь меня?

А как он умеет тосковать по дому, по Тоне, по Наташке... На сборах призывников командир приказывает:

— Ну, ребята, сегодня отдых! А завтра...

Вечером Петя был уже дома. А утром на сборах.

Несколько десятков километров—это не помеха. Для любимых это не помеха.

Как всегда в жизни, самое сильное испытание еще впереди. Моих друзей ожидает разлука. На два года.

Но я не прощаюсь с моими друзьями... Я верю в них. Я верю в наши будущие встречи.

ТРУДОВЫЕ БУДНИ

В ШКОЛУ И ИЗ ШКОЛЫ—
ВСЕГДА ВМЕСТЕ.

Человек среди людей

ПОЙМИ МЕНЯ!

Георгий БАЖЕНОВ

Так ты замужем? — спросил Витька.

«Я же говорила — замужем», — хотела она сказать с неожиданным раздражением, но вместо ответа только быстро кивнула.

«Врет», — подумал Витька.

Потом, когда они уже поднимались по лестнице, она почувствовала приступ тошноты и слабости во всем теле, душа ее изнывала от отвращения к самой себе, но ноги хотя и свинцово, а все же упорно шагали вперед; и от этого — от одновременной слабости и силы, которые были ее сегодняшней сутью, — на душе становилось еще горше, еще тяжелей. Но отступать было поздно, да она и не хотела отступать.

— Ты не думай, — сказал Витька, — ребята у нас хорошие. Все будет о'кей...

«Ребята? А-а, ребята...» — вяло подумала она.

Они поднялись наконец в комнату, Витька сказал: «Знакомьтесь, парни, это Лена», — ребята тоже назвали свои имена, она их не запомнила, все было как в тумане, кто-то ударил по струнам гитары, кто-то запел, и тут она почувствовала неожиданное облегчение: слава богу, никто на нее особенно не обращал внимания, да и песня была хорошая — душевная, грустная, про девочку, девушку, женщину и старуху, которые живут и надеются, живут и всегда надеются, что бы там ни было, потому что... «а шарик вернулся, а он голубой...».

Про надежду — это всегда хорошие песни. Про надежду, веру и любовь.

Любовь?

И когда вдруг открылась дверь и на пороге показался Андрей, Лена не удивилась ему, скорее, испугалась за него, мало ли что... Хотя она знала, знала, знала в душе, что он обязательно придет, найдет ее... Нет, пожалуй, не так, просто она верила, что иначе и быть не может...

— Я пришел за тобой. — Смотреть на Андрея было страшно: почерневшее от горя и унижения лицо.

— А вы, собственно, молодой-хороший, кто такой будете? — развязно всхохотнул Витька.

— А это ты позже узнаешь, кто я такой, — обещающе обронил Андрей.

— Это мой муж. — Лена сказала об этом просто и легко, разом разряжая обстановку. — Муж мой, Андрей.

Ударил струны гитары: ну что ж, раз так — прощай пARDону, и двое вышли из комнаты.

Город спал. Сияла луна. Нестерпимо ныла у обоих душа. Но до самого дома не сказали друг другу ни слова.

Дома он медленно разделся, лег в постель и отвернулся к стене. Зарылся в подушку. Каково ему было? Она села на краешек кровати, хотела... хотела бы разом все объяснить, да где найдутся такие слова? По лицу ее катились слезы; сквозь слезную пелену она видела окно, деревья, луну,

звезды... Самое плохое — не было дома Томки. Была бы дочь с ними, а не в больнице, — ох, какое бы это сразу облегчение. А так...

— Значит, начала гулять? — Это был совсем не Андрея голос, но все-таки спрашивал не кто-то другой, а он, Андрей.

— А тебе можно было? — выдохнула она.

— Я никогда, слышишь, никогда...

— А в школе... забыл?

— Это было так, детство, игра. А ты... сама... в общезнание... к этому дураку Витьке...

— Я нарочно. Я... чтобы... чтобы ты понял...

— А я не верю тебе! — Он развернулся от стены и злым шепотом простонал: — Не верю! Понимаешь?!

Самое страшное и непонятное — он вскорее заснул. Ничего не требовал, не проклинал, сказал: не верю. Не верю, а завтра уйду. Навсегда.

Она пересела к окну, смотрела в ночное звездное пространство. Какая это все-таки загадка — наш мир, и ничего в нем нельзя ни понять, ни объяснить... Она не верила, что Андрей спит, изредка поворачивалась к нему, но он был недвижим, дышал ровно. Спал? Спал. Плакала она и от этого тоже. Как же так? И это все? Она думала: будет бог знает что, а он — спит... Не верит? Или не любит? Когда-то, когда она только-только родила Томку... да, это было самое обидное... непонятное... страшное. Она родила Томку, сидела с ней дома, а Андрей ходил в вечернюю школу, в одиннадцатый класс... учиться? Если бы только учиться. Весь мир рухнул для нее, когда она узнала, что там, в школе, есть какая-то лаборантка и Андрей, ее Андрей, провожает лаборантку... Их видели вместе... Они целовались в подъезде... Весь мир разом рухнул. Нельзя было ни понять, ни объяснить. Самое удивительное: как он мог оставаться прежним? Ходил с другой, целовался или что-то там такое делал, врал, наверное, с три короба, а приходил домой — и с Томкой играет и с ней, с Леной, — ласковый, улыбочивый, веселый, открытый. Как же так? Нет, нельзя было понять. И от этого, от непонимания, она и высохла тогда. Круги под глазами. Кожа на скулах натянута. А он сказал: что? Что, что? И рассмеялся. Господи боже мой, лаборантка! Ну и что? Занятия кончаются ночью, темно, возвращаться домой одной страшно, вот и попросила проводить... А целовать тоже попросила? При чем тут целовать, не целовался я никогда, еще чего...

Поверила? Поверила. А все-таки сходила сама к лаборантке, душа-то изболелась. Спросила: было, целовались? Ответила: было, целовались; так ведь он сказал — не женат. Так и сказал? Так и сказал...

Тогда-то она и поняла: обманул ее. Все она могла понять и простить, но обман... Зачем же обманывать, если любишь? Ведь, когда любишь, не обманываешь? Или она чего-то просто не понимает? И вот с тех пор стало для нее загадкой: честные глаза — и обман. Невозможно? Оказывается, возможно.

А теперь наоборот: она говорит ему правду, а он

не верит. Или, может, ему вообще на все наплевать? Если он считает, что она обманывает, почему же тогда так спокоен? Собирается бросить ее? И Томку? Но при чем тут дочка? Как страшно... хотела проучить его, чтобы понял, чтобы знал на будущее, а он — развод. Что же скажут родители? Мама? Как смотреть ей в глаза? Нет, тут что-то невозможное произошло...

Странно, ей вдруг захотелось умереть, не быть больше никогда, ничего не знать, не слышать, не видеть, и при этой мысли ей не стало ни страшно, ни тревожно, а только грустно. А кроме того, хотя она и захотела вдруг умереть, она все же не до конца осознавала, что такое будет ее смерть, и поэтому не то что с легким, а как бы с заторможенным чувством подошла к шкафу, где лежало снотворное, скрикнула дверцей (Андрей даже не шевельнулся), достала маленькие белевские пачечки — их оказалось ровно шестнадцать штук, — и начала методично, спокойно пить снотворное. Потом, когда Лена прилегла на кровать, она почувствовала неожиданную громадную тяжесть воздуха, который разом навалился ей на грудь, и, прежде чем она закрыла глаза, она глухо застонала и этот свой первый стон еще услышала. Следующие стоны она уже не слышала — уснула, как будто нырнула в глубины. Очнувшись, Андрей услышал ее стоны, только не сразу понял, что такое происходит с женой. А когда понял, когда увидел на полу разбросанные бумажки...

— Ленка отравилась! — не своим голосом прокричал он, ворвавшись в комнату ее родителей...

... — Ты смотри за ними, смотри, — повторял Иван. — Как бы чего не вышло...

— Вечно тебе ерунда всякая мерещится! — в сердцах бросала Аня. — Мотаешься-мотаешься по своим лесам да рекам, а потом уж бухнешь так бухнешь... Дети ведь они еще, дети! Или не видишь?

Видеть-то они, конечно, оба видели, и Аня, и Иван, что Андрей с Леной дружат обыкновенной детской дружбой, да, кажется, не все видели и не все понимали... Лена и сейчас-то девчонка девчонкой, а тогда... Разве могло кому прийти в голову, что они там надумали? Перед школой, перед десятым классом, решила Аня сшить дочери новое платье — по красивой, понарядней, а Лена вдруг возьми и выложи:

— Не буду я учиться в этом году.

— Это еще почему?

— Не буду — и все. Замуж за Андрея выхожу.

Аня, как была с шитьем в руках, так и села на диван; и выкройки, и материал, и сантиметр — все повалилось на пол.

— Кто ж так шутит, Леночка? — только и прошептала побледневшими губами, а сердце налилось предчувствием и болью: нет, не шутит дочь, не шутит...

К вечеру Аню свалило в постель. Об одном молила — поскорей бы Иван с работы приходил. А

он, как услышал обо всем, прямо-таки в ярость пришел: так я и знал! Говорил тебе, говорил, чтобы смотрела, а ты все: дети, дети... Вот тебе и дети!

— Ну, а что теперь делать-то, Ваня?

— Что? А это мы сейчас их спросим, что они там придумали... Ну-ка, идите сюда,—позвал он из другой комнаты Лену с Андреем— Андрей был уже у них дома.

Вошли в комнату, держась за руки.

— Значит, семью заводить собрались?

— Собрались.

— А кто школу будет кончать?

— В вечернюю пойдем.

— Интересно. Ну, а дети народятся— чем кормить будете?

— А я на работу устроился. Учеником электрика.— И ведь все это Андрей так сказал, будто сто лет в рабочих ходит,—уверенно, с гордостью.

— Смотри-ка! Ну, а где жить будете?

— В моей комнате.— Лена сказала об этом твердо, как о давно решенном деле.— Есть ведь у меня своя комната?

— Та-ак... Значит, и это вы уже продумали. Очень хорошо. Замечательно. Ну просто превосходно! А вам не приходило в голову, что в шестнадцать лет рановато заниматься такими проблемами, а? Надо школу заканчивать, учиться дальше, на ноги вставать...

— А если мы любим друг друга?

— Любите? Да что вы понимаете в любви?

Лена с Андреем заговорщически переглянулись и улыбнулись друг другу: мы-то, мол, понимаем, а вот вы сами понимаете ли что-нибудь?

— Сначала надо жизнь узнать, а уж потом...

— Иван,— вздохнула Аня,— пусть они тебе самое главное скажут...

— А что такого?— выпалил Андрей.— Мы люди взрослые и хотим, чтобы у нас был ребенок!

— Вот как! Не успели жениться, а уже о ребенке мечтаете? В шестнадцать-то лет? Ну и ну!— только и воскликнул Иван.

— А что? И мечтаем! И хотим ребенка! И будет у нас ребенок! А если не согласитесь, мы все равно... убежим, уедем... и вообще... любим мы друг друга, любим, понимаете?!

...— Одного я не пойму, Лена, как ты можешь дружить с Лапшиным? Вернее, теперь уже не дружить, а... Вся школа осудила его хулиганский поступок, все ребята отвернулись от него, а ты одна пишешь ему письма... В колонию... Не понимаю!

Лена молчала.

— Нет, в самом деле,— Ольга Сергеевна, преподаватель литературы и русского языка, доверительно заглядывала Лене в глаза,— ну объясни мне по-человечески, неужели ты и теперь веришь, что дружила с хорошим мальчиком? Ты только представь себе: сегодня он затеял драку на улице, а завтра... завтра он и тебя может втянуть в какое-нибудь нехорошее дело... разве не так?

Лена молчала.

— Ну что ж, каждый, конечно, понимает жизнь по-своему.— Теперь уже Ольга Сергеевна смотрела на Лену с сожалением и грустью.— Но все-таки подумай... подумай о школе, на которую ты невольно бросаешь тень, продолжая дружить с человеком, который находится в колонии...

— Скажите,— Лена посмотрела Ольге Сергеевне в глаза,— если человек ошибся и за это наказан, разве не предательство— отвернуться от него?

— Ты путаешь понятия, девочка. Предательство— это одно, а здесь— совсем другое. Ты не предаешь человека, ты просто узнаешь его настоящую цену и воздаешь ему по заслугам.

— Спасибо за науку!— Лена встала и выбежала из класса.

Нет, она не могла по-другому. С Андреем они дружили с шестого класса, это ведь не просто шестой, седьмой, восьмой, девятый классы, это четыре года верности и откровений, четыре года зарождения любви. Андрей— он такой вспыльчивый... Ну, было, было— подрался, виноват, наказан, но что же теперь— забыть его? Отвернуться? Предать? Невозможно. Она писала ему письма в колонию— нежные, глубокие, откровенные, грустные, он ей— из колонии... В письмах они были как одержимые, не могли жить друг без друга, казнили себя, что не смогли вдвоем отвести беду, строили планы на будущее. Мать Андрея не раз и не два прибегала к Лене домой: Леночка, милая, как он там? Расскажи!

Матери он писал гораздо реже, чем ей, Лене... И отвернуться? Лена пошла наперекор всей школе,

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

учителям, наперекор всем мнениям и пересудам — дождалась Андрея, ждала его долгих девять месяцев, двести семьдесят четыре дня.

Что с ними было потом?

Они просто с ума сошли от счастья, они поняли, глубоко почувствовали, что жизнь, когда они не вместе, теряет для них всякий смысл...

И была свадьба...

В тридцать шесть лет Аня стала бабушкой. Не снилось ей такое и не гадалось. Как всякая мать, мечтала и она о том, что вот окончит дочь десять классов, поступит в институт, станет специалистом с высшим образованием, потом встретит хорошего человека, выйдет замуж, нарожает детей и так далее и так далее...

Но у жизни свои законы. Свои тайны. И под собственные представления и мечты ее не всегда подгоняешь. А может, и не надо подгонять? Может, и не надо...

Ну, хорошо, надумала дочь замуж выходить — как тут будешь противиться? Не согласишься — мало ли какие беды могут случиться. Вот и дали с Ивановым благословение на брак.

Но благословение — это одно. А вот ответственность, которую они почувствовали за молодую семью, — это другое.

Поразительно только вот что: сами молодые почему-то никакой ответственности за себя не испытывали. Любовь для них — начало и конец всего. Всех забот. Всех тревог. Всех проблем.

Хороша жизнь, да ведь все же не сказка. Жизнь — это суровая проза будней. И прозу эту Аня познала на себе сполна. Не много, не мало, а живет в Сибири десять лет, работает в рабочей столовой, всегда на людях, на виду. А ведь в то время, когда они приехали сюда с мужем, десять лет назад, здесь почти ничего не было. Холод, болота, мошка, комары. Север, одним словом. Лена росла хрупкая, из больниц не выходила, в каких только санаториях не пребывала — хватало забот с ней. А тут трагический случай — муж погиб в тайге. Горе пополам с заботами делила — не успела оглянуться, а уж в волосах седина засеребрилась. Слава богу, встретился позже хороший человек, Иван, вышла за него замуж. Но у Вани работа такая — рыбинспекцией занимается, целыми днями на озерах и реках пропадает. Вот и получалось — семейные заботы лежали все-таки на Ане. Поэтому она-то и сказала молодым жестко: как хотите, но чтобы учились в вечерней школе. Иначе... Они и сами, конечно, собирались учиться, да без Аниной помощи далеко бы не уехали. Родилась у Лены Томка — какая уж тут учеба?

— Нет, ходи, учись, — не отступала Аня. — Сколько надо, столько и посижу с внучкой. Но только учись.

Грудью Томку кормила и сдавала выпускные экзамены — вот как было у Лены. Андрей то на работе, то вместе с Леной в вечерней школе. Иван все время в разъездах. Кто поднимал Томку на ноги?

Аня. Мать есть мать.

Но в иные дни, в иные вечера Аня вдруг с грустью прислушивалась к своей душе. Ну, если честно, положила руку на сердце, рада она или нет, что у дочери появилась своя семья? В общем-то как будто бы и рада, да. Но... Молоды, слишком молоды еще Лена с Андреем, семья и ребенок для них — как игра. Игра... Странно, физически они были уже зрелые, взрослые люди, а духовно, душевно, сознательно... Или, может, так и должно быть? Ведь, когда они поженились, Лене было шестнадцать, а Андрею — семнадцать...

— Кончаем вместе с вахтой. — Соболев обвел электриков жестким взглядом. — Резину тянуть нечего. Вышкарям — им что, им лишь бы сдать. А на нас пуск буровой. За кем тормоза?

— Я смотрел. — Лапшин тщательно вытирал руки тряпкой.

— Давай, Андрияша, посмотри еще разок. Подтхни там, что надо. Отработай. Остальным — к насосной.

Самое отрадное для Андрея — возиться на буровой. Буровиком кажется — они пуп земли, а случись что в электроцепи — буровая вымерла. Нет, главный человек на буровой — это электрик. Он, не кто-то другой вдыхает в буровую вышку жизнь. Работа эта постепенно так захватила Андрея, что иной судьбы для себя он уже и не представлял. Кто куда, а он и учиться после вечерней школы поступил в Томский политехникум — на техника-электрика промышленного и бурового оборудования. Лена ревнует его к Томску, говорит: как приедешь домой после сессии, так сразу будто чужой. Он смеется. Говорит: эх, Ленка, Ленка, ну

что ты понимаешь в электричестве?! Там же схемы, конденсаторы, сопротивления, трансформаторы, полупроводники... Одни слова и названия чего стоят! Попробуй месяц-полтора поживи среди этих слов — кому будешь родней, электричеству или семье?

На буровой Андрей работает с легкостью какой-то. С легкостью — потому что работа к сердцу прикипела. Иной раз готов две смены на буровой отбарабанить, с двигателем провозиться или в насосной схеме отработать, чем домой ехать. А почему? Как ни приедешь — Лена за свое: посиди с Томкой, я все время одна и одна, скучно, тоже пойду работать, а то тебе легко — прибежал с работы, наелся и айда в футбол гонять, а мы опять одни и одни... И вот так заведется, заведется... Слушать — уши вянут. Ну а чего — дома сидеть, что ли? Он пока что мужчина, не тряпка. Женское дело — пеленки и дети, а его дело особое. Не сейчас, так когда еще в футбол погонять? Или с ребятами немного по улицам вечером прошвырнуться? Нельзя, что ли?..

— Ну, какие дела, Андрей? — Смотрит Андрей, а рядом Соболев Володя. Отменный электрик. Когда-то Андрей был у него в учениках. А теперь вместе работают в пуско-наладочной бригаде электриков. И главное — парень он веселый, свой в доску, хотя и начальство — за бригадира у них.

— Да чего, — Андрей оборачивается через плечо, — за тормоз головой отвечаю.

— Лады. — Володя поглядывает на часы. — А про вахту не забыл? — Улыбается. — Половина пятого.

— Без меня не уедете.

— Так и быть. А сам к жене не торопишься?

Ну что же — не сегодня-завтра начнется бурение, оживет вышка, врежется турбобур в толщу земли, а там и до нефтеносного пласта недалеко.

А на сегодня хватит. Вахтовый автобус летит по веселой бетонке домой. Смех, шутки, соленое мужское словцо.

А дома...

— Ты бы хоть один вечерок с нами побыл. Все для тебя интересней — футбол, друзья, улица, только не мы с Томкой...

— А ты не зуди.

— Андрияша, да пойми же ты! Ты на работе — я тебя жду, ты на сессии — я тебя жду, ты с друзьями, на футболе, еще где-то пропадаешь — опять жду...

— Да меня и так ребята на смех поднимают: прилпх к Ленкиной юбке...

— Ребята... — горько усмехнулась Лена. — Тебе с кем жить, с ребятами или с нами? Горе пришло — кто тебе помог? Что-то не видела я твоих ребят...

— Не надо старое ворошить, знаешь ведь: кто старое помянет, тому глаз вон...

— ...а кто старое забудет, тому два вон...

— У нас что сегодня, смотр художественной самодеятельности? Вечер пословиц и поговорок? Ладно, мне некогда, я побежал.

— Андрияша!

А Андрияша уже и след простыл...

И опять, в который уже раз, она остается одна с Томкой. Текут по щекам слезы. Хорошо, дома никого нет, никто не видит. Ох, горько на душе, горько... Как поженились — какое было счастье! А теперь... Привык он, что ли? Делает что вздумается. Мать вон с Томкой сколько сидела, пока они вечернюю школу кончали, — он бы хоть полслова благодарности. А потом лаборантка эта. Ну хорошо, это все позади, забыто. Прощено. Но ведь сейчас... везде ему хорошо, только не дома. Разлюбил? Нет, только не это. Просто дурачок он еще. Да, дурачок, хоть и старше ее. Не умеет ценить семью. Она вон тоже как на работу хочет! Вот хоть в детский сад воспитательницей... к ребятишкам... к их радостям, переживаниям... Вообще к коллективу, к его заботам... А он не понимает этого. «Сиди дома — чем тебе плохо?» А сам вон уже в техникум поступил. Общеголял ее. И все это так, легко, играючи. А почему? Потому что ему все условия. Нет, не ценит он Лену. Не замечает, сколько другие для него делают. Это не в укор, а ради справедливости. И всегда ему все можно. А ей ничего нельзя, да? Вот возьмет и устроит ему встряску. Пускай тогда посмотрит на все другими глазами. А что? Вот плюнет на все и тоже пойдет на свидание. Прочтут тогда как следует. Был ведь однажды Витька такой — на танцах вертелся? Был. Пока Андрей глазами хлопал, тот все на свидание пригласил. Она говорит: я замужем. Он не верит. Ей-богу, говорит она, а он все равно не верит...

Ну, а что? Очень даже здорово — вот возьмет и пойдет с Витькой на свидание.

И пошла.

... — Ленка отравилась!

— Что? Где? Что-о? — Со сна Аня не сразу и поняла, что случилось.

Потом была суматоха, телефонные звонки, алло, алло, да, да, «Скорая»... И уж когда примчалась «Скорая» и забрала Лену, Аня рухнула на диван, руки повисли плетьюми. Господи, да за что же ей такое! Вот они — детки! Чего они только не делают, как только не изощраются в своих глупых выходках, лишь бы ранить материнское сердце поглубже и побольней. Думают о всяких пустяках, придумывают какие-то детские жестокие принципы, ни в грош не ценят ни заботу, ни помощь старших, не вспомнят наконец вовремя, что они уже не просто Андрей + Лена = любовь, а родители, что у них дочь, что за жизнь дочери они несут ответственность... Нет, ничего этого до них не доходит! Поистине глупа и жестока молодость, глупа, близорука и заносчива!

Иван хлопотал рядом с ней, что-то говорил, успокаивал, подавал воду, она слушала и не слышала, тяжело было на душе, тяжело и горько... Как же это случилось? Как все обернется?.. Нет, нет, нет, все будет хорошо, все должно быть хорошо, ведь у Лены Томочка, третий год ей уже, третий...

— Доктор, доктор...

— А вы кем ей приходитесь?

— Мужем, доктор. Я муж. Разве вы не помните? Вы еще говорили...

— Мужем? А-а, мужем. Беречь надо жен, молодой человек. Беречь!

— Я...

— Будет жить ваша жена. Будет. Ну-ка, посторонитесь...

Он шел по улицам как пьяный. Как же долго он не понимал того, что сегодня понял с такой ясностью! Нет, вот только сейчас, сегодня он наконец прозрел, только сейчас по-настоящему почувствовал, что такое есть вся его жизнь, его любовь, его судьба. Только сегодня — на грани потери самого дорогого — он глубоко ощутил, что время детства, ребячества и беззаботности ушло для него безвозвратно, он давно уже взрослый человек, только никак или не мог, или не хотел смириться с этим. А ведь любовь на свете существует только затем, чтобы делать любимых счастливыми. Любовь — это жизнь ради счастья любимого.

Он шел по улицам и вспоминал свою прежнюю жизнь. И ясно видел, что пока, вплоть до сегодняшнего дня, они жили с Леной хотя и в любви, хотя и вместе, но как бы отдельно душа от души, не было такого, чтобы он чувствовал ее заботы и муки как свои, не было... И вот это-то как раз очень странно и очень тяжело. Всегда казалось — какое заблуждение! — что так, как они любят друг друга, никто никогда на свете не любил. А теперь, только теперь он разглядел: жили-то они каждый сам по себе. Ну в самом деле, как же получилось, что вот он окончил школу, учится теперь в техникуме, работает на буровой, а Лена, сколько бы ни говорила ему, что тоже хочет работать — в детском саду, она так любит возиться с малышкой! — так вот, сколько бы она ни говорила о том, ему все это казалось вздором или женским капризом. Но почему, почему?

И вообще как же так, любят друг друга и в то же время не любят, что ли?..

Просто появилась привычка в любви. И это самое страшное — становишься черствым, бездумным, успокоенным, самовлюбленным, жестоким, несправедливым. Нет, надо каждый день дарить любимому радость, быть с ним рядом от первого до последнего вздоха, разделить с ним в полную меру жизненную судьбу.

Потому что любить — это значит быть родным. Потому что любить — это жить ради другого. Пойми это. Пойми.

Вы познакомились сегодня с двумя семьями — очень разными и все же чем-то похожими друг на друга. Конечно, рассказом о них, как и подробнейшими социологическими исследованиями, тема не исчерпывается. Понятия «семейная жизнь», «семейное счастье» буквально неисчерпаемы, и каждый понимает их по-своему.

Мы ждем от вас писем, ждем, чтобы вы поделились своими взглядами на проблемы молодой семьи, рассказали о ваших семьях, о вашей жизни...

Итак — ждем писем!

НОВОЕ ИМЯ

**Владимир
ДЕТКОВ**

В разнообразии литературных форм и жанров, так же как и в живом мире, есть свои макро и микро. Скажем, не перестаешь удивляться такому масштабному произведению природы, каким является синий кит. Но в то же время природа не меньше изумляет и своей изощренностью и изяществом в таком своем шедевре, как колибри.

Так вот, пятисотстраничный роман и полстраничная миниатюра — это все равно что синий кит и колибри. Роман нас впечатляет грандиозностью охвата жизненного материала, сложностью событий и переплетений человеческих судеб; миниатюра же приводит в изумление своей тонкостью, ювелирной законченностью и острой фокусировкой, выхватывающей посредством своей особой линзы то неприметное, мимо чего чаще всего проходишь, не замечая.

Лично для меня природа миниатюр всегда загадочна. Мне кажется, пишут их люди с особым и весьма редким душевным складом, с особо острым зрением и той способностью ферментации изначального материала, к которой прибегает пчела, строя свой мир. Воистину художник-миниатюрист, подобно пчеле, внимательно заглядывая и обследуя каждый уголок нашего бытия, дотошно всматриваясь в так называемые мелочи жизни, благодаря своим философским ферментам обращает подручный, на простой взгляд даже будто бы «бросовый» материал в нечто необыкновенное, заставляющее нас поражаться, задуматься или озаботиться.

Все эти размышления вызвали во мне предлагаемые вниманию читателей «Смены» миниатюры Владимира Деткова, молодого литератора из Курска.

По специальности он агроном, в свое время окончил Новочеркасский сельскохозяйственный институт. Работал в колхозе «Победа», что в Рыльском районе Курской области. В 1961 году стал секретарем Рыльского райкома комсомола, а с 1963 года по сей день трудится в редакции областной газеты «Молодая гвардия». В 1975 году заочно окончил Литературный институт.

**Евгений НОСОВ, лауреат
Государственной премии РСФСР имени Горького**

НА ПОБЫВКУ

Солдат догнал самолет, когда тот уже вырливался на взлетную полосу. — Стой! Куда тебя под винты не снесет! — крикнул пилот из кабины и сбросил газ.

Открыли дверцу, взяли на борт распаренного от жаркого бега в тесном парадном кителе парня. Мешая слова благодарности с глубокими вздохами, он сбивчиво стал объяснять, что летит из Заполярья в родное село Кобылки на побывку, в свой первый солдатский отпуск... И что билета он взять не успел.

Но легчик добродушно поторопил: «Ладно, ладно, садись...» Пока его усаживали поудобнее, пока пилот разогнал мотор, солдат, растерянно похлопав себя по карманам, вдруг обнаружил, что забыл бумажник на кассовом барьере... Пассажиры дружно всполошились, на разные голоса извещая пилота о «ЧП».

Мотор снова оборвал рев. Открыли дверцу, чтобы выпустить вконец расстроенного парня на очередную «четырёхсотметровку», но увидели женщину в служебной форме, бегущую к самолету. То была кассирша с бумажником в руке.

Трогательная суматоха человеческого участия. Солдат совсем потерялся в смущении, не зная, как и благодарить свою «спасительницу». А пилот незло проворчал, усаживаясь за штурвал:

— На «губу» тебя надо, растяпу... — И, пуская машину с тормозов, весело добавил: — Сейчас мы тебя мамке под охрану сдадим...

ОБЪЯСНЕНИЕ

Шли двое по лесу. Одной тропой, взявшись за руки, шли, а по-разному на мир смотрели.

— Не люблю березы за их слабость. Любому ветру кланяются, — сказала она. — То ли дело кедр — могучий, стойкий. В нем иной ветер сам запутается... Лесоруб подойдет, глянет вверх и опустит топор: жалко.

— Не от слабости березка под ветром клонится. Нежностью его дарит. Что он без нее, что она без него — даже голоса не подадут. А вместе — такая песня. Придешь сюда после трудного дня, прислушаешься, и усталость на-

пополам расколется. И ты из нее для нового дня растешь... А кедр — это, конечно, здорово. Только рядом с ним маленьким себя чувствуешь.

Остановились у сосны с открытой смоляной засекой.

— Смотри, как напряглась, — восхитился он, — сплошные ступки мышц.

— Да ну-у... — скептически протянула спутница. — Это скорее ребра торчат. Скинула одежду старуха и обнажила свою худобу.

Повеяло холодком ссоры. Вот и руки отчужденно разошлись и взгляды столкнулись.

Рисунок Владимира МОЧАЛОВА

Стоит она перед ним, гордо вздернув худенькие плечи, вся такая маленькая, хрупкая, смотрит снизу вверх. В глазах вызов и ершистая непокорность... А руки, опавшие вдоль тела, опоры ищут в растерянности и смятении...

«Что он без нее, что она без него», — услышал он свой голос и, улынувшись непримиримому взгляду, подхватил ее на руки и закружил в шалом порыве... Тонкие руки нашли опору, обвили вокруг его шеи. А светлые волосы разметались. Как по ветру...

ЧИСТЫЕ ПРУДЫ

«Дождь-косохлест», «дождь-подстега». Сказано — высечено. Зримо — до мурашек по коже, словно за шиворот капли холодные занесло.

Не слова, а рыбки золотые, и пойманы они у щедрого хранителя чистых прудов Владимира Ивановича Даля. Пруды заповедные, да охота в них поощряется. Потому как обитатели их свойство удивительное имеют: чем чаще их ловят, тем дольше им жить...

ГЕНЕРАЛ МУРАВИИ

Дождь и солнце рассыпали по траве-мураве искристые капли. Они подсколи, округлились и еще веселей заиграли на листочках-плечиках, словно звезды на эполетах. И, казалось бы, всех поровну оделял дождь, а все же у одного из братьев-спорышей почему-то капли звезд крупнее. И оттого он сам кажется на голову выше остальных с такими огромными звездами, во все плечо. Этаким генерал Муравии.

Но стоило порыву ветра пройти по траве и стряхнуть с нее дарованные небом награды, как исчез генерал. Нигде не могу отыскать его превосходительства.

СТОМЕТРОВКА

На практике в Целине — есть такой райцентр на Северном Кавказе — мы мерили свои первые агроверсты, в распутицу месили сапогами цепкие черноземы и, как моряки, после долгих походов вставшие наконец на твердую почву, радовались стометровке асфальта, лежавшей посреди поселка.

Вольными дождливыми вечерами мы с другом любили бродить взад-вперед по этому «клочку цивилизации» и вести свои бесконечные диалоги обо всем на свете.

Много дождей пролилось с тех пор. Разрослась до огромных размеров и стометровка асфальта. Только теперь не радуется она своей твердостью. Напротив, ноги тоскуют по полевой тропе. И каждое утро, когда случается идти через парк, они сами сворачивают с тротуара на земляную тропку и с особой легкостью проходят по ней стометров...

Репортаж об интересном

Владислав ЯНЕЛИС
Фото Юрия УСТИНОВА
Специальные корреспонденты
«Смены»

«ПОДЗЕМНАЯ РАКЕТА» ФИНИШИРУЕТ

Первый раз мы увидели «Крота» на полигоне. Это было простое поле, изрытое котлованами под фундаменты будущих жилых массивов. Обычное поле, каких немало в Подмосковье. И все же в официальных документах участок, отведенный для испытаний очередных моделей «Крота», значился как полигон. Можно было выбрать и другое место, где-нибудь поближе к центру, но остановились на этом: «Крот» должен проходить испытания на трудном грунте. Кроме того, здесь была практическая необходимость в работе, которую он мог выполнить.

Мы стоим на краю трехметровой траншеи, другая, такая же, от нас примерно в двадцати пяти метрах. Эти двадцать пять метров установка «Крот» должна пройти за час с небольшим, во всяком случае, так мы все предполагаем. Наверху холодно, но необъятному полю гуляет ветер. Если бы было можно, я, кажется, сам полез бы вниз и попытался помочь испытателям в их манипуляциях со стартовым устройством. Нельзя. В траншее только рабочая группа — Валерий Козлов, Константин Гурков, Владимир Григорашенко, Борис Смоляницкий. Все они создатели «Крота», научные сотрудники Новосибирского института горного дела Сибирского отделения АН СССР, за исключением Козлова — инженера-строителя чистой воды. Их еще называют «ракетчиками», потому что почти все модели «Крота» внешне похожи на миниатюрные ракеты. На международном рынке «Крот» так и называют — «русская подземная ракета».

Григорашенко снял куртку и остался в одном комбинезоне: ему жарко, на худом, остром лице капельки пота. Человек удивительной энергии, он вместе с теоретиками и пионерами этого дела — лауреатом Ленинской премии профессором Б. В. Суднишниковым, профессором А. Д. Костылевым и другими — начал работать над «Кротом» с нуля. Вместе с Гурковым и Владимиром Климашко Григорашенко испытывал своего первого «Крота» в крохотном дворике института. Это было несколько лет назад, и с тех пор он сотни раз провожал «ракеты» в землю, но так и не научился оставаться при этом спокойным.

— Валерий Афанасьевич, — кричит Григорашенко Козлову, держа на ладони мокрый коричневый ком, — грунт-то ой-ё-ёй — самая плотная глина!

«КРОТ»

ИНЖЕНОПРОБОВНИК НЕ ТОЛЬКО ПРОХОДИТ ГРУНТ САМ, У НЕГО ХВАТАЕТ СИЛ ЗАБИТЬ В ЗЕМЛЮ ТРУБЫ БОЛЬШОГО ДИАМЕТРА.

НА ПОЛИГОНЕ.
РАБОТА С «КРОТОМ»
ПОД КРАСНЫМ ПРОСПЕКТОМ
В НОВОСИБИРСКЕ.

— За что боролись... Не зря же нам москвичи этот участок сосватали!

Козлов вполне бы мог находиться наверху, а не лазить по траншее: все-таки руководитель испытаний. Но он не выдержал, как был — в светлом плаще и полуботинках — спрыгнул вниз, принялся что-то втолковывать Смоляницкому, проверять шланги, хотя все выверено уже пять раз. Козлов был первым строителем, поверившим в идею «Крота» и оставшимся верным ей, несмотря на многочисленные поначалу неудачи. И ведь было же, было отчего загрустить: какой-то период почти каждая третья установка оставалась ржаветь в земле. Но Козлов продолжал зашищать «Крота» во всех инстанциях, требовал для него новые объекты.

Перед тем, как скомандовать «пуск», Григорашенко предложил мне пощупать все своими руками. Через две недели в Новосибирске он разрешит мне управлять «Кротом», когда убедится, что я «заболел» этой идеей.

Конусообразный наконечник гладкого стального тела нацелен в отвесную стенку траншеи. Ребята постарались: все машины выкрашены в яркие цвета и выглядят так, будто только что сняты с демонстрационных стендов. Жаль, что их красота недолговечна — едва «Крот» начнет свою работу где-то там, под землей, грунт сдерет с него самую стойкую краску.

Смоляницкий загоняет в землю последний штырь, которым крепится к дну траншеи стартовое устройство. Все застыли в напряжении. И вдруг Козлов, улыбаясь, хлопает ладонью по желтому боку «Крота» и как-то обыденно произносит:

— Ну что, милый, давай, что ли...

В следующее мгновение стодвадцатикилограммовая «ракета», брошенная вперед мощным толчком сжатого воздуха, вонзается в землю.

Перед запуском второго «Крота» Козлов предлагает перекурить. Мы стоим наверху, накрывшись плащ-палаткой (начался дождь), первый «Крот» роет землю, и я под раскаляющую барабанные перепонки дробь ударов пытаюсь взять интервью у Григорашенко.

— Значит, как возникла идея? — Конструктор опускает глаза в землю. — Вы, конечно, видели, как взламывают асфальт и роют траншею, чтобы проложить телефонный кабель или трубу. Строители даже придумали шутку: «Асфальтовое покрытие — это обязательное условие для прокладки подземных коммуникаций». Хорошо, если работы ведутся на тихой улице. А представьте, что надо проложить коммуникации под загруженной транспортной автомагистралью, или под железной дорогой, или под бетонным полом крупного цеха? Значит, останавливай движение, демонтируй цеховое оборудование и так далее. Дорого и трудоемко, но другого выхода все равно нет, вернее, не было. И вот в нашем институте родилась идея создать установку для бестраншейной прокладки коммуникаций, то есть для подземной проходки грунта без нарушения его поверхности. По ассоциации с маленьким животным, которое отлично умеет лазить под землей, машину назвали «Кротом»...

Сначала была сконструирована модель, двигающаяся под воздействием зарядов взрывчатки. Но после первых же испытаний от нее пришлось отказаться: слишком громоздка и небезопасна в работе. В конце концов за основу был взят принцип пневматического молотка, работающего на сжатом воздухе. Идею рассчитали на бумаге: сила инерции от ударов молота внутри пневмопробойника должна двигать установку вперед так, что после нее остается скважина, равная диаметру самого пробойника.

Все шло хорошо до тех пор, пока «Крот», тогда еще не умевший двигаться назад, не встречал на своем пути под землей какого-то мощного препятствия. Большой камень изменял направление движения пробойника. Поэтому установку приходилось порой «хоронить» где-нибудь на середине ее подземного маршрута.

Ученые не прекращали исследований и наконец научили «Крота» обратному ходу. Под крупнейшей автомагистралью Новосибирска — Красным проспектом — были удачно пробиты несколько скважин и проложены коммуникации длиной более 50 метров. Движение транспорта при этом не прерывалось ни на минуту. Через некоторое время в институт обратились авиаторы с просьбой сделать проход под взлетно-посадочной полосой аэродрома. Эта работа, которая отняла бы у десятков людей недели, а то и месяцы, была выполнена за один день.

С тех пор «Крот» освоил массу профессий. Пневмопробойник «лечит» железные дороги, выводя грунтовые воды, угрожающие размыть насыпь, через пробитые им скважины в безопасные места. Он сам создает и прокладывает в земле трубы различного назначения. Для этого достаточно заполнить скважину асбоцементом и вновь прогнать сквозь нее установку. «Крот» ремонтирует старые фундаменты зданий, забивает в земле сваи, формирует трубы, прокалывает в карьерах глубокие отверстия для взрывчатки.

...Каким-то особым чутьем Григорашенко угадал время выхода первой установки. Мы едва успели добежать до следующей траншеи, как «Крот», угодив в самое «яблочко», вырвался из земли, начисто лишенный всей своей яркой красоты. Я посмотрел на часы: установка прошла двадцать пять метров за пятьдесят с небольшим минут.

ИСТОКИ СОДР

ЗАМЕТКИ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ С КОМСОМОЛОМ

Читаем ли злословный роман, смотрим кинофильм, сидим ли в театре — нет-нет да и спросим себя: о том ли это, действительно, о чем хотелось бы нынче поразмыслить? О главном ли?

И тут уж ничего не поделаешь: современность всегда требовала и пристального внимания к себе и отображения в искусстве.

А представьте-ка себе самое начало двадцатых годов, то горячее время на переломе истории, когда молодая Советская власть в жестоких боях отстояла завоевания революции и перед ней встали тысячи проблем, которые перед этим за всю историю человечества не приходилось решать никому.

И жажда самопознания и необходимость воспитания нового поколения в духе коммунистических идеалов — все это сливалось в нетерпеливом ожидании нового искусства.

Советская литература только зарождалась, но молодым энтузиастам уже тогда хотелось увидеть художественное воплощение революционных событий. Поэтому то нередко объявлялись пролетарскими, революционными, комсомольскими поэтами и писателями те, кто позднее не смог оказаться на уровне времени, творчески не последовал ленинскому указанию учиться.

Комсомол считал главной своей задачей социалистическое воспитание молодежи. Сделать это без освоения тех богатств, которые выработало человечество, было совершенно невозможно. Ограничиться только этими богатствами было тоже нельзя. Необходимо было на основе критического их осмысления приступить к участию в социалистическом культурном строительстве, необходимо было постичь и развить то новое, что принесла с собой наша Великая революция в области духовной, в области литературы.

Обращение В. И. Ленина к комсомолу на III съезде развернуло широкую программу участия молодежи в социалистическом строительстве.

«Круги чтения» для молодежи, созданные литературных студий и кружков при райкомах, расширение выпуска литературы для юношества — это были первые шаги, укреплявшие связь комсомола с литературой.

В первых изданиях комсомола печатались со своими литературными произведениями, преимущественно стихами, начинающие молодые литераторы, многие из которых громко заявили о себе как о комсомольских писателях. Недостаток творческого опыта зачастую они компенсировали громкими революционными фразами или зарифмованными коммунистическими призывами. В попытке выделиться, говорить от имени молодого поколения, разумеется, не было ничего предосудительного. В стране создавались комсомольские театры, агитбригады, художественные коллективы. И естественным было создание группы комсомольских поэтов. Однако эта не оформленная организационно группа претендовала на выражение мнения всего молодого поколения, претендовала на монопольное право говорить от его имени. Это уже давали себя знать и будущие рапповские настроения и худшие замашки этой литературной группы,

куда входили некоторые из комсомольских писателей.

Однако процесс творческого роста нашей литературы ниспровергал всяческие нежизненные и надуманные построения. От имени молодого поколения с полным основанием говорили те талантливые писатели и поэты, кто прошел школу гражданского мужания и творческого формирования в боях с белогвардейцами, в схватках с кулаками, в бурной деятельности периферийных комсомольских ячеек. Они тоже считали себя комсомольскими писателями, хотя и не входили в группу, официально себя так именовавшую.

О себе, о своем поколении напишет впоследствии народный поэт Белоруссии Петрусь Бровка. бывший в 20-е годы секретарем комсомольской ячейки:

Гордились мы
Первой ячейкой сельской.
Росли, пролагая
В грядущее рельсы,
За книжку садились
И песни слагали,
В которых
Всемирный пожар раздували.
Боролись с бандитом,
С попом, самогоном,
Сидели в засадах
Отрядами ЧОНа.

После первой публикации в «Червоний Поляччине» комсомольцы окружкома встретили Бровку, вспоминает он, с триумфом, начали качать: «Привет нашему поэту!»

«А я-таки и в самом деле был их поэтом молодежным. Я писал о себе и о всех молодых. Потом, не единожды, я читал свои новые стихи за окружкомовскими столами. Стихи хвалили, иногда критиковали.

А дальше — встречи с комсомольцами, с молодежью в клубе, на комсомольских вечерах, в районах, в цехах во время перерывов.

...Я почувствовал, что становлюсь поэтом, хотя и ощущал, что для того, чтобы полностью отвечать этому высокому званию, мне еще нужно много учиться. Учиться и работать».

Так в общении со своими молодыми читателями, в упорнейшей и кропотливой работе, в постоянной творческой учебе мужали и крепили те, кого мы по праву считали и считаем молодежными комсомольскими писателями.

Комсомольская тема, наверное, присутствовала в творчестве у каждого большого советского писателя. Да и вряд ли можно было оставить без сердечного, а впоследствии и художественного отклика беззаветность комсомольцев в лихих конармейских атаках, неукротимый напор юных строителей Магнитки, бесстрашную самоотверженность Матросовых, бескорыстный подвиг целинников. Ведь наши советские литераторы в большинстве своем и вырастали из молодого комсомольского племени — потому-то им были близки и понятны чувства и переживания комсомольцев.

От далекого декабрьского вечера 1919 года, когда ельнинская комсомольная провожала четырех добровольцев на фронт, протянулась ниточка к знаменитой «Комсомольской прощальной» Михаила Васильевича Исаковского.

«В ранние декабрьские сумерки, — вспоминает Исаковский, — мы провожали своих добровольцев на вокзал. Стоял легкий морозец, и бесшумно падали снежинки на

замерзшую землю. Мы шли строем — вся Ельнинская организация, шли со знаменем. Четверо наших добровольцев — впереди. Шли молча, без песен, без разговоров. И только наши ноги нарушали тишину безлюдных вечерних ельнинских улиц, на которых не горело ни одного фонаря... Помнится, как на прощанье мы крепко-крепко пожали руки нашим товарищам, пожелали им скорого возвращения с победой, как они вошли в вагон...

И мы долго потом смотрели вслед уходящему поезду, не смея сдвинуться с места. На душе было грустно, и хотелось сделать что-то большое-большое и хорошее...»

И позднее, посмотрев в 1935 году кинофильм «Подруги», бывший ельнинский комсомольский секретарь подарил комсомолу песню, которая стала символом героических и романтических 20-х годов.

Пожалуй, не было комсомольского съезда в 20-х годах, на котором не обсуждались бы вопросы литературы, роста «комсомольского литературного молодняка», создания книг для молодежи. В резолюции V Всероссийского съезда РКСМ (решившего, кстати, создать первое коммунистическое юношеское издательство «Молодая гвардия») отмечалось, что необходимо усилить воспитательную работу среди молодежи:

«Подавая и преподнося одни сухие циркуляры и сухую пищу для ума, не давая ровно ничего чувству, мы бросаем юношество в буржуазный кинематограф, в пинкертоновщину и пр. Необходимо использовать весь романтически-революционный материал для воспитания юношества — подполье, гражданскую войну, ВЧК, подвиги и революционные приключения рабочих, Красной Армии, изобретения, научные экспедиции и т. д. На литературу, кинематограф, театр, клубы, вечера должно быть обращено должное внимание».

Последовательно продолжали эту линию резолюции шестого съезда ВЛКСМ, состоявшегося в 1924 году:

«В основу подлинно революционной беллетристики для молодежи должны быть положены: жизнь и работа трудящейся молодежи СССР, в частности складывающийся комсомольский быт; история революционного движения, в первую голову история нашей партии; героические моменты гражданской войны и советского хозяйственного строительства, современная классовая борьба на Западе и Востоке, социальные и технические утопии и фантастика».

2 июня 1926 года Бюро ЦК ВЛКСМ приняло развернутое постановление «О писателях из молодежи». Оно подводило первые итоги совместной работы с художественной интеллигенцией, анализировало ошибки и промахи, намечало планы на будущее. Главное место в них уделялось заботе об идейном и творческом росте молодых литераторов, о тех, кто, говоря словами Ильича, «вступает в работу уже при новых условиях, при такой обстановке, когда нет эксплуататорского отношения между людьми». В чем в связи с этим видел свою задачу Коммунистический союз молодежи?

«Задача комсомола, во-первых, организовать литературную учебу, помогать поднятию общей, и особенно литературной грамотности пишущего слоя рабочей и крестьянской молодежи — юнкором. Во-вторых, всячески поощрять и помогать талантливым юнкору вырастать в юношеского писателя, хотя это явление сравнительно с общим числом юнкором не примет массового характера, и помогать, с другой стороны, сложившемуся уже писателю пе-

реходить от узкооношеских тем к общим, помогать вращать в общепролетарскую литературу».

Но уже тогда комсомол предостерегал от «авангардистских» взглядов, овладевавших нередко молодыми писателями. В том же постановлении отмечалось, что «никакой специфически комсомольской литературы нет и быть не может. Литература, создаваемая комсомольскими писателями и вообще молодыми рабочими и крестьянскими авторами, есть часть общепролетарской классовой литературы».

Видное место в постановлении было уделено и разработке теории молодой пролетарской литературы.

«Перед литературой комсомольского молодняка стоят две опасности: изображать только положительные явления, окрасивать все сплошным красным цветом, и вторая, встречающаяся у писателей, описывающих только темные стороны, потеря перспективы, пессимистические настроения в оценке окружающей действительности. Задача же литературы отображать жизнь во всех ее противоречиях».

Речь шла не только о достижениях, но и промахах молодой литературы:

«Основными недостатками ее продолжают оставаться: схематичность, нежизненность героев, описываемых скорее с плаката, чем с действительности, и бедность языка. Большинство этих недостатков объясняется главным образом литературной молодостью и неопытностью каждого писателя, которые неизбежны для него, поскольку они являются неизбежными спутниками переходной ступени к пролетарской литературе вообще».

Развитием всесторонней заботы ЦК ВЛКСМ о литературном процессе с полным правом можно считать резкую критику в адрес руководства РАППа, в ходе горячей дискуссии с которым комсомол поставил в повестку дня вопрос о создании образа положительного героя — главного действующего лица нашей жизни. Поддержанное ЦК ВКП(б), это насущное требование времени на долгие годы стало определяющей тенденцией в развитии нашего искусства.

Однако меры ЦК ВЛКСМ не ограничивались только теорией. В те годы при многочисленных комсомольских изданиях, райкомах и горкомах ВЛКСМ создавались литературные студии, объединения. При ЦК ВЛКСМ была создана постоянная комиссия по работе с молодыми литераторами, в которую вошли и молодые: И. Уткин, М. Голодный, А. Жаров и др., постоянно сотрудничав в комсомольской печати В. Маяковский.

Разумеется, в деле становления молодой литературы не обходилось без трудностей. В публикациях для юношества и детей было много наносного и примитивного, возле молодежных изданий нередко группировались халтурщики и «зашибатели денег», люди, весьма однобоко представляющие задачи литературного творчества, юношеской литературы. В 1933 году А. Фадеев писал:

«Известно, что у нас написано и добродушно напечатано издательствами немало плохих книг для детей».

Еще раньше в «Правде» (3. II 1931 г.) Н. К. Крупская писала о том, что наряду с неплохими книжками для детей издается много «бессодержательной мази», выходящей, к сожалению, в таких же тиражах, как и остальные книжки. Она предостерегала от прямолинейного понимания задач, стоящих перед детской книгой.

«Содержание детской книжки должно быть коммунистическое, — писала Надеж-

УЖЕСТВА

ФОТОКОНКУРС «СМЕНИ» «МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ»

да Константиновна.—Это не значит, что детские книжки должны только излагать программу партии и резолюции партийных съездов. Многим взрослым, мало знающим детей, кажется, что если книжка, учебник написаны не в форме резолюции, то и коммунистического содержания в ней нет».

В комсомольских газетах и журналах шли горячие дискуссии о нормах новой, утверждающейся социалистической морали, в них подвергались разбору и острой критике произведения, в которых проскальзывали нотки сожаления о прошлом, анархического отношения к нравственности и просто непонимание того, что происходило в среде тогдашнего юношества. Так, были подвергнуты критике произведения С. Малашкина «Луна с правой стороны», П. Романова «Без черемухи», Л. Гумилевского «Собачий переулочек», А. Дорогойченко «Молодежь» и другие.

Следует, однако, сказать, что порой подобная критика была предвзятой или носила форму директивного разноса, но, обсуждая книги, анализируя их на страницах своих изданий, следуя за партийной критикой, комсомол и сам учился новому подходу, бережному отношению к литературе—учился принципиальности и партийности.

Делу становления литературного молодняка беззаветно помогал в те годы Алексей Максимович Горький. Он не раз обращался к комсомолу с мудрыми советами и пожеланиями. Одним из первых с глубокой прозорливостью он по достоинству оценил значение творческого союза комсомола и писательской организации—союза, которым мы сегодня по праву гордимся.

Мудрое слово А. М. Горького сдерживало самоуверенность начинающих писателей, направляло их по правильному пути. На том этапе нашей социалистической литературы необходимо было избавиться от комчанства, зазнайства, примитивизма.

«Поэты находят излишним читать прозу, прозаики не читают стихов, но и те и другие одинаково торопятся писать малотолковые рецензии друг о друге».

На первом пленуме правления Союза советских писателей СССР в сентябре 1934 года А. М. Горький говорил:

«...Работа с молодежью... чрезвычайно необходима работа в наших условиях. Мы должны выработать целую армию отличных литераторов.—должны!» Алексей Максимович отмечал, что основным стремлением «у молодых начинающих—может быть, даже большинства их—является не столько внутренний порыв к организации своих впечатлений в образах и картинах, сколько неправильная уверенность в том, что литературная работа—очень легкая работа». «...Необходимо,—говорил он,—чтобы молодежь понимала значение литературного труда. Нужно выработать программу, нужна какая-то редакционная комиссия, которая создала бы эту программу, и затем при «Литературной учебе» нужно создать редакцию, которая серьезно взялась бы за дело».

После создания Союза советских писателей в 1934 году ЦК ВЛКСМ организовал совместно с ним полуторамесячные курсы для молодых писателей.

В январе 1936 года ЦК ВЛКСМ провел первое Всесоюзное совещание детских писателей, в котором участвовали также художники и редакторы детской литературы. Было подвергнуто критике общее состояние детской литературы. В постановлении Бюро ЦК ВЛКСМ по итогам совещания отмечалось:

«Основным недостатком детской литературы надо признать совершенно слабую работу по созданию новых, современных художественных книг для детей, отображающих советские темы. Очень мало затронуты темы о Красной Армии, о героях, о мужестве людей нашего времени, о советской школе, о быте детей».

Это совещание во многом способствовало появлению новых талантливых книг для детей старшего и младшего возрастов. ЦК ВЛКСМ поставил творческие задачи перед издательством «Детская литература», обратился к Союзу писателей с просьбой «уделить внимание к нуждам детских писателей—в частности к улучшению их жилищных и бытовых условий».

Детская литература к концу 30-х годов стала полноценной частью всей нашей литературы. Она уже имела в своем активе «Школу» А. Гайдара, «Рассказ о великом плане» М. Ильина, произведения А. Толстого, С. Михалкова, С. Маршака, Л. Кассиля, Л. Пантелева.

Постоянно усиливая деятельность по укреплению связи комсомола и писателей, Бюро ЦК ВЛКСМ и президиум правления Союза писателей приняли в 1939 году постановление «О работе с молодыми писателями», где речь шла о повышении профессионального мастерства, идейной зрелости молодых литераторов. В постановлении говорилось:

«До сих пор среди части молодых писателей не изжиты вредные настроения, выражающиеся в том, что будто бы писателем можно стать без настойчивой работы по поднятию своего общеобразовательного и культурного уровня. Нередки случаи, когда молодые писатели, не имеющие необходимого общеобразовательного уровня и достаточного опыта, берутся за литературу, как основную и единственную свою профессию, замыкаясь в кругу узко понятых литературных интересов и отрываясь, по существу, от практики социалистического строительства. Очень часто эти преждевременно профессионализирующиеся молодые писатели уходят от больших тем нашей социалистической жизни, а с другой стороны, нередко прикрывают так называемой «актуальностью» темы идейно-художественное убожество своих произведений».

Воспитывая молодую литературную смену, комсомол и советские писатели одновременно заботились о росте молодого читателя. Еще в 1933 году А. Фадеев писал, что в художественном изображении правды жизни революционный писатель, обращаясь к подростку, должен достичь еще большего совершенства, чем в литературе, предназначенной для взрослого. Воспитание нового поколения, считал он, невозможно без показа и объяснения тех общественных отношений, из которых вырос социализм.

«Вот почему,—писал А. Фадеев,—необходимо говорить о специальной литературе для детей и юношества. Вот почему ко всему, что пишется в нашей стране для детей и юношества, должно быть приковано особенно пристальное внимание советской общественности. Вот почему сказывающаяся с особенной силой в области детской и юношеской литературы отставание нашей критики—поразительное невнимание нашей критики к тому, что пишется для детей и юношества,—должно быть ликвидировано в кратчайший срок».

В литературу приходило все больше молодых. Им было что сказать юному поколению. Николай Островский так определил свою литературную цель в

письме, приложенном к рукописи первой части романа «Как закалялась сталь»: «Работа над книгой—попытка передать бывшее литературным языком». Островскому удалось блестяще справиться с этой задачей. Ни до, ни после не было в советской литературе книги, столь точно выразившей дух нашего комсомола. От душевного состояния автора, его прошлого, его чувств и мыслей до отражения страсти революционной борьбы, героического самопожертвования, полного самоотречения во имя революции—все здесь соответствовало целям и задачам коммунистической молодежной организации.

Поэтому столь удивительна и необыкновенна судьба этой книги. В 1932 году она впервые выходит в комсомольском журнале и в издательстве «Молодая гвардия», а вскоре становится самой читаемой молодежью книгой. В годы войны она была действительно «бомба и знамя».

Книги Николая Островского издавались у нас в стране 550 раз. Их общий тираж—более 26 миллионов экземпляров. Они переведены во всем мире, их читают на 112 языках. Воспитанник комсомола и его певец, Н. Островский окончательно воссоединил интересы литературы и комсомола. В недавно выпущенном собрании сочинений читатель с безусловным интересом прочтет—наряду с романами—его статьи, речи, беседы и письма (Н. Островский, Собр. соч. М., «Молодая гвардия», 1975 г.). И не удивительно, что здесь тоже постоянно перекликаются литературные и комсомольские темы. Может быть, одним из самых ярких свидетелей творческого содружества комсомола с писательской организацией страны явилось обсуждение романа «Рожденные бурей» на президиуме правления Союза писателей СССР, где Николай Островский сказал:

«Я пришел в советскую литературу из комсомола. Традиции нашей партии и комсомола дают непревзойденные примеры творческой дружбы... Вот эту замечательную дружбу мы должны укреплять в среде писателей, ибо осталось еще кое-что от той особенности в нашей среде, которую мы получили в наследство от старого, когда писатель был «кустарь-одиночка».

«...Поэтому я прошу отнестись ко мне, как к бойцу, который может исправить недочеты своей работы. Критика меня не дезорганизует. Наоборот, она скажет мне о том, что я нахожусь в кругу друзей, которые помогут мне вытянуть тяжесть...»

Творческая дружба с комсомолом становилась традицией советской литературы. Росли и крепились молодые силы, утверждался боевой союз комсомола и Союза писателей, направленный на дальнейший расцвет литературы, на рост ее молодых сил, на коммунистическое воспитание масс молодежи.

«Ребята и девушки сороковых годов революцию изучали по книгам,—говорил на торжественном пленуме, посвященном 50-летию ВЛКСМ, Герой Советского Союза Алексей Маресьев.—В каждом сердце жили Корчагин, Фурманов, Бонивур, Дундич. Были такие комиссары и у меня...»

К началу сороковых годов советской литературе насчитывалось немногим больше двадцати лет. Однако то, что она сделала для воспитания молодого поколения Республики Советов, трудно переоценить.

Редакция журнала «Смена» объявляет фотоконкурс—«Мир молодости Страны Советов», посвященный 60-летию Великого Октября. В конкурсе могут участвовать все, кто влюблен в фотографию,—фотолюбители и профессионалы, члены фотоклубов и фотообъединений.

Конкурсные снимки должны ярко и образно рассказывать о самоотверженном труде советской молодежи, о ее учебе, отдыхе, участии в общественных делах, увлечениях, о духовном богатстве нашего молодого современника, красоте родной земли, отображать интересные события, происходящие каждый день в различных уголках нашей великой страны.

На конкурс принимаются как отдельные фотоснимки, так и фоторепортажи и фотоочерки.

В конкурсе могут участвовать черно-белые и цветные фотографии (слайды). Размер черно-белых отпечатков не менее 24 × 30 см. На обороте каждого снимка должны быть указаны фамилия, имя, отчество автора, профессия, домашний адрес. Снимки следует обязательно сопроводить подробными подписями и прислать в редакцию не позднее 1 октября 1977 года.

Итоги конкурса будут подведены к 7 ноября 1977 года.

Лучшие снимки будут опубликованы в журнале, а авторы награждены премиями и дипломами.

Для победителей устанавливаются премии:

Первая премия (три)—десятидневная поездка по стране.

Вторая премия (пять)—фотоаппарат.

Третья премия (двадцать пять)—годовая подписка на журнал «Смена».

Присланные на конкурс работы не возвращаются и не рецензируются.

Мне часто снятся по ночам горы—острозубые, вонзающиеся в небо, с прилепившимися к ним облачными грядками, густыми и вязкими, как сметана. Так и снятся, честное слово. И тогда утром я достаю из письменного стола черную коленкорную тетрадку с обрезанными краями—дневник, привезенный из памирского похода. Записи в нем карандашные, сделанные на ветру, вкривь и вкось.

«Альпинизм—это самый настоящий труд, да такой, от которого мозоли бывают не только на руках и ногах, а даже на груди—от веревки-связки и на спине—от рюкзачных лямок. Но это не все: от солнца постоянно слезятся глаза и выгорают ресницы, а организму не хватает кислорода, и ты, задыхаясь, втягиваешь сквозь сжатые зубы морозный, крапивоно обжигающий горло воздух, рвешь его, как воду, но тебе все равно не хватает—таковы горы... Памир, Тянь-Шань, Кавказ. И, признаюсь, случается, что взвесишь все «за» и «против» и подумаешь: стоит ли идти вновь в горы, не лучше ли провести отпуск где-нибудь в Мисхоре, у кружевнистого прибоя, или на пляже в Дзидтари? «Нет,—отвечаешь сам себе,—не лучше». Потому что ты уже нажил «горную болезнь».

Это первая запись в тетрадке. И все тут правильно. Чего стоит, к примеру, один только цвет памирского неба над кряжами и пиками, такими светлыми от солнца, что на них больно смотреть! Небосвод Ниццы покажется жалким, выгоревшим ситцем по сравнению с сочным лазоревым бархатом памирского шатра. А ночные звезды! Огромные, тяжелые, чистого зеленого цвета, они висят так низко, что, кажется, еще чуть-чуть, и ты дотянешься до них рукой. Говорят, только в горах можно увидеть такие яркие и так низко висящие над землей звезды.

...У тех, кто выбирает своей целью горы, расположенные вдоль ледника Федченко, на пути стоит город Ош, а дальше, после однодневного броска на попутной машине—чаще всего ими оказываются почтовые грузовики,—последний населенный пункт—памирский аил Дараут-Курган.

Поэтому, как и многие, мы сначала тряслись в кузове, у которого выстрелом хлопал незастегивающийся брезентовый полог. Тряслись, пронизываемые насквозь ветром, слушали смех и громкий говор шофера Кадыра, которому все равно было скучно, и он гнал и гнал машину по черному серпантину, через перевалы, через реки, с самолетной скоростью. На одном из перевалов мы увидели, как от дороги метнулись в каменную расщелину волки. Три длинноспинных палевых сытых зверя; один из них обернулся—желтобкий, крупноголовый, с тяжелым угловатым лбом...

Тимур-ака, бородатый, спокойный узбек-экспедитор, сидя верхом на почтовых засургученных мешках, презрительно цыкнул слюной в брезентовую прореху и вытер губы рукавом телогрейки.

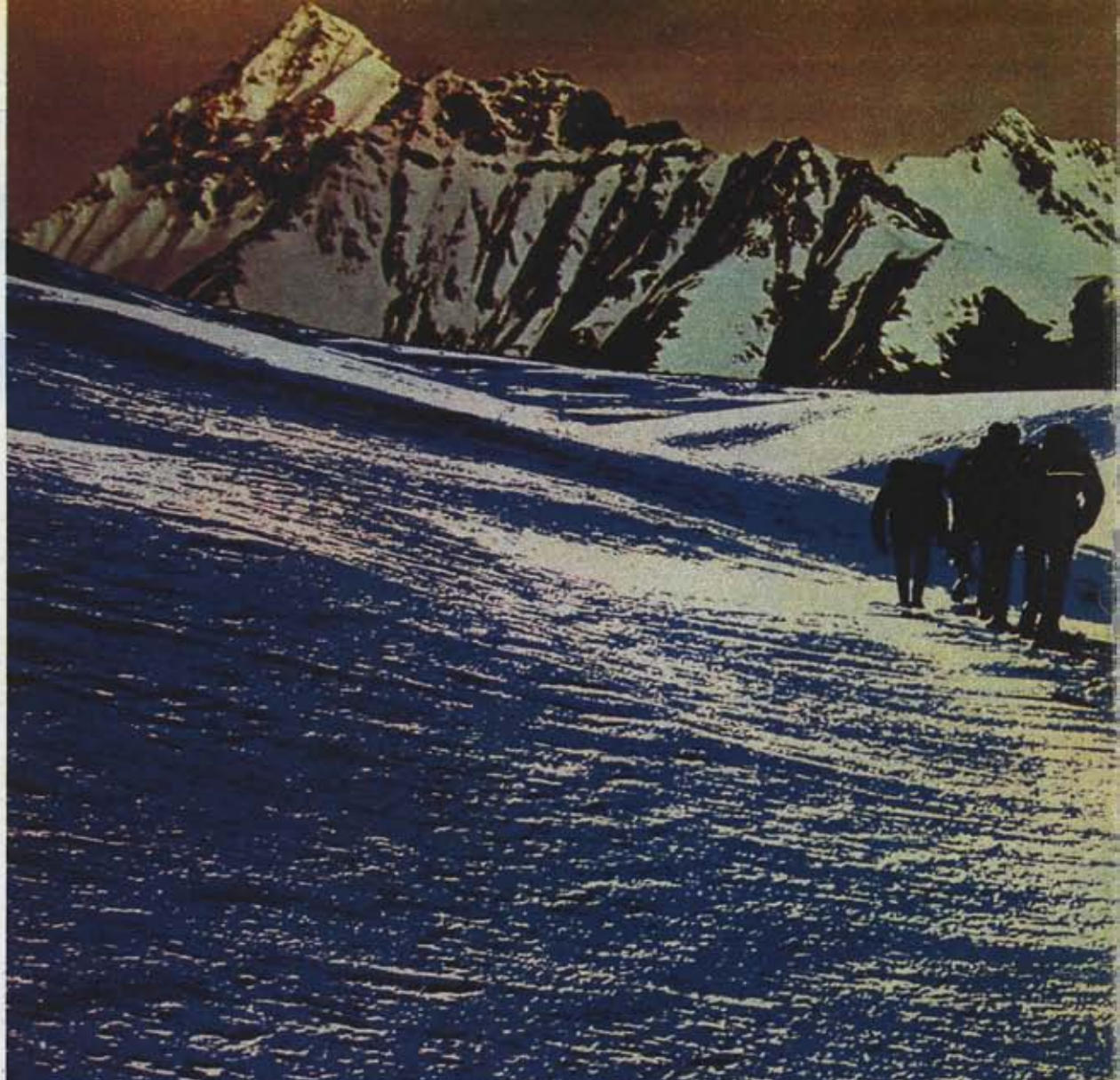
— Волк труслив. Запах оружия чует за километр. Почует—обойдет. Но если поймет, что у тебя нет ружья, осмелеет, пойдет навстречу. Как-то зимой мы везли почту, по дороге посадили женщину с ребенком. За Сары-Ташем, километрах в двадцати, встретились волки. До самого Дараут-Кургана шли рядом с машиной, не отставали—чувствовали, что оружия у нас нет, и запах младенца тоже чувствовали...

В два часа ночи показались высокие, похожие на крепостные, глинобитные стены аила, и машина с грохотом покатила по единственной улице Дараут-Кургана.

Было по-зимнему морозно, хотя стоял июль. Мы кое-как добрались до кибитки и уснули. Утро наступило удивительно теплое и тихое. Снежные вершины сверкали на солнце, как хорошо начищенные зеркала. Где-то громко кричал шальной петух, горластый, счастливый, и нам все еще не верилось, что мы на Памире.

Через час грузовик привез нас на пустынный пятачок, где располагалась вертолетная площадка. В углу площадки высокой грудой были свалены бумажные пакеты с углем, чуть поодаль—спальные мешки и поролоновые скатки. У жердяной ограды тихо стучал мотором заведенный мотоцикл, обшарпанный и помятый, с шипастой, для езды по льду, резиной на колесах. Его владелец, Иосиф Григорьевич Кахиани, худой, небритый, в пуховой шапчонке, с заламывающимся кверху козырьком, в светофильтрах «консервах», в шерстяных гетрах до колен и в выгоревшей штормовке, стоял тут же, медленно крутил пальцами сигарету, разминая табак. Трижды Кахиани становился чемпионом СССР по альпинизму. Заслуженный мастер спорта. Регалий у него не меньше, чем у генерала. А впрочем, он и есть альпинистский генерал. В довершение скودства на поясе у Кахиани висел пистолет в потрескавшейся кобуре.

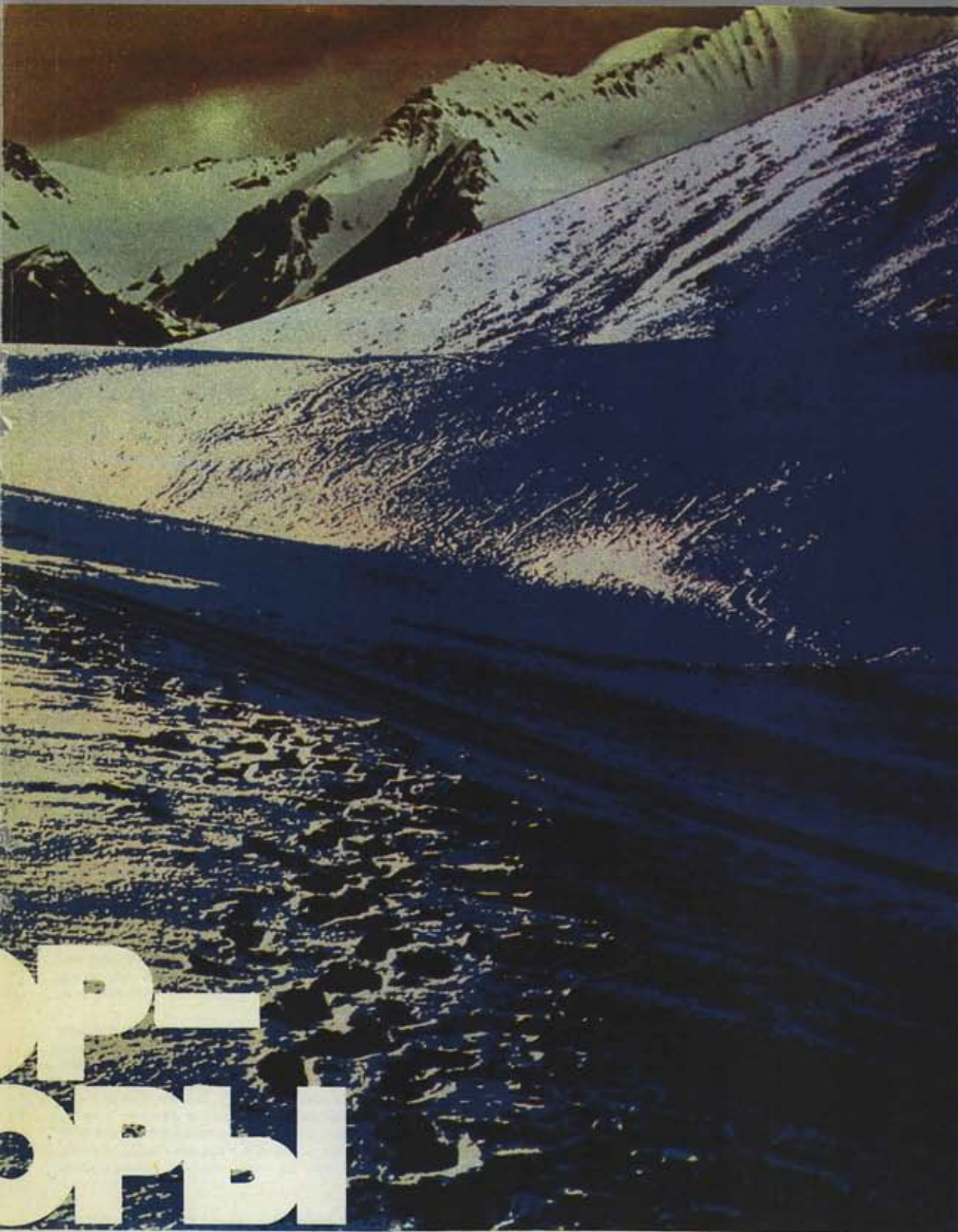
Я подумал: зачем альпинисту пистолет? Волки, несмотря на рассказы Тимура-аки, в это время не нападают, встреча с барсом исключена... Может, для

ЛУЧШЕ ГО ТОЛЬКО ГО

Валерий ПОВОЛЯЕВ

ОР- ОРЫ

охоты на кииков? Но в таком случае удобнее обычная малокалиберная «тозовка».

Поймав мой взгляд, Кахиани пояснил:

— Представьте себе, что вы едете на такой вот железной лошади по тропе.—Он кивнул на мотоцикл.—И вдруг видите, что впереди над тропой нависает снежный карниз. От громких выхлопов мотора карниз может сорваться и накрыть тебя. Спасает пистолет: два-три выстрела—и карниз обрушивается от резких звуков. Остается только расчистить дорогу лопатой и двигаться дальше...

В этот же день произошла у нас еще одна интересная встреча. Неподалеку от совхоза «Чон-Алай» в крохотном, насчитывающем всего несколько кибиток айле жил суровый памирский старик. И хотя ему было уже за восемьдесят, он продолжал охотиться на уларов, кииков, кекликов. Старик отличался необыкновенной меткостью: с пятидесяти метров попадал точно в середину копеечной монеты. Звали его Тагаем Каримовым, а иногда Томир Адамом—«железным человеком».

Но мало кто знал, что этот старик и есть легендарный герой романа Георгия Тушкана «Джура», предмет восхищения мальчишек не одного поколения: еще бы, сам Джура!

Мы сидим на кошме у аксакала Ороза Токтабаева, который еще в начале тридцатых годов водил вьючные караваны по «большому льду»—так называют памирцы ледник Федченко. Поджав под себя ноги, тянем из маленьких пиал чай. В огромном, разрисованном индийскими «огурцами» блюде грудой навален пиленый сахар и слипшиеся подушечки мятной карамели.

Мы смотрим на необъятные, обтянутые стеганым халатом плечи Тагая, на зоркие еще, не подернутые старческой поволокой глаза, в которых сокрыты спокойствие и мудрое раздумье много повидавшего человека. Потом с его разрешения разбираем кипу писем и документов, перетянутую бечевкой. Мне попадает на глаза телеграмма. Она прислана в 1943 году из Ставки Верховного Главнокомандующего в благодарность за средства, переданные Джурой в фонд обороны для строительства танков. Грамоты, наградные книжки, справки... Подвиги Джуры известны всему Памиру. Мы просим старика рассказать о его работе в последние годы. Он улыбается, делает жест, уже знакомый нам,—поднимает руку и смотрит на нее некоторое время молча, потом предлагает:

— Давайте послезавтра... Завтра я уйду на охоту, а послезавтра встретимся... а?

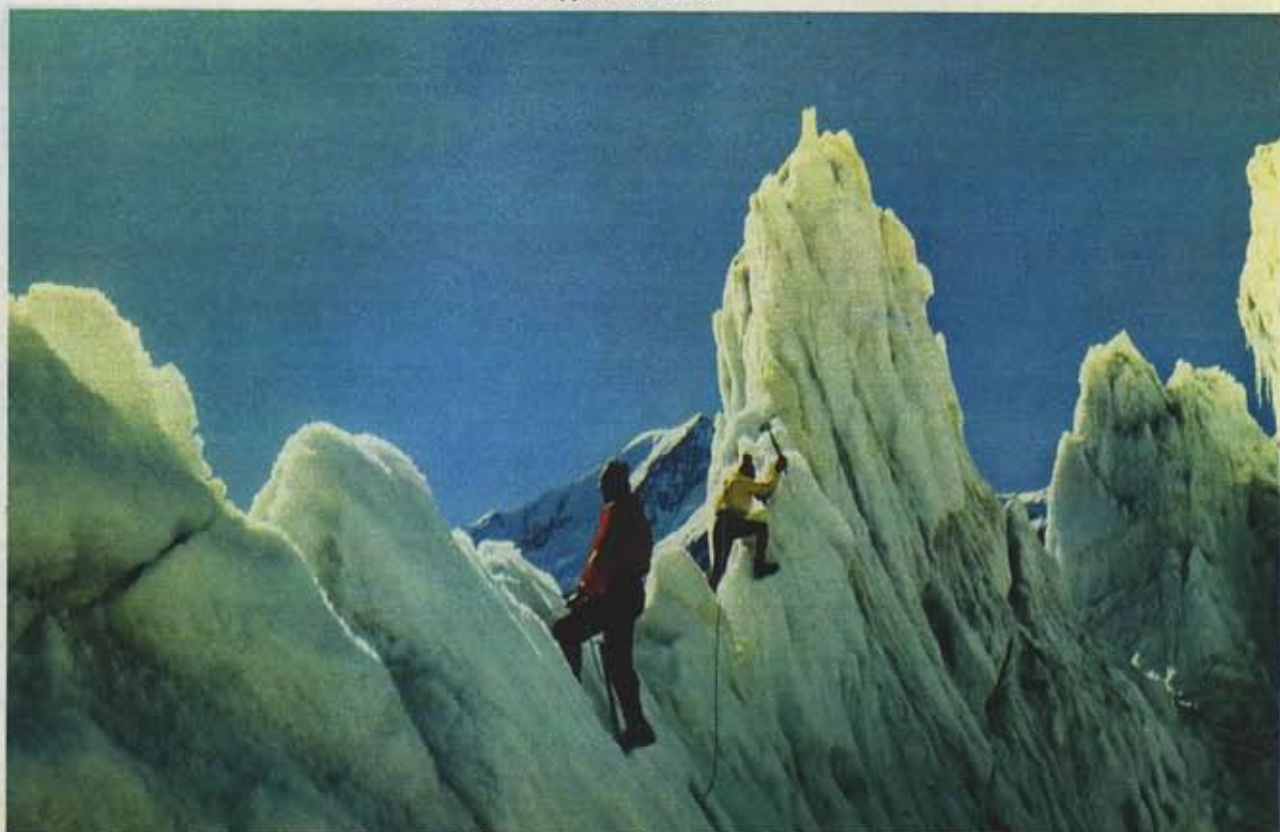
Но встретиться послезавтра не удалось. На следующий день вертолет забросил нас на ледник Федченко, и мы ушли вверх, в штурмовой лагерь.

В тот раз на морене—длинной каменной полосе—я поднял скол, матово-серебряный, с выпуклыми гранеными «каплями», плотно вляпанными в это самое серебро. С тех пор камень лежит у меня дома на видном месте. И все, кто заходит в гости, спрашивают, что это за скол, дивятся: тоже, мол, мода пошла—держать на письменных столах бульжники. А мне он дорог. Стоит лишь поддержать камень в руках или просто накрыть его ладонью, как сразу вспоминаешь о горах, в которых бывал, о людях, с которыми довелось встретиться в пути... И очень захочется вновь пойти туда, в горы, вновь увидеть резкий блеск отвесно падающих рек, услышать пушечные выстрелы обвалов, всем существом почувствовать тонкую, неповторимую морозную тишину...

Фото Виктора СИДЕЛЬНИКОВА

ТЕМ, КТО КОГДА-ТО ВЗЯЛ ХОТЬ ОДНУ ПАМИРСКУЮ ИЛИ ЛЮБУЮ ДРУГУЮ ВЕРШИНУ, НЕПРЕМЕННО ЗАХОЧЕТСЯ ШТУРМОВАТЬ ВТОРУЮ, ТРЕТЬЮ, ДЕСЯТУЮ... ОНИ СТАЛИ АЛЬПИНИСТАМИ. А ГОРЫ—ЭТО БОЛЬШЕ И СИЛЬНЕЕ, ЧЕМ УВЛЕЧЕНИЕ, ЭТО СТРАСТЬ, БОЛЕЗНЬ, КОТОРОЙ БЕССМЫСЛЕННО СОПРОТИВЛЯТЬСЯ.

писатель, актер, режиссер ШУКШИН

Одна из первокурсных, «первосеместровых» весточек Василия Шукшина домой:

«Здравствуй, мама. Получил от тебя письмо.

От Наташи что-то долго нет — наверно, обиделась, что не писал так долго. А мне действительно некогда. Столько дел, что приходишь домой как после корчевания пней. Ты уж попроси, мама, чтобы она не обижалась. Учиться, как там ни говори, а все-таки трудно. Пробел-то у меня порядочный в учебе. Но от других не отстану. Вот скоро экзамены. Думаю, что будут только отличные оценки.

Но учиться страшно интересно. Говоришь, смотрела «Бродягу». Они здесь были — в институте у нас — индийцы-то. И сам этот бродяга и все, кто с ним.

Фильм «Бродяга» сделал Радж Капур, т. е. тот, кто играет бродягу. Он режиссер этой картины и сам в ней играет. Вот, чтобы ты поняла, на кого я учусь.

Ну, а дела мои идут замечательно. Только вот времени не хватает. Скоро переходим в общежитие*. Три человека в комнате — замечательно. Денги пока есть. Это те триста рублей, которые ты прислала мне — забыл когда, то ли до праздника, или после праздника. В предыдущем письме ты писала, что вышлешь еще триста рублей**. Если я их получу, то мне хватит до нового года.

Ну, до свидания. Привет Саше, родным. Какие новости в Сростках? Пиши. Целую, родная моя мамочка.

Борзе*** передай, что я приеду и начну его переводить.

Учиться ему было действительно интересно. Долго ждавшее своего часа зерно упало на благодатную почву.

Не будем говорить о предметах, которые более-менее одинаково читаются во всех гуманитарных вузах, сосредоточим свое внимание на главном, на том, что давало гореть творческому огню, было сухими поленьями в этом костре.

Михаил Ильич Ромм, автор фильмов «Пышка», «Тринадцать», «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Русский вопрос», «Адмирал Ушаков», «9 дней одного года», «Обыкновенный фашизм»... Есть на счету этого уважаемого человека, сыгравшего выдающуюся роль в развитии советского кинематографа, и определенные «грехи» по отношению к Шукшину. Так, например, он в немалой степени «виноват», что Шукшин довольно поздно обратился к театру и успел не так много сделать для него (Ромм искренне считал, что театр постепенно и медленно умирает, будущее в зрелищном искусстве принадлежит исключительно кинематографу и телевидению, и постоянно внушал эту мысль своим ученикам). Но при всем при том заслуги этого человека в первичном формировании и утверждении Шукшина как творческой личности переоценить трудно. И дело даже не в том, что он прекрасно читал лекции по специальности: «Что

такое кинорежиссер», «Что принесло с собой появление звука в кино», «От сценария к кадру», «От кадра к картине», «Мир, снятый с движения, и мир, снятый монтажно», «Виды кинематографической мизансцены», «Композиция сценария и фильма», «Актер в кино»... С этими лекциями и размышлениями М. И. Ромма о киноискусстве может сейчас познакомиться любой желающий, прочитав его книжку «Беседы о кинорежиссуре». Дело в другом, в самой атмосфере его преподавания и учения, а какова эта атмосфера — подчас не меньше, если не больше, значит для пробуждения высших творческих импульсов учеников.

«Я вот думаю, — говорил Шукшин в одной из последних своих бесед с корреспондентом «Правды» Г. Кожуховой (опубликовано в «Неделе» уже после его смерти), — чем он привлекал к себе? Тем, наверно, что мысль его работала постоянно, как-то не мог я — и не могу — предать его... на рыбалке, например, или в очереди. Понимаю, что везде можно мыслить, но у меня в памяти он живет размышляющий, рассуждающий. Вслух размышляет, для всех, или слушает, смотрит — тоже размышляет. В жизни — с возрастом — начинаешь понимать силу человека, постоянно думающего. Это огромная сила, покоряющая. Все гибнет: молодость, обаяние, страсти, — все стареет и разрушается. Мысль не гибнет, и прекрасен человек, который несет ее через жизнь.

Михаил Ромм никогда не хотел казаться не тем, что он есть, — это большое мужество. Он часто бывал даже беспомощен. Я помню, двадцать лет назад, в пору, когда я поступил учиться во ВГИК, один тридцатилетний, которому он отказал в праве учиться в его мастерской, стал преследовать его, стал караулить на лестничной площадке — как видно, требовал принять... Словом, принялся портить ему жизнь по всем правилам негодяя и вымогателя. Случилось так, что мы, студенты-первокурсники, пришли как-то к Михаилу Ильичу домой; и в то же время туда пришел этот, с железным характером. Самое-то простое: пожалуемся нам тогда Михаил Ильич, что вот не дает человек покоя, мы бы этого, с железным характером, спустили с лестницы. Но он лично не сказал нам, поговорил с тем человеком и вернулся, только в глазах грусть. Позже мы узнали, сколько нервов стоил нашему учителю тот настырный человек. А когда мы заохали: «Да что же вы, да сказали бы нам, мы бы!» — Михаил Ильич усмехнулся (он как-то очень человечно усмехнулся, про себя) и утихомирил нас. «Ишь какие, — сказал он, — самито поступили... Ведь и ему хотелось быть режиссером. Но он не режиссер, нет — слишком нахален. — Но и тут же заметил нам на будущее: — Но имейте в виду: наша профессия довольно нахальная. Жестокая, между прочим, профессия. — Подумал и сказал еще негромко, главное: — Но человечнейшая профессия». Он по-особенному умел говорить главное: негромко, как бы между прочим*. И потому, может быть, это, сказанное тихо, искренне входило в душу, оставалось в памяти. Не потому, конечно, что это ах какой ораторский прием — было что сказать.

Я говорю о личности...»

Михаил Ромм составлял для учеников — а не для одного только Шукшина, как невольно это можно вывести из иных публикаций и статей! — списки книг, которые обязательно надо было прочитать (или

перечитать). Он заставлял их писать этюды, рассылал по всей Москве за наблюдениями всякого рода и постоянно беседовал с ними о прочитанном и увиденном. Он воспитывал свою мастерскую на Пушкине, Толстом, Достоевском и — как верно это и важно! — не подавлял молодого пыла и задора своих учеников, уважал жизненный опыт каждого из них и учил сравнивать даже самые первые литературные опыты с самыми высокими образцами российской словесности. Он — что с распространенной точки зрения совсем «непедагогично» — и собственное свое творчество выносил на суд своих учеников и принимал их оценки, убеждения и взгляды, даже если не соглашался с ними. И не потому ли в свое время мы получили, как говорят, из одних и тех же рук столь разных художников, как М. Хуциев, Э. Климов... и, наконец, Василий Шукшин!

Впрочем, тогда-то мало кто из соучеников следил ревниво за не столь уж заметными, но все же успехами Шукшина. «Куда ему, пеньку деревенскому, да в режиссеры», — если не точно такая, то очень схожая с ней фраза, если не более хлесткая и выразительная, звучала заглазно и заушно в иных компаниях молодых да ранних, непризнанных киногениев. Знал об этом Шукшин? Разумеется. И что же он? А что, скажите на милость, он должен был делать?

— «...До поры до времени, — скажет Шукшин незадолго до кончины, оглядываясь на пройденный путь, — я стал таить, что ли, набранную силу. И, как ни странно, каким-то искривленным и неожиданным образом я подогревал в людях уверенность, что правильно, это вы должны заниматься искусством, а не я. Но я знал, вперед знал, что подкараулю в жизни момент, когда... ну, окажусь более состоятельным, а они со всеми своими бесконечными заявлениями об искусстве окажутся несостоятельными. Все время я хоронил в себе от посторонних глаз незвестного человека, какого-то тайного бойца, нерасшифрованного».

Это из «последних разговоров» его, записанных на магнитофон журналистом «Литературной газеты» Г. Цитриняком и болгарским журналистом С. Поповым. Но все эти и иные разговоры имели другое, еще более откровенное, а иногда и более резкое продолжение после съемок и в перерывах между съемками фильма «Они сражались за Родину». Разговоры с Георгием Бурковым, из которых, мы надеемся, будет составлена книга воспоминаний (мы в своей работе используем далеко не все, что хорошо известно Г. Буркову и подчас только ему одному).

Так вот, одна из ночных бесед Шукшина с Бурковым как раз и была посвящена этой, если так можно выразиться, проблеме расшифровки «тайного бойца».

«Понимаешь, — рассказывал он другу, — я тогда во ВГИКе словно под водой был. Вынырну, покажусь на поверхность, послушаю — аж страшно, до чего все гении, хоть завтра «Мастера и Маргариту» ставить. Где уж нам дуракам чай пить — опять скрююсь. А кто режиссером стал? Тарковский. А еще?.. Меня и сейчас от всякого рода «высоких» рассуждений об искусстве тошнит. Работать надо, а не говорить: «А я вот то сделаю, да здесь вот так-то надо было, допустил ошибку известный мастер...»

Продолжение. Начало в №№ 1, 2.

* До этого времени (конец осени 1954 года), очевидно, Шукшин жил на квартире.

** Все эти суммы, разумеется, в «старых» деньгах.

*** Любимая собака.

* Заметим для себя, что это искусство отчетливо проступает в книгах и фильмах Василия Шукшина.

В разговоре с журналистами Шукшин заметил, что он настолько с виковских времен сваялся с подобной манерой жить и работать, что ему очень трудно сейчас менять образ своих действий, что до сих пор ему иногда «кажется, что должны мне отказываться в этом деле — в праве на искусство». О скромности Шукшина, о жестких его оценках сделанного им в жизни мы еще поговорим, сейчас же скажем, что в том разговоре с Бурковым Шукшин пришел-таки к выводу, что наступает в жизни творца такая минута, когда он просто обязан обозначиться во весь рост, «расшифроваться» и сказать обо всем, что любит и ненавидит, прямее прямого и громче громкого, чтобы до всех дошло, и не пугаться, и даже ждать их гордо — будущих кривотолоков и нападок иных «деятелей», обвинений во всяких «изма» и «фильствах». Правда, сколько бы ни морочили иные «художники» людям голову разным «модерном», «новаторством», всегда остается правдой, а подлинное искусство — единственно настоящим. И заключал эту свою речь Шукшин предположением, что он, возможно, уже готов «расшифроваться» и «обозначиться» до конца...

А пока что жил он тихо и скромно, все обиды выножал напряженнейшей работой как на занятиях, так и в общезнании над общей тетрадью (он и до конца жизни любил писать не на отдельных листах бумаги, а в тетради, и чем более та была велика по размерам — ближе к «амбарной книге», — тем сильнее ему нравилась). И ему доставляли искреннюю радость похвалы М. И. Ромма за удачную режиссерскую разработку или только что написанный рассказ. («В этюде, над которым Шукшин работает как режиссер с актерами Ким Ен Соль и Ирмой Рауш, чувствуются уже «крупницы настоящего искусства», — заключалась словами М. И. Ромма заметка в «Советском воине», и здесь же была помещена фотография Шукшина и актеров-студентов. На Шукшине — гимнастерка, галифе, сапоги. Он и вправду походит на молодого Александра Фадеева, как не раз говорил об этом потом Сергей Герасимов. И сходство это послужило для него в будущем хорошей службой, даст роль Черных в фильме «У озера», ведь прототипом для этого образа послужит Герасимову молодой Фадеев.)

Я написал выше, что жил он тихо. «Тихо» надо понимать по отношению к выражению им себя в коллективе как творческой личности. В остальном он ничуть не отличался от шумных и «бравых» студентов середины пятидесятых годов. И шутки шутил, и за девушками ухаживал, и выпивал, случалось, в компании земляков или соседей по общежитию. Паинькой он не был, с ним даже ЧП случались. В личном деле в графе «выговоры» значится: «Да. За драку с милиционером». (Любой знает: случается в молодости всякое. Все дело в том, какие выводы после случившегося делает для себя провинившийся, как сознает вину. Шукшин, мы знаем, был в высшей степени совестлив.)

Лето, каникулы Шукшин стремился провести дома. Помогал родным и колхозу, много читал, рыбачил, путешествовал по Горному Алтаю. Сколько сюжетов здесь было найдено, сколько характерных человеческих черт подмечено! Так, например, беседы у ночных костров со старожилками Сростков, их рассказы о гражданской войне и коллективизации в этих местах навели Шукшина на мысль о романе «Любовины». Эта книга наряду с вымышленными персонажами содержит немало реальных. И в скором будущем, думаю, мы узнаем, в каком родстве и в какой связи находятся герои романа и с жившими недавно и с шагающими ныне по улицам села жителями. Сейчас же можно утверждать неслучайную одинаковость их фамилий: Байкаловы, Поповы, Малигоины, Колокольниковы, Бедаревы... Кстати, иные из этих фамилий будут носить и герои некоторых шукшинских рассказов и фильмов. Почему столь упорно давал Шукшин именно такие «земляческие» — да еще и одинаковые — фамилии своим персонажам? На этот вопрос без специального исследования трудно ответить окончательно. Но, возможно, он делал так для того, чтобы разрозненное, никак на первый взгляд не соприкасающееся соединялось-таки, образовывало если не монолитное, то достаточно прочное единство идей, образов и характеров...

А вот как — много лет спустя — аукнулся в шукшинской публицистике, в полемических размышлениях писателя о традициях и обычаях в городе и на селе совершенно личный, казалось бы, эпизод, за пределы семейной жизни не выходящий, на обобщения не претендующий.

«Если город, — пишет Шукшин в статье, вошедшей в коллективный сборник «Культура чувств», — способен принять и переварить (он огромный!) «достижение» вроде Дворцов бракосочетаний, то деревня не может вынести «показушную» свадьбу — стыдно, тяжело. Стыдно участникам, стыдно со стороны смотреть. Почему? Не знаю. Ведь и старый обряд свадьбы — это тоже спектакль. А вот поди ж ты! Там — ничего, смешно, трогательно, забавно и, наконец, волнующе. Законный вопрос мне: где это вы видели сегодня такие «старинные» свадьбы? Сегодня — нигде. К сожалению. А вот лет двенадцать

назад я выдавал замуж сестру (на правах старшего брата, за неимением отца. Это было далеко, в Сибири). По всем правилам (почти по всем) старинной русской свадьбы. Красиво было, честное слово! Мы с женихом — коммунисты, невеста — комсомолка... Немножко с нашей стороны этакая снисходительность (я лично эту снисходительность напускал на себя, ибо опасался, что вызовут потом на бюро и всыпят; а так у меня отговорка: «Да я ведь так — нарочно»). Ничего не нарочно, мне чрезвычайно нравилось. Итак, с нашей стороны — этакое институтское — «из любопытства», со стороны матерей наших, родни — полный серьез, увлеченность, азарт участников большого зрелища. Церкви и коней не было. О церкви почти никто не жалел, что коней не было — малость жаль. Утверждаю: чувство прекрасного, торжественный смысл происходящего, неизбежная ответственная мысль о судьбе двух, которым жить вместе, — ничто не было утрачено, оттого что жених «выкупал» у меня приданое невесты за чарку вина, а когда «сундук с добром» (чемодан с бельем и конспектами) «не пролез» в двери, я потребовал еще чарку. Мы вместе с удовольствием тут же и выпили. Мы роднились. Вспоминаю все это сейчас с хорошим чувством. И всегда русские люди помнили этот единственный праздник в своей жизни — свадьбу. Не зря, когда хотели сказать: «Я не враг тебе», — говорили: «Я ж у тебя на свадьбе гулял».

...Тоска по дому, по Сросткам, по Катуню — по всему, с чем было это связано, чем дальше он учился и жил в Москве, приходила чаще и сильнее. И тогда снова слагались стихи. Конечно, поэзия была, как мы сейчас скажем, не его стихией. И все же... Прочитай-те-ка внимательно вот эти строки:

И разыгрались же кони в поле,
Поископытили всю зарю.
Что они делают?
Чью они долю
Мыкают по полю?
Уж не мою ль?

Тихо в поле.
Устали кони...
Тихо в поле —
Зови, не зови.
В сонном озере, как в иконе, —
Красный оклад зари.

В немалой степени влияние Есенина? Согласен, и все же... Все же очень и очень жаль, что до сих пор не удалось разыскать нам тетрадок со стихами Шукшина, это многое бы дало для понимания его чувств и мыслей того времени. Пока же мы знаем, как принадлежавшие перу Шукшина, только приведенное выше лирическое стихотворение (оно дано как эпиграф к рассказу «И разыгрались же кони в поле») да некоторые песни в романе «Я пришел дать вам волю», такие, например, как «про шубу», которую разницы несут астраханскому воеводе, и «про ежа» (ее напевает загулявший на волжском берегу казак).

Но вместе с грустью, такой, думается, каждому понятной, вместе с дорогими его сердцу воспоминаниями приходят «мысли и мысли», без которых, как говорил еще Пушкин, проза не живет. Первые мысли Шукшина — о деревне, о людях ее и — «рикошетом» — о городе. Разные мысли — веселые и печальные, благостные и тревожные, простые и сложные. Они будут меняться, трансформироваться, набегать одна на другую, что-то забудется, что-то будет вначале на первом плане, потом уйдет на второй, и наоборот. Но в конце концов эти мысли войдут в единое и широкое русло могучей реки, которая и будет питать его творчество, станут раздумьями не о «городе» и «деревне» — о России, ее людях и судьбах, а в итоге станут, как у любого большого национального художника, раздумьями о человеке, его судьбе, душе его в этом «прекрасном и яростном мире» (А. Платонов).

Одним из первых разглядев незаурядный литературный талант Шукшина, М. И. Ромм предостерегал его: «Выбирать между литературой и кино будет трудно». Но вряд ли Василий Макарович внял тогда этому предостережению. Если и прислушался, то решил про себя: «Там видно будет, а сейчас бабушка надвое сказала: ни писатель еще, ни режиссер. Вообще никто, вольный студент». По натуре своей он был максималист, принимавший ограничения только технического порядка: что позволяет техника в кино и что не позволяет.

Год тысяча девятьсот пятьдесят восьмой стал для Шукшина одним из счастливейших.

Он успешно закончил четвертый курс и приехал на режиссерскую практику в Одессу, где Марлен Хуциев начал съемки художественного фильма «Два Федора». В сценарии — о том, как возвращавшийся с войны молодой солдат подобрал бездомного мальчонку и заменил ему отца, — чувствовалась некоторая сентиментальность, что смущало Хуциева, ибо он меньше всего хотел, чтобы получилось этакое заданное «прочувствованное кино». Спасти положение можно было лишь точным подбором исполнителя главной роли, но его-то как раз и не удавалось найти, все испробованные варианты были неутешительными. А. Тарковский посоветовал М. Хуциеву попробовать на

роль практиканта-режиссера Василия Шукшина, его и переодеть не надо было: ходил на практике все в той же гимнастерке. Хуциев присмотрелся внимательно, попробовал и решил, что это как раз и будет самый достойный Федор-старший.

Известный и уважаемый критик Л. Аннинский разобрал недавно в буклете, выпущенном Бюро пропаганды советского киноискусства, роли и фильмы Шукшина. Здесь немало точных наблюдений и анализ в целом интересен (Л. Аннинский вообще пишет интересно), но вот послания с его посланиями, касающимися первого актерского фильма Шукшина, никак нельзя.

«...Шукшин чисто механически, — рассуждает критик, — вписан в приглушенно поэтический хуциевский рассказ о фронтовике, душа которого оттаивает после войны. Фигура солдата здесь как часть пейзажа; Федор снят преимущественно на общих и средних планах, часто со спины; там, где мы видим его лицо, в глаза нам бросаются атрибуты типа: пышные усы, выбеленный чуб, крепкая лепка щек. Внешне все «бывалое», теркинское. Но странное ощущение: при всей этой «теркинской» внешности, когда ждешь взрывного юмора, бешеного темперамента, герой Шукшина словно бы заторможен. Глаза куда-то внутрь себя смотрят...»

Все в этом рассуждении и так и не так. Фильм действительно приглушенно поэтический, таким и задуман был. Но при чем здесь Теркин! Вот уж о ком ни сном ни духом не вспоминаешь, смотря «Два Федора», да и внешность главного героя, не говоря уж о характере, никак не теркинская. Всякое сравнение хромает, а это вовсе. Потом, что значит «чисто механически вписан», «атрибуты типа»? Выходит, Шукшин не более чем типаж в этом фильме?..

26 марта 1976 года на вечеру памяти В. М. Шукшина в Доме кино Марлен Хуциев начал свое выступление так, будто только-только прочитал эти строки Л. Аннинского (что вообще-то не исключено: буклет продавался в фойе перед началом вечера). М. Хуциев сказал, что он отдал главную роль Шукшину потому, что почувствовал его индивидуальность, которая была выражена и лицом, и голосом, и жестом. Талант есть нечто поставленное от природы, похожесть же не есть всеобщность. Типажом Шукшин не был, он был и тогда актером с большими возможностями. «Сняли этот эпизод — приезд». Он должен был быть в монтаже другим, для этого был специально снят иной, длинный план, который, как предполагалось, войдет в этот эпизод. Пытался смонтировать, но что-то удерживало от этого, хотя по всем правилам нельзя было оставлять в кадре столь долго героя крупным планом — стоит, смотрит, и все. Но на это лицо хотелось смотреть...»

Глаза, которые куда-то внутрь себя смотрят, — это была очень верная и точная характерная деталь, найденная автором, без нее образ был бы не полон, не договорен, размыт.

Марлен Хуциев поведал и о некоторых запомнившихся ему чертах поведения Шукшина того времени. Василий Макарович много рассказывал тогда в перерывах веселых историй из деревенской жизни, про то, например, как некий дед дрался. Поразительна была его обязательность во всем, что касалось работы, и трогательна робость и вежливость: он мучительно долго переходил со своим первым режиссером на «ты», хотя они были почти ровесники.

В августе 1958 года случилось другое приятное для Шукшина событие. В журнале «Смена» (№ 15) был опубликован — первая публикация! — его рассказ «Двое на телеге».

...Ненастье. Дождь, дождь и дождь. По раскисшим проселочным и лесным дорогам едва тащит телегу лошади. «Но-о, ядрена Матрена», — подстегивает ее старый возница Семен Захарович. Если бы не записка председателя колхоза, ни за что бы не поехал в эту дальнюю Березовку. Вишь, понадобилось новой фельдшернице срочно за лекарствами туда! Девушка Наташа молча сидит на телеге. Подъехали к пасеке, зашли в избу. У Семена Захаровича заметно улучшилось настроение: его друг пасечник Семен достал березовый туесок с медовухой. Сидят, мирно беседуют. Разомлели в тепле. «Девушке было так хорошо, что она невольно подумала: «Все-таки правильно, что сюда поехала. Вот где действительно... жизнь». А Семен Захарович ее хвалит: мол, молодец, не хныкала. А как иначе, вторит ему пасечник и указывает на комсомольский значок на груди девушки. Непогода разыгралась еще пуще. Старики собираются ночевать и ей советуют поскорее ложиться. А Наташа думает: как же так, сама попросилась в Березовку, ей и врач их толстый советовал переждать ненастье, и что же

* Самое начало фильма. Целую минуту, наверное, крупным планом лицо Федора — Шукшина, смотрящего на удаляющегося мальчишку. Эти кадры были показаны перед открытием вечера.

Продолжение на 23-й стр

ЦВЕТЫ ЗЕМНЫЕ, ЦВЕТЫ КОСМИЧЕСКИЕ...

У Майи Борисовой есть стихотворение о художниках и о тех, кто принимает участие в их судьбе. О Теодоре Ван Гоге, всю жизнь платившем «по белым векселям Винсента». О Павле Михайловиче Третьякове, создателе знаменитой картинной галереи. «Где гений? Выше облаков, в лучах и молниях купаюсь! А низом ходит Третьяков, его творенья покупает».

Здесь нет преувеличения. Ежедневно работая в конторе или на фабрике, Павел Михайлович находил время бывать на всех выставках, во всех художественных мастерских, а летом уезжал знакомиться с музеями Европы.

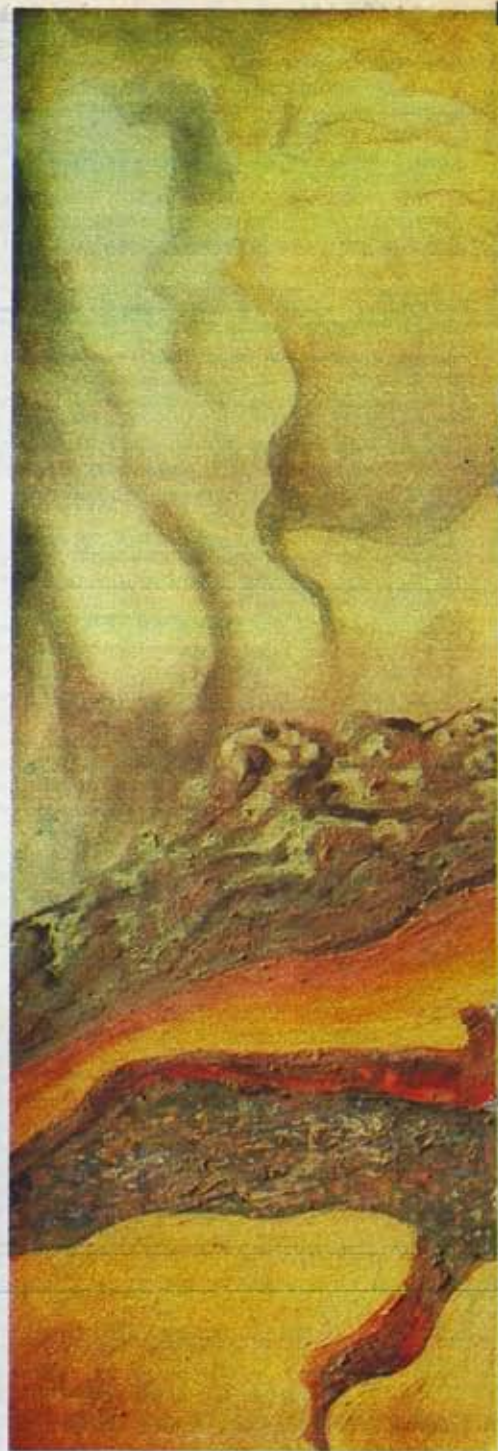
О русских ценителях искусства шла добрая слава. «Князь Щукэн» — называли в Париже русского купца Сергея Ивановича Щукина: его стараниями у нас в стране

собрана лучшая в мире коллекция французской живописи конца XIX — начала XX века. Случалось, художнику было жалко отдавать какое-то полотно и он пытался объявить его «неудавшимся», но никакая хитрость не помогла — глаз Щукина был зорек и безошибочен.

У каждой книги своя судьба, говорили римляне. И это же, конечно, относится к картинам. У картин, купленных Третьяковым и Щукиным, судьба счастливая: торная дорога вела их на выставки, в музеи — к зрителю. Иные же художники умирают в безвестности, не дождавшись признания. Порой слава приходит к ним сразу после смерти — так было с Модильяни, порой через долгое время. Но если душевный заряд, вложенный в творчество, был достаточно велик, признание приходит всегда — всегда находят люди, умеющие увидеть и оценить прекрасное, не жалеющие сил и времени, чтобы донести его до

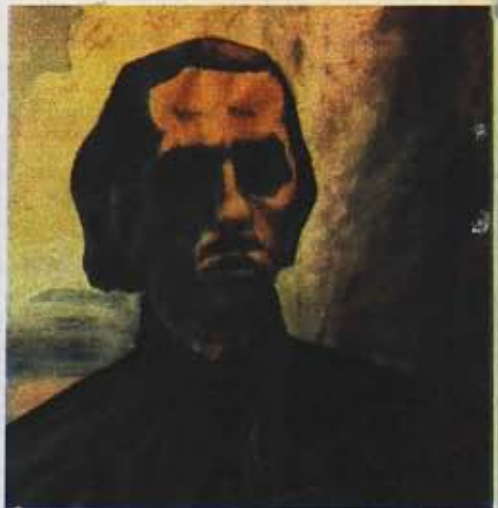
народа. О двух таких живописцах, лишь недавно «открытых», о путях, какими их картины шли к зрителю, я и хочу сегодня рассказать. Имена этих живописцев — Ефим Васильевич Честняков (1874—1961 гг.) и Петр Петрович Фатеев (1891—1971 гг.).

Ефим Васильевич Честняков родился в Костромской губернии, неподалеку от Кологрива, в деревне Шаблово, окруженной густыми северными лесами, опоясанной речкой Унжей. О своем художественном развитии рассказывал: «Всем обязан Репину. Когда учительствовал в деревне, мои рисунки нечаянно для меня пропутешествовали к нему. Вот его слова: «Несомненные способности. Желательно, чтобы нашлись добрые люди, помогли бы ему выбраться, полу-

П. ФАТЕЕВ. ПТИЦЫ НАД ПЛАНЕТОЙ.

П. ФАТЕЕВ. АВТОПОРТРЕТ.

Е. ЧЕСТНЯКОВ. ДЕРЕВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК.

Е. ЧЕСТНЯКОВ. ПОРТРЕТ КРЕСТЬЯНСКОЙ ДЕВУШКИ.

читать возможность учиться. Согласен принять в свою студию».

Честняков учился у Репина недолго. Умерла сестра, оставив двоих сирот, старики родители тоже ждали помощи. Пришлось вернуться в деревню — опять крестьянствовать.

«С весны до осени на земле, пока не выпадал снег», работал, не разгибая спины. Но довольствоваться этим не мог. Писал картины, сочинял и иллюстрировал сказки; три из них были изданы в 1914 году в Петербурге. Организовал детскую художественную студию, детский деревенский театр. Устраивал невиданные представления, в которых сам был и актером, и сценаристом, и музыкантом, и оформителем. В длинной холщовой блузе-халате шел из села в село с тачкой, на которой грудой лежали собственноручно шитые детские бумажные костюмчики, а также «персонажи» и аксессуары будущих спектаклей: глиняные фигурки (Ефим Васильевич величал их то просто «глинянками», то гордо скульптурой), игрушечные печи, дома — целые глиняные города. Обходил деревню, звоня колокольчиком, сыпал прибаутками. На звон сходились крестьяне, толпами сбегались ребятишки. Представление сопровождалось игрой на тальянке и на свирели, стихами, песнями. Ефим Васильевич пел, дети подтягивали: он раздавал им свистульки, учил нехитрым припевам.

Порой подтрунивал над собой, усмехался: «Он трудился много годы, окруженный хором муз, и носился по народу с грузом созданных искусств». И тем не менее воспринимать его иронически невозможно. Когда думаешь о его работе с детьми — нет, не о работе, о жизни, отданной детям, — вспоминается один из замечательных педагогов XX века, Януш Корчак. А передвижные представления на деревенской тачке — не переключаются ли они с теми театрализованными действиями, которые были характерны для первых лет революции? К Первому мая в Охотном ряду вырастали фанерные, расписанные цветами домики, деревья в центре Москвы наряжали в разноцветную кисею, скульптор Иван Ефимов выезжал на Красную площадь в разрисованном фургоне, давал кукольные представления.

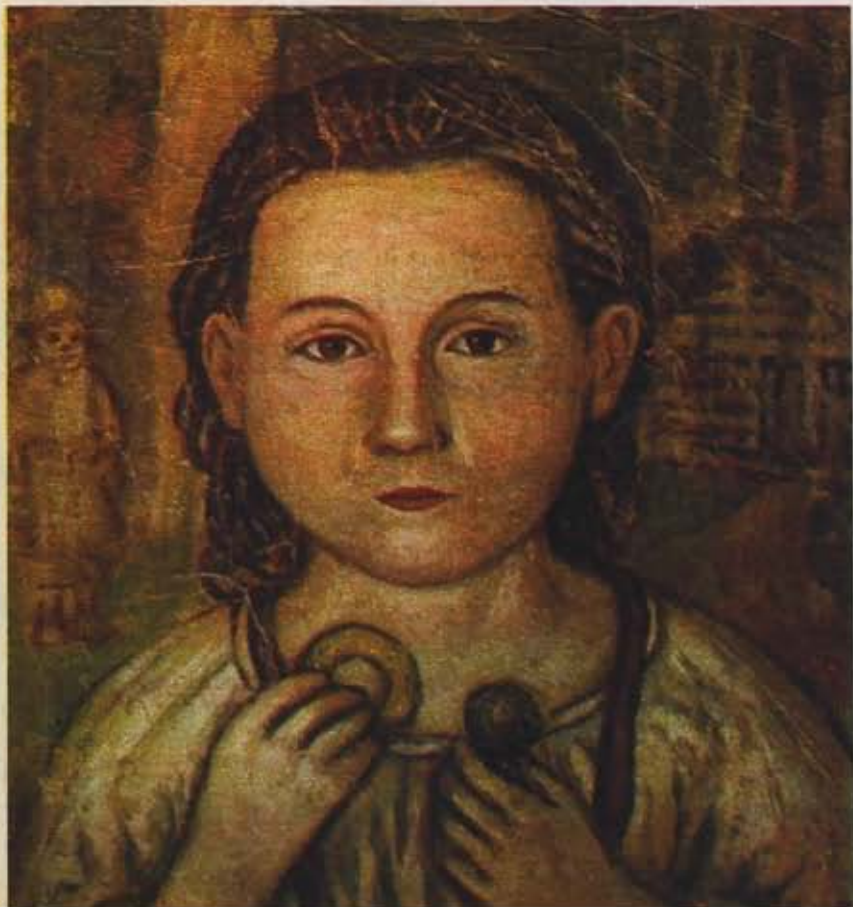
Я вспоминаю об этом, чтобы доказать: Ефим Честняков не был чудяком, живущим в выдуманном мире; он остро чувствовал токи времени. Недаром в его бумагах сохранилось удостоверение преподавателя художественной студии Пролеткульта.

Постепенно его имя обросло в Шаблове легендами. И сейчас, через пятнадцать лет после его смерти, в этот день на «Шабловских Альпах», пригорке у ручья, куда Ефим Васильевич любил ходить с ребятишками, собираются жители деревни и поют сочиненные им частушки. Во время войны к нему шли с надеждой и с горем — не предскажет ли судьбу воину? «Не кудесник я — художник!» — сердился Честняков.

Он и был художником, настоящим, большим художником. По многофигурности, легкости и убедительности композиции, свободе пространственных планов его полотна немного напоминают картины Питера Брейгеля. Только очень русского и ласкового.

Вот один из его холстов: возле рубленой избы сидят девочка с пряткой и мальчик со свирелью, а из леса идет к ним старичок с длинной седой бородой, с посохом и котомкой, в разношенных самодельных лаптях.

Я уже говорила, что Ефим Васильевич сам сочинял. Придумал сказку о мужике, нашедшем в лесу яблоко чуть не с дом величинной, сколько ни пытался увести его — не мог, пришлось позвать всю семью, и стариков и малых детей; миром погрузили его на телегу, отвезли в деревню и всех накормили. И это же потом изобразил на холсте — через залитый лунным светом лес везут гигантское краснобокое яблоко. А рядом непременно участники совершающегося чуда — лесные птицы: тетерев и сова.

П. ФАТЕЕВ. КОСМИЧЕСКИЕ ЦВЕТЫ.

Всех накормить! С детства насмотревшийся на бедность, Честняков мечтал о «городах всеобщего благоденствия». На более совершенное полотно цикла, носящего такое название, находится в Костромском областном музее изобразительных искусств. Это большой холст с десятками персонажей. Здесь и старик со старухой, и чудесная девочка с золотыми волосами, и лавка, в которой бесплатно раздают игрушки, и дети со сдобными кренделями, и люди, несущие огромные хлеба; здесь и прядильщицы, и подметальщицы, и огородные чула; и здесь же огромный, нарядный «Дворец изящных искусств».

Другое полотно — «Вход в город всеобщего благоденствия».

К его вратам толпой идут люди, старики и дети везут на повозках, трубят трубы, и, встречая идущих, поют мифологические птицы радости.

В картинах Честнякова множество мелких бытовых подробностей, и все же его полотна никак не называются жанровыми, в каждой из них заключена глубокая и значительная мысль. При кажущейся простоте им свойственна отточенная законченность построения, гармоничная ясность ритма. В них есть удивительная непосредственность, незамутненность восприятия и непоколебимая вера в силу поэтических образов. Детская открытость сочетается в Честнякове со зрелостью мысли, со стремлением подчинить свое бытие высокой цели, достойной человека. Он пишет: «Множество людей делают что-то для своего пропитания, мало думая о более существенном, не случайном. Много яри на поверхности вод, и ею-то занимается большинство. И душа страдает, что мало делается для коренного воздействия на жизнь».

И вывод: искусство обладает способностью такого воздействия, искусство пробуждает в людях доброту и отзывчивость.

Ефим Васильевич Честняков почти всю жизнь прожил в Шаблове. Петр Петрович Фатеев родился, жил и умер в Москве. Честняков был крестьянином и сыном крестьянина. Фатеев родился в семье типографского служащего, учился в Высшем техническом училище, работал на заводе «Динамо» и одновременно занимался живописью.

Они не были знакомы и не знали друг о друге. Тем не менее в их судьбах много общего. И прежде всего эта общность в том, что искусство было для них не средством, но формой существования.

Фатеев расставался с Москвой еще реже, чем Честняков с Шабловом. Даже поездку в Переделкино он считал путешествием. Лишь раз за всю жизнь съездил совсем уж далеко — в Смоленск. Слова «совсем уж далеко» я написала без всякой иронии. Дело в том, что путешествие для Петра Петровича началось сразу же, как только он переступил порог. В любом цветке, ветке, в любом проявлении природы и жизни он видел то, чего люди, подчиненные динамике современности, ее сверхтемам, обычно не замечают. Шагая по подмосковному лесу, он вдруг обращал внимание своих спутников на пеню, напоминавший ему старинный рыцарский замок. На стволы, неожиданно и необычно склоненные друг к другу... Он даже написал картину «Жизнь леса»: из густого хвойного мрака луч солнца вырывает два ствола, и кажется, будто они, словно одушевленные существа, общаются друг с другом. У него есть циклы «Стволы», «Кора». Он мог взять кусочек мха и глиняный осколок и создать пейзаж фантастического мира. Другой, еще более таинственный, пейзаж он написал, глядя на обрывок бумаги и ее тень на стене. А однажды ночью поставил лампу на подоконник и заметил, как под этим отраженным светом мерцали и наливались золотом цветы: с тех пор он ввел в свою палитру бронзу. Живопись, считал Фатеев, должна расширять ощущения человека.

«В одном мгновенье видеть вечность, огромный мир — в зерне песка, в единой горсти — бесконечность, и небо — в чашечке цветка», — я не знаю художника, к которому эти стихи Уильяма Блейка подходили бы больше, чем к Фатееву. Его цветы — это не просто цветы, это создатели энергии, воплощение чуда

жизни. Он так и называет их: «Цветы, отдающие энергию», «Космические цветы». Их свет ассоциируется со светом далеких звезд, излучаемая ими сила — с космической силой вечного движения и созидания.

Первые произведения Фатеева увидели свет в 1912—1913 годах, одновременно с классическими сочинениями К. Э. Циолковского. С того времени Петр Петрович постоянно размышлял о мироздании, о вселенной. Уже в конце жизни он пережил огромное душевное потрясение, увидев в каком-то журнале цветную фотографию галактического пространства. Он «узнал» в ней — как бы в зеркальном отражении — один из своих пейзажей: те же золотые взрывы-всполохи, голубое свечение облаков...

Всю жизнь думая о космосе, Фатеев сумел угадать, как он может выглядеть. Но не в этом главная ценность его работ: его пейзажи со светящимся небом заставляют задуматься над безмерностью мира. Мириады звезд, целые млечные пути несутся над неведомой планетой («Вселенная конечная и бесконечная»), вспыхивают, сплетаются в прихотливые узоры. Их вихревому движению противостоят тонкие, как готические шпили, вырастающие из земли или возведенные над ней неподвижные вертикали. Что это — башни или деревья?

Тишина на планете — светящаяся буря над ней. Мир затаенных отношений Фатеев передает намеренной зыбкостью форм, подвижно-динамичным мазком, изумрудно-искрящимся колоритом. Все напоминает о вечной неуспокоенности галактической бездны. Во «Вселенной конечной и бесконечной» перед нами сравнительно спокойная, благополучная планета. Но есть у художника и иные — на них горестная пуста ушедшей жизни, скрученные, обуглившиеся деревья, от них веет ледяным холодом и молчанием («На Венере», «Гибель планеты»). Если бы пришлось искать параллели живописи Фатеева в литературе, я вспомнила бы «Марсианские хроники» Р. Бредбери. В его картинах то же, что у Бредбери, желание сопоставить человеческие чувства с космическими явлениями, взволнованное философское размышление о началах и концах миров. Фатеев легко уходит от привычных ассоциаций, мыслит нешаблонно, неожиданно.

В 1919 году Петр Петрович принимал участие в Первой выставке Московского хранилища произведений современного искусства, в 1923 году его работы демонстрировались в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, за год до этого — в 1922 году — в выставочном зале на Кузнецком мосту прошла его персональная выставка. Его картины были замечены и высоко оценены Н. К. Рерихом.

Фатеев обычно работал ночами, в маленькой комнате с черным, закопченным потолком, расписанным звездными сферами и разноцветными кругами. Жил замкнуто. И все-таки разве можно сказать одиноко? С ним его вечные спутники: Волошин с его космическим пониманием поэзии, Грин, как и сам Петр Петрович, знающий, что «рано или поздно, под старость или в расцвете сил, несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов». С ним любимые художники: Рембрандт, умеющий уловить все переходы и оттенки нарастающего и гаснущего света, Рерих, Чюрленис... Чюрленис особенно близок Петру Петровичу и как мыслитель, создавший циклы «Знаки Зодиака» и «Сотворение мира», и как художник. «Облака» Фатеева невольно ассоциируются с кораблем-облаком Чюрлениса — и живой легкостью очертаний, напоминающих ладью, и зыбкой нежностью. Нет, это не повторение, я даже не знаю, видел ли Фатеев эту вещь Чюрлениса, просто в них одна и та же «музыка сфер», одно ощущение пространства и времени.

Для Петра Петровича искусство — фактор, объединяющий народы, их духовный воспитатель. «Мое творче-

ство, — говорил он, — по своим устремлениям синтетическое, имеет целью давать пищу не вполне осознанному человечеством новым рождающимся в нем чувствам и новому, более космическому мироощущению, пробивающемуся во всех областях человеческой мысли».

В 1970 году проходил международный конкурс художников-фантастов «Мир 2000 года», организованный журналом «Техника — молодежи». Одним из победителей конкурса стал Петр Петрович Фатеев.

Однако пора вернуться к теме, затронутой в начале статьи, — рассказать о людях, продолжающих дело художника. Первая выставка Честнякова состоялась через пятнадцать лет после его смерти. Шаблово в стороне от больших дорог, районный центр там Кологрив; сперва Ефим Васильевич наведывался туда, приглашал «в денек весенний, первый» заглянуть к нему, потом и Кологрив стал слишком далек для него. Написал письмо К. И. Чуковскому, собрался послать ему кое-какие полотна — не успел или сил не хватило. В последние годы стал уединяться, запирается — в избу, где висели полотна, пускал неохотно. Жаловался: «...Отнимают время хворые и любопытные и даже не чуткие к искусству люди». После его смерти кто-то приезжал из района, но не сумел оценить творчество Честнякова, и картины его разошлись по сельчанам: порой украшали комнаты, порой служили просто как холст. Иные оказались разрезанными на части: так, «Город всеобщего благоденствия» был впоследствии собран и склеен реставраторами.

Первая выставка произведений Честнякова была развернута в Костроме. Увидев несколько работ художника, искусствоведы Костромского музея изобразительных искусств объехали все близлежащие Шаблово села, обшарили все дома, собирали картины, рисунки, записи Ефима Васильевича. Привезли в музей сотни экспонатов: живописи, графики, «глинянки», тетради с «сочинениями», стихами, сценариями представлений, книги, испещренные пометками художника. Ездили раз, другой, третий. Привезли его вещи (в том числе знаменитую тальянку), записали воспоминания знавших его людей.

Возглавлял эти поиски директор музея Виктор Яковлевич Игнатьев.

Мы часто говорим о призвании поэта или ученого. Но мне думается, что для музейной работы тоже требуется призвание. Тот жар души, безошибочность вкуса и зоркость глаза, которыми в свое время обладали Павел Михайлович Третьяков и Сергей Иванович Шуклин. Мне приходилось встречаться с такими людьми — с Игорем Витальевичем Савицким, человеком удивительного самоотвержения и бескорыстия, создавшим в Нукесе музей, которым гордится теперь все советское искусство; с Борисом Григорьевичем Возницким, директором Львовской картинной галереи, собравшим для города огромную коллекцию деревянной скульптуры, великолепного львовского барокко, поставившим на учет все памятники области — от не раскрытых еще курганов до мемориалов Великой Отечественной войны, восстановившим в Олесье один из самых старинных каменных замков Украины. К числу таких одержимых своим делом людей можно отнести и Игнатьева. Он расскажет о каждом хранящемся в фондах его музея произведении, расскажет о незаслуженно забытых художниках, об их работах...

Полотно Честнякова — не первое открытие Игнатьева. Это он обратил внимание на хранящиеся в Солигаличе холсты из бывшего имения Черевинных, холсты, вызвавшие сенсацию в художественном мире. Шутка ли — в плеяду блестящих имен русских портретистов XVIII века теперь — через два века! — внесено новое имя замечательного мастера, художника с самобытной творческой манерой — Григория Островского.

«Человек удивительного везения», — писали об Игнатьеве. Но вряд ли его успех определяла лишь удача. Скорее, внимание к искусству и жизни, серьезность знаний, умение постоянно применять их.

Сейчас портреты Островского находятся в постоянной экспозиции Костромского

музея изобразительных искусств. Туда ездят специально, чтобы увидеть, как жемчужно струится кружево воротничков, тянется и пышно ниспадают шелка нарядов, мерцают драгоценные камни в серьгах и перстнях. Увидеть лица людей, живших два века назад, — задумчивые, властные, исполненные сердечной доброты и мягкости...

Оговорюсь. Это открытие по праву делая с Игнатьевым реставраторы: костромчанка Е. Малагина, москвичка С. Ямщикова, С. Голушкин, В. Танаев, М. Фурдик. Ямщиков помогал Игнатьеву в отборе портретов в Солигаличе. Малагина, Голушкин, Танаев, Фурдик привели в порядок ветхие холсты, укрепили осыпающийся грунт, раскрыли потемневшую живопись. Добились того, что старые портреты приобрели почти первоначальный вид.

Ямщиков, Голушкин, Танаев, Фурдик — сотрудники Государственной центральной художественно-реставрационной мастерской имени И. Э. Грабаря (ГЦХРМ). У этой мастерской замечательные традиции. Еще в двадцатых годах ею (тогда она называлась Всероссийской комиссией по сохранению и раскрытию памятников живописи) были обследованы такие архитектурные комплексы, как соборы Московского Кремля, монастыри Новгорода, храмы Троице-Сергиевой лавры, изучены регионы Северной Двины и Поволжья, развернуты интереснейшие выставки вновь открытых и реставрированных памятников. Чтобы понять, что это были за выставки, достаточно назвать лишь одну экспонировавшуюся на них вещь — «Троицу» Андрея Рублева.

— Современная художественная жизнь немалыма без реставраторов, — настаивает реставратор и искусствовед Савелий Ямщиков (сам он специалист по древнерусской живописи, проделавший большую работу по изучению и восстановлению искусства древней Карелии). — Мы радуемся, что художники все чаще обращаются к нам, чтобы узнать секреты техники и технологии живописи. Впрочем, сейчас говорить о секретах не приходится. У нас нет тайн — у нас есть знания. Все наши реставраторы имеют специальное образование. И это нам кажется естественным — мы даже не представляем уже реставратора-ремесленника. Ведь оживить живопись, заставить зазвучать давно угасшее слово — это тоже искусство!

Стоит добавить, что реставраторы ГЦХРМ не только знают людей, но и интуитивны. Узнав о находке полотен Честнякова, они немедленно поехали в Кострому — посмотреть на них, а посмотрев, взяли отпуск и остались там на целый месяц: не терпелось приложить руки к делу, отчистить и привести в порядок хотя бы некоторые полотна.

Полотно Честнякова я впервые увидела недавно — в начале 1976 года. С произведениями Фатеева познакомилась раньше, они были экспонированы в декабре 1971 года в Политехническом музее. Тогда я еще не знала, что эта выставка — результат своеобразной «цепной реакции»: казалось, картины Фатеева, подобно написанным им цветам, излучали энергию, заставляя людей действовать. В 1965 году один из немногочисленных знакомых и почитателей Петра Петровича устроил ему выставку в Институте автоматизации и телемеханики. На следующий год она повторилась в Московском энергетическом институте — ее «привел» туда один из посетителей Института автоматизации и телемеханики. Экспозиция в Политехническом музее была следующим звеном цепи.

В последние годы многие художники обратились к теме космоса. Получили известность работы Г. Курнина (Сочи), В. Шуклина (Ярославль), Д. Якова (Болгария), М. Иосифовича (Югославия), Ч. Бончестелла (США). У нас на глазах родился новый жанр живописи. Жанр, который вновь и вновь заставляет вспоминать о художнике, стоявшем у его истоков, — Петре Петровиче Фатееве, о силе его фантазии, глубине и философичности его мысли.

Полотно Честнякова завершили свой нелегкий путь к людям — над ними трудятся умные и добрые руки реставрато-

Продолжение на IV обложке.

ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ РЕЖИССЕР ШУКШИН

Начало на 18-й стр.

получается — она сидит в тепле, пьет чай и никуда не двигается. Вспомнилось, как указал пасечник на ее комсомольский значок... Девушка решительно начинает собираться, старики удерживают ее — куда на ночь глядя да в дождь такой! — но Наташа не слушает их, говорит взволнованным голосом, что и одна доедет; кряхтя и ругаясь про себя, начинает одеваться и Семен Захарович. Двое снова в телеге...

Как здорово было бы воскликнуть: смотрите, первый, только опубликованный рассказ, но сколько в нем уже, несмотря, конечно, на недостатки, присущие многим писателям, проглядывает достоинства! Но нет, ничего здесь, кроме разве что отдельных точных бытовых деталей, да и то расхожих, не «проглядывает». Над автором довлеет схема, безлики и заданны характеры... Словом, в рассказе «Двое на телеге» ничего нет от знакомого и любимого нами Шукшина. Но вспомните, читатель, что далеко не все русские писатели начинали «Бедными людьми», были также «Мечты и звуки» и «Ганц Кюхельгартен» — книги, по которым никак нельзя поручиться, что они принадлежат молодому перу будущих авторов «Кому на Руси жить хорошо» и «Мертвых душ». Первый же напечатанный рассказ Шукшина будет нам всегда дорог именно тем, что он первый, и со временем, когда он войдет в собрания сочинений (ни в одну книгу Василий Макарович его не включал и не мог включить, ибо был строг к себе), читатель, знакомясь с ним, сравнивая его с произведениями последующими, лишней раз воочию убедится, как быстро рос Шукшин, набирал творческую высоту.

Василий Макарович, видимо, скоро понял, что «Двое на телеге» в частности и вообще рассказы такого рода мало что могут дать читателю и ему самому. Последующие его рассказы — уже иные, хотя опять-таки не совсем еще «шукшинские» — увидят свет спустя более чем два года.

В 1960 году Василий Шукшин готовился к защите диплома и ходил в литературное объединение молодых писателей при журнале «Октябрь».

Еще на первом курсе и едва ли не на самом первом занятии М. И. Ромм учил:

«Если между зрителем и автором пьесы стоит как переводчик замысла автора на язык кинематографического или театрального действия актер, то режиссер стоит между актером и основным автором. Таким образом, режиссер является переводчиком для переводчиков. Он первый истолковывает произведение искусства и доносит свое истолкование, свое видение и слышание всего того, что написал автор, до всего отряда исполнителей».

Уже для Шукшина-дипломника это определение не годится. Он сам написал сценарий короткометражного (из трех частей) художественного фильма «Из Лебяжьего сообщают». Сам поставил его как режиссер. И, более того, сыграл в этом дипломном фильме одну из главных ролей. Выходит, не в «Печкалах», а еще на заре кинематографической юности попытался предстать Шукшин «един в трех лицах», стать не «переводчиком для переводчиков», а в максимальном приближении цельным художником, не истолкователем, а полновластным автором, создателем фильма.

Лебяжье — целинный центр на Алтае, фильм же снимался под Волоколамском. Он рассказывал о буднях райкома партии, о разного рода трудностях в борьбе за урожай, их преодолении. Не хватает машин, запасных частей для комбайнов и т. п., а тут еще несчастье такого рода: в горячую пору, уборочную страду, от инструктора райкома партии (его и играет Шукшин) ушла жена. Мы видим, как мучается этот хороший человек, но не опускает рук, не просит сочувствия, загоняет боль внутрь себя и едет-таки в Лебяжье, где прорыв, где его присутствие необходимо. Фильм заканчивается газетной информацией: из Лебяжьего сообщают, что уборочная подходит к концу без помех, высокими темпами.

Здесь, на этом фильме, встретились Василий Шук-

шин и Леонид Куравлев, тогда студент ВГИКа. Куравлев играет роль механизатора, озабоченного, где бы достать дефицитные запчасти к комбайнам (ситуация, воспроизведенная затем Шукшиным в рассказе «Коленчатые валы»), а еще позднее вошедшая в сценарий «Брат мой» и второй раз обретшая экранную жизнь в фильме В. Виноградова «Земляки» по этому сценарию, в котором, как мы узнаем дальше, Василий Шукшин в свое время разочаровался). Куравлев прекрасно ведет свою роль, по сути, это «штрихи к портрету» будущего Пашки Колокольникова. Из дипломного фильма Шукшина понятно, почему он не искал затем иного исполнителя главной роли для фильма «Живет такой парень», хотя кинопробы Л. Куравлева и были неудачны.

...Защита диплома прошла успешно, хотя стремление молодого режиссера быть «и швецом, и жнецом, и на дуде игрецом» восторгов не вызвало. До сих пор шокирует иных деятелей стремление молодых талантов делать больше, чем им «положено» на первых порах, пока у них нет «имени». Их подчас квалифицируют как «выскочек», «неблагодарных», «из себя меня корежит» и т. п. Одна заслуженная актриса язвительно заметила Шукшину на защите дипломного проекта: «А что, Вася, может, ты еще и музыку к фильмам писать будешь?..» Желваки Шукшина заходили, он с трудом сдержался, чтобы не нагрубить, но ответил все же вызывающе: «А что? И буду...» Как покажет время и расскажет потом композитор многих фильмов Шукшина П. В. Чекалов, это утверждение было недалеко от истины...

Но вот и диплом, а что с ним, скажите, делать? В прошлом, 1959 году кинемеханик Саша Куксин объявил по радио, что нынче в Сростинском клубе будет показываться новый фильм «Два Федора», в котором... Сеансы были «битковыми». Зал будет столь же переполнен и в этом, 1960 году, когда покажут «Золотой эшелон», где Шукшин сыграл роль большевика-подпольщика Андрея Низовцева, спасающего с товарищами золото, которое Колчак хотел переправить за границу. И о «Простой истории» (1961) будут долго говорить в Сростках (здесь он играет «простого» деревенского парня Ивана Лыкова) и об «Аленке» (1962) — здесь герой тоже «свой» — моряк-целинник Степка Ревун (с женой «городской» ему не повезло). Будут роли, которые Шукшин спустя время сам посчитает дежурными и проходными. Роли будут, но режиссер такой, Шукшин, будет неизвестен вплоть до 1964 года. А в 1960-м и еще в течение двух лет у «дипломированного молодого специалиста» — ни московской прописки, ни постоянной работы, ни угла своего, а ему уже тридцать один...

Москва, известно, слезам не очень верит, да и не умеет и не собирается плакаться доброму дяде в жилетку этот человек. Фильм не дают снимать? Ну и ладно, ну и хорошо, подождем, зато рассказы печатать собираются — уже в наборе, в типографии. Не зря, выходит, пришел в литобъединение при журнале «Октябрь» молодой человек в грубом бобринском пальто, в огромной рыжей шапке и в тяжелых сапогах. Он (продолжаю цитировать предисловие к первой книге Шукшина «Сельские жители», написанное одним из тогдашних сотрудников «Октября») нетерпеливо, настойчиво заявил тогда:

«Я принес рассказы. Прошу прочитать и обсудить их сейчас же».

— Почему такая спешка? — спросили мы.

— На экзамен надо бежать. В институт.

Это был Василий Шукшин. В его поведении было что-то неспокойное, застенчивое и в то же время непреклонное. Он как бы стеснялся своей настойчивости, но вести себя по-иному не мог.

Мы не пожалели тогда, что стали обсуждать его рассказы. По первым же строкам их можно было определить, что в литературу вступает человек со своим взглядом на события и на людей, со своей манерой письма, что он обладает талантом большой грусти, теплого юмора и человечности».

Охотно поверим в эту «боевую» нетерпеливость и настойчивость Шукшина, проистекающие от робости и стеснения: пусть уж сразу прочитают и выскажутся, не понравится если вовсе, не примут в объединение, то сразу и уйду — краснеть и позориться меньше. Но вот к утверждению, что «по первым строкам» и что «он обладает талантом большой грусти, теплого юмора и человечности», отнесемся менее доверчиво, хотя бы потому, что оно очень расхожее (до чего любит наш брат, журналист и критик, эти «первые строки»), а так и е грусть, юмор и человечность кому только, начиная с Чехова («певца сумеречных настроений»), не приписывались. Но по порядку.

В мартовской книжке журнала «Октябрь» за 1961 год печатаются три рассказа Шукшина: «Правда», «Светлые души», «Степкина любовь». Причем рассказ «Правда» публикует в том же месяце с ссылкой на журнал газета «Труд» (со временем такие перепечатки-анонсы станут нормой для шукшинских рассказов). В январе следующего года «Октябрь»

публикует еще один рассказ Василия Шукшина — «Экзамен», а в мае еще три: «Сельские жители», «Коленчатые валы», «Леля Селезнева с факультета журналистики». Но Шукшин работает в это время очень много, и журнал «Октябрь» просто не в состоянии один напечатать все, что выходит из-под пера молодого писателя, к тому же далеко не всегда его рассказы находят одобрение редакционной коллегии этого издания. «Леньку» и «Демагогов» напечатает в мартовском номере «Молодая гвардия», а в следующем месяце того же 1962 года в журнале «Москва» будут опубликованы рассказы «Артист Федор Грай», «Племянник главбуха», «Степан Разин».

Что это было за время в нашей литературе — конец пятидесятых — начало шестидесятых годов? Время поисков, всяческих перемен и горячих — иногда даже не в меру горячих — дискуссий. Выходит «Битва в пути» Г. Николаевой, «Тройка, семерка, туз» В. Тендрякова, «Суровое поле» А. Калинина, «Ледовая книга» Ю. Смуула, «Владимирские проселки» и «Капля росы» В. Солоухина, «Джамилля» и «Материнское поле» Ч. Айтматова, «Сентиментальный роман» В. Пановой, «Живые и мертвые» К. Симонова. Уже заявили о себе В. Астафьев, В. Быков, Е. Носов, В. Чивилихин, В. Липатов... Литературу еще только начинают делить на «деревенскую» и «городскую», «на рабочую тему» и т. д. Но и в таком поистине кипящем литературном котле первая книга Шукшина, выпущенная издательством «Молодая гвардия», была замечена, а отдельные рассказы даже вызвали споры. Книга называлась «Сельские жители».

Сегодняшнему читателю некогда (да и незачем) ворошить подшивки тех лет и вчитываться в старые рецензии, но он, конечно же, не избежит, коль скоро попадутся на глаза, многочисленных, посвященных Шукшину статей последнего времени. В одной из таких статей, принадлежащей перу В. Соловьева и напечатанной в конце 1975 года «Искусством кино», можно прочитать следующее: «Передо мной две книги Василия Шукшина: первая — «Сельские жители» и последняя — «Беседы при ясной луне». Они контрастны настолько, что кажется: их писали разные люди... «Сельские жители», как и первый фильм Шукшина, — книга безмятежная, светлая. В этом ее прелесть, и в этом ее ограниченность».

Это утверждение кажется на первый взгляд незбытым, чуть ли не аксиоматичным. Но давайте вдумаемся в слово контрастные. Никто не спорит, что последняя прижизненная книга Шукшина сильнее, лучше, чем первая, но контрастны ли они, то есть действительно ли между ними такая уж грань? Не будем пока торопиться с ответом, ибо он очень важен, этот ответ, и от него зависит что-то очень существенное в нашей оценке творческого развития, пути Шукшина, его мировоззрения, его взглядов.

«Если кто-то из литераторов, — пишет С. Залыгин в предисловии к рассказу «А поутру они проснулись» («Наш современник», 1975, № 6), — однажды предавшись излюбленному занятию своего цеха, станет делить творчество Шукшина на периоды, этот неоконченный рассказ, естественно, попадет в период последний, заключительный».

Так оно и есть, это подтвердит и хронология, только надо будет иметь при этом в виду, что Шукшин никогда и ничего не заключал, он всегда начинал, все его творчество — это сегодняшнее угадывание своего собственного творческого завтра».

В сущности, эту мысль мы хотим развить и подкрепить примерами, дабы в принципе опровергнуть всевозможные «контрастные» концепции творчества Шукшина, по сути дела, «отлучающие» от читателя (это-де «не настоящий» Шукшин) многое из созданного писателем. Невероятно? Не может быть? А прочтите-ка внимательно статью И. Соловьевой и В. Шитовой «Свои люди — сочтемся» («Новый мир», 1974, № 3). Шукшин, по свидетельству ближайшего своего друга, кинооператора А. Заболоцкого, читал этот «итоговый» разбор его творчества и был страшно огорчен, но не подавлен, нет. Он был сильный человек и при всей стеснительности и скромности знал, как знает всякий подлинный художник, чего стоит он и его творчество...

Но пора заканчивать это необходимое отступление. Переждем на примере «Сельских жителей» к конкретному разговору о том, что «все его творчество — это сегодняшнее угадывание своего собственного творческого завтра».

* С отличными рассказами выступает Василий Шукшин, — пишет в статье, посвященной молодому литераторам, главный редактор «Октября» Всеволод Кочетов («Комсомольская правда», 16 ноября 1962 г.). — Но мы знаем, что он готовит и крупное произведение (имеется в виду роман «Любовины», работа над которым была начата еще во ВГИКе и продолжалась все эти годы).

Продолжение следует.

СКАЗАНИЕ О ЗАКОПЧЕННОМ ТАГАНЕ

— Ах, мама, отец говорит, что нам, детям,
Ты сделала много добра... Если вдруг
Все то, что ты сделала, спрячем в бурдюк,—
Бурдюк до краев ли наполнится этим
Добром? — Я спросил на заре своих лет,
В семье самый младший, в семье самый смелый.
И мама сказала нам тихо в ответ:
— Добру материнскому нету предела...

В холодной кибитке из рваной кошмы,
Тулупом пастушьим прикрытые, мы —
Семь маленьких братьев, сестренка — восьмая,—
Осеннюю ночь коротали, внимая
Тому, что извещали предков умы,
Словам материнским, в народе возвращенным,
Сказанию о тагане закопченном:

«С Баатром, единственным сыном, осталась
Калмычка-вдова, работающая мать.
В улусе она в нищете настрадалась.
Чтоб с голоду сыну погибнуть не дать,
Пошла в услуженье к нойону-владыке.
Что утро, что вечер — ей отдыха нет.
И что ни прикажет нойон грозноликий,
Все сделает: встанет зимою чуть свет
И гонит три сотни коров к водоюю,
Потом из колодца, не зная покою,
Вытаскивает триста ведер воды
И сена скоту задает полскирды.

Хоть хрупкой была, а с работой справлялась,
От рук ее быстрых бежала усталость,
Не ела объедки хозяйские даром.
Махан из баранины с жирным наваром
Нойону готовит и варит кумыс,
Чтоб чашу наполнить хмельной аракою.
Детишки заплачут ли — передрались! —
С нойоншей — припадок, и слезы рекою:
Служанки-негодницы в этом вина,
Пусть на спину деток сажает она.

Ягненок заблеет, заноят телята,—
Нойон свирепеет — раба виновата:
И гурт без воды, и без корму отара!
С решетки кибитки срывает он плетъ,
Он женщину бьет — пусть кричит от удара! —
Но сын у нее, ей нельзя умереть.

Так тянется время; то брань, то побои,
То злобных натравят на женщину псов.
Без устали труд и покорство тупое.
Но срок наступает в конце-то концов:
День смерти приблизился к нищей рабыне,
Она умирает, измучена злом.
Склонился Баатр над холодным челом,
Спросил он у матери в тяжелой кручине:
— Сейчас ты уйдешь, не вернешься опять.
Но кем после смерти ты станешь, о мать?
Ты в муках меня родила, дорогая,
Трудились, мне на ноги стать помогаю.
Тебя не устану я благословлять!
Тогда на таган закопченный вдова

Рукою морщинистою показала
И голосом мягким, чуть слышным сказала
Любимому сыну такие слова:
— Сынок, тагана закопченного ножкой
Я стану. Вот там, где кибитки порог.
Хотя бы воды вскипятишь ты немножко
На нем... Я хрчу, чтоб его ты сберег.
— Спасибо,— ей мальчик, рыдая, ответил.
И только земле была мать предана,
Он, чтобы запомнилась, чем-то пометил
Железную ножку того тагана.

Работа, что делала мать у нойона,
На слабые плечи мальчишки легла.
И скот он поил, и кормил досветла,
И стряпал, но думу одну потаенно
Пелеял в душе сирота мальчуган:
Жива его мать — где-то здесь, где-то рядом!
Она-то и есть закопченный таган.
И ножку он добрым окидывал взглядом.
Чтоб не было матери больно и жарко,
Старался, чтоб пламя горело неярко,
Подальше от ножки того тагана.
Нескоро поэтому делалась варка,
Порою затягивалась до поздна.
Хозяева злились: вот лодырь-то нищий,
Наверно, решил их оставить без пищи!
Нойонша ругалась, в лицо сироты
Кидала горячий кизяк, заставляла
Средь стада коровного спать, без пахты
На целые сутки его оставляла.

Однако огонь — поделом, поделом! —
Как прежде, лишь сбоку горел под котлом,
Чтоб ножка с отметкою не накалялась.
Нойон, отвергая понятие и жалость,
Бил мальчишка плетью, развед догола,
Бросал его под ноги бычьи: те пытки
Познала и мать и в могилу легла.
И выгнал нойон сироту из кибитки.

К нойону пришли пастухи, говорят:
— На вас он работал три года подряд,
Хоть что-нибудь дайте, хозяин, мальцу.
Владыка прогнал их... Меж тем на пороге
Стоял сирота, мальчуган босоногий,
И слезы текли у него по лицу.

Не глядя, спросил его грозный владыка:
— Козьявка, чего тебе надо, скажи-ка?
— За труд мой трехлетний, — сказал мальчуган, —
Отдайте мне ваш закопченный таган.

Нойон размышляет: нужна ли уступка?
Усищи — торчком, и дымит его трубка...
И вот расщедрился хозяин богатый,
Ногою на старый таган показал.
— Бери его, грязный щенок, — приказал, —
Но помни: сверх этой не требуй ты платы.

Таган получив за свой труд многолетний,
Решил мальчуган: «Я служил богачу,
И не было в мире слуги безответней.

Трудиться теперь на него не хочу.
Пойду я на мир посмотрю человеческий,
Питаться начну-ка я дичью степной,
А мама моя будет всюду со мной»...
Сказал — и таган свой он вскинул за плечи.

«Услышь ты, о мама, ту песнь, что твой сын
Сложил о тебе — твой Баатр одинокий.
Со мною поют ее травы долин,
И птицы в лесах, и речные потоки.
Не думай, что мне на дороге земной
Таган закопченный таскать не по силам.
О нет, не таган у меня за спиной,
То — мама родная с лицом ее милым!»...

Закат ли зардеет, блеснет ли рассвет,
Зимою и летом, сквозь горы и доли,
Все тащит наш странник таган свой тяжелый —
С тринадцати лет и до старости лет.

Смерть близко: он дней своих видит границу...
Баатр, помолясь небесам и земле,
Явился к Алтану Цеджи-ясновиццу
С пророческой думой на светлом челе:

— Мудрец, соизвольте мне слово сказать:
Могу ль благодарным считаться я сыном?
Пока не устал на пути своем длинном,
Таган я таскал по горам и равнинам —
Тот самый, чьей ножкою делалась мать!

На белой кошме восседал седокудрий,
Сияя, как Будда, провидец премудрый.
По четкам отсчитывал старец дела,
Которые память его сберегла.
Был взгляд его зорок, был взгляд его кроток,
Как спелые вишни — сто бусинок-четок.

— Кто вытерпит, — молвил он, — день изо дня
Все то, что таган претерпел от огня?
А мать для ребенка, терпенье храня,
Страдает сильней, чем таган от огня.

Таган ты таскал и в песке и в снегу,
Но ты перед матерью, сын мой, в долгу —
За то, что тебя пленала она,
За все ее страхи и ночи без сна.
Неплохо добром свою мать поминать,
Но лучше при жизни беречь свою мать»...

Итак, хоть Баатр был почтительным сыном,
Он матери все ж не воздал за любовь...
Мне чудится в этом сказанье старинном,
Что мать надо мною склоняется вновь.
Она молодою покинула нас,
Но речь ее слышится мне и сейчас:
За нашей кибиткой кочевничьей ветер
Ее продолжал стародавний рассказ.
Навеки я память о ней сохраню
И детям своим, на свободе возвращенным,
Я маминим голосом передаю
Сказание о тагане закопченном.

Перевел с калмыцкого
Семен ЛИПКИН.

Пиренеи, ЛЕТО 1976

В начале семидесятых годов, а особенно зимой 1975-го накал борьбы испанских трудящихся против франкистской тирании достиг апогея. Забастовки и демонстрации протеста сотрясали страну. Время фашистского владычества — несмотря на то, что каудильо еще был жив — подходило к концу и, естественно, не само по себе, а под ударами рабочего класса и его авангарда — коммунистов-подпольщиков...

...Через день после смерти Франко я запросил визу. Две недели министерство иностранных дел Испании не давало ответа. Визу я получил только после вмешательства влиятельных мадридских друзей, ныне открыто заявивших себя «реформаторами», и сразу же вылетел в Париж — тогда еще не было прямых рейсов Аэрофлот — Иберия.

В машине нового аэропорта «Шарль де Голль» я встретился со стародавним знакомцем, одним из тех профессоров Мадридского университета, которые никогда не скрывали своей оппозиционности режиму.

— Едешь присутствовать на заключительном акте представления? — спросил он.

— А что будут показывать? Фарс или драму?
— Мы все свыклись с мыслью, что исход возможен лишь один — трагический.

— Трагедия рождена для ее преодоления. Если человек привык к трагедии, начал считать ее некоей постоянно существующей константой, он неверно понимает самую сущность трагического.

— То есть? — Приятель удивленно взглянул на меня.

— Ты оптимист?
— Стараюсь.
— А я считаю оптимизм прерогативой незнания.
— Значит, ты не ждешь ничего хорошего?
— Нет. Или случится чудо.

Ласковый, даже, сказал бы я, приторный голос диктора (они все в аэропортах актерствуют) развел нас к разным дверям: приятель летел в Бонн, я — в Мадрид.

Испания — страна особая, и понять ее дано не столько в Мадриде, сколько в Севилье, когда вы заглянете в старом районе в махонькую, тяжелую, кованую дверь невзрачного, белого (словно у нас на Украине) домика и поразитесь громадному двору, и голубым арабским изразцам, и диковинному саду... А ведь сначала этот крошечный домик казался таким неинтересным и однозначным. Испания — страна неожиданности, и судить о ней с фасада недалеко. (Писательская недалекость чревата презрением читателя, недалекость пахаря грозит голодом; опаснее всего в наш век недалекость политика, ибо такого рода недалекость упускает возможности.) Внешне все было спокойно в тот день, когда я прилетел в Мадрид. Но не надо торопиться с выводами. Надо всегда помнить, что, не заглянув в маленькую дверь андалузского домика, ты не сможешь увидеть гулкую, настороженную, ждущую машину двора.

Воистину пресса — зеркало страны! Утром, отоспавшись после перелета, спустился из «Сентра Колонн», где я обычно останавливаюсь, и купил все газеты и журналы, какие только были у киоскера. Бумагу здесь не экономят: какая-нибудь спортивная газетка выходит на шестнадцать полосок. Я называл издания, киоскер хмуро подбирал мне огромную пачку. Но, услышав, что я прошу и «Фуэрса нуэва», не смог (или не захотел) скрыть усмешки: «Фуэрса нуэва» — фашистская газета депутата кортесов Бласа Пиньяра.

Дома начал неторопливо, со словарем просматривать номер за номером. Наговорил на диктофон

основные темы, которым посвящены наиболее броские материалы:

1. Министр иностранных дел Арейльса (я встречался с ним, когда он был известен как граф де Мотрико, лидер умеренной оппозиции) заявил во время своего визита в Париж, что коммунисты, живущие в эмиграции, имеют право на испанский паспорт, как и все другие испанцы. «Вопрос же их идеологии — это уже другое дело».

2. Блас Пиньяр заявил, что любого коммуниста, которого «впустят в страну безответственные элементы (Кто? Арейльса? Ничего себе времена пошли, ежели эдак-то о королевском министре!), встретят пулеметные очереди тех, кто верен заветам великого каудильо».

(Читая — сегодня уже — последние сообщения из Мадрида, думаю: «Все-таки сильные пиньяры — стрелять не могут, но санкционировать аресты — вполне».)

3. «Ариба», газета фаланги, сообщает о мессе, которую отслужили по Франко, дает портреты короля Хуана Карлоса и его министров, нанесших визит вдове генералиссимуса.

4. «Фуэрса нуэва» печатает громадный фоторепортаж «Франко будет жить вечно!». Огромная толпа фашистов на митинге, руки вытянуты в фашистском приветствии. Показательна обложка журнала: фотографии министров нового кабинета перечеркнуты лозунгом «Боже, спаси короля!» (не заслуживают доверия?).

5. «АБС», самая влиятельная испанская газета, сообщает о забастовочном движении в стране. Это тоже в новинку мне. Раньше о забастовках не писали, а ежели и приходилось (шум был слишком уж большой), находили какие-то особые слова, которые изобретены для того, чтобы ничего не сказать. Диктатура Франко учила прессу змейству и витиеватости: называть вещи своими именами считалось плохим тоном, «неверным пониманием комплекса национальных проблем», «неумением мыслить конструктивно». Режим личной власти построен на неверии в народ, а поскольку Слово — отправной символ веры, к нему было соответствующее, настороженное отношение.

6. «Пуэбло» сообщает о работе «Института Испании». Вообще заметно, что ныне испаноговорящему миру уделяется большое внимание всеми газетами. Порой, рассуждая об Испании с позиций политического репортерства, исследуя (а чаще не исследуя, но лишь передавая) новости, журналисты забывают о том, что именно с Иберийского полуострова отплывали в неведомые дотолы миры Колумб, Магеллан, Америго Веспуччи, Васко да Гама. Именно отсюда, из Пеннисулы, как говорят об Иберии сами испанцы, их культура распространилась на Аргентину и Чили, Перу и Панаму, Филиппины и Эквадор. Это не может и поныне не накладывать отпечатка на народ. Ощущение собственного величия только у индивида приводит к психическим аномалиям. Величие народа — категория совершенно иная, мало причем изученная. В условиях испанской инквизиции, награбленного золота, застоя политической и духовной жизни величие выродилось в «прекрасное ничегонеделание», кажется, так писал кто-то из умных путешественников о людях, живших за Пиренеями. (Ныне, однако, ритм жизни в городах это «ничегонеделание» крепко поломал. Стоит зайти в маленький бар, где собираются люди на обеденный перерыв, и вас поразит ритм работы тех, кто служит сервису, — прямо-таки атакующая деловитость. Видимо, это пришло в сервис от конвейера, от ритмики машинной индустрии.) Обращение к величию испанской культуры — одна из форм подачи себя дяде Сэму в новом качестве. Мол, только мы, испанцы, можем удержать Латинскую Америку от резкого сдвига влево, мы же ее открыли, мы дали ей свой язык и свою культуру — как же,

минуя нас, с нею работать? С другой стороны, это — обращение к достоинству и престижу своей нации. А о том, что к нации приходится обращаться, свидетельствуют материалы во всех газетах: «утро-за сепаратизма» столь же актуальна для Испании, как и забастовочная борьба, как и движение за амнистию и реформы. Наиболее сильна проблема «сепаратизма» в Стране Басков, Каталонии и — в какой-то мере — Галисии.

Что же там происходит?

Почти сразу же после смерти каудильо в Каталонии вспыхнуло движение за автономию. Французы, внимательно наблюдающие за тем, что происходит за Пиренеями, отметили в «Монд», что «руководители Социалистической партии национального освобождения Каталонии (ПСАН) уже составили карту, на которой «каталонские районы» охватывают Валенсию, Балеарские острова, часть Арагонской провинции и Северную Каталонию, простираясь по ту сторону Пиренеев». Для создания «каталонского социалистического государства» ПСАН предлагает «удалить оккупационные силы испанской олигархии».

В социальной и политической областях, в экономике Каталония всегда на много опережала другие районы Испании. В дискуссии о демократии, развернувшейся после смерти Франко, коммунисты и либералы выдвигают одинаковые требования. Многолетний запрет на каталонский язык, гонения на Слово, музыку, обычаи родили встречную тенденцию — взрыв национализма. Каталонский язык остался жив: на нем говорит более половины населения дома, на службе, на заводе. «Авуи» — первая газета на каталонском языке, которая начала выходить после гражданской войны. Лозунг новой газеты: «Нужно больше слушать народ, чем королей».

Способствовало ли этому принятое в декабре правительством Хуана Карлоса решение признать каталонский, баскский и галисийский языки «официальными языками»? В одном из документов Каталонской ассамблеи говорится: «Никто, кроме народа, не может даровать право на применение какого-нибудь языка».

Хорди Пухоль, который считает себя «мелким буржуа», провел четыре года в тюремном заключении за антифранкизм. Этот «мелкий буржуа» на самом деле основатель каталонского банка (восьмой по значению испанской финансовой группы) и член Совета политических сил Каталонии, действующего совместно с коммунистами. Хорди Пухоль говорит: «Мы жили 30 лет в изоляции. Смерть Франко все меняет. Режим встал на путь, с которого нет возврата. Хотя правила игры еще не уточнены, двери, которые открыли, больше не закроются».

Стремление к политической ясности привело к созданию Совета политических сил, объединяющего одиннадцать правых и левых организаций. По мнению барселонской печати, создание этого совета — самый важный акт после гражданской войны».

Определила свою позицию также и церковь. «В Мадриде я чувствую себя как бы в другом мире». Кардинал Хубани никогда не скрывал своей привязанности к Каталонии. Архиепископ Барселоны Хубани стоит во главе каталонской церкви, занявшей либеральные позиции.

Со спокойствием и упорством Луис Мария Ксириакс возрождает традицию тех севильских священников, которые еще в прошлом веке поддерживали стремления народа. Начиная с декабря 1975 года он ежедневно расхаживает с 9 часов утра до 9 часов вечера перед тюрьмой Модело, требуя освобождения политических заключенных. Вот прошлое этого глашатая отказа от насильственных действий: восемь голодовок — в общей сложности 147 дней, два года заключения в тюрьмах Барселоны и Мадрида («Карабанчель»). Полиция пыталась «отговорить» его от этой новой формы протеста: каждый вечер наряды «серых» отвозили его куда-нибудь подальше от Барселоны и оставляли на пустынной дороге. «Но они поняли, что это бесполезно, — усмехается Ксириакс. — Я останавливаю какую-нибудь автомашину, и завтра я уже на своем посту, перед ними...»

Рабочие руководители более не озабочены тем, где они будут проводить свои «провинциальные» или «национальные» собрания. Двери церквей, монастырей, приходских помещений широко открыты для них.

Теперь о Стране Басков.

Французская пресса, наблюдающая за событиями в пограничной Каталонии с особым интересом, считает — не без оснований — и эту провинцию «взрывоопасной».

И дабы не было нападок на меня за «подстрекательство», я стану исследовать ситуацию, опять-таки ссылаясь — в основном — на данные, приводимые французами.

Хосе Антонио де Агирре сформировал первое правительство Страны Басков в составе 5 социалистов, 3 социалистов, 2 либералов и 1 коммуниста в Гернике еще 7 октября 1936 года.

Правительство Агирре выпускало свои деньги, ввело свой флаг, выдавало паспорта, организовало демократическую власть. Его народная армия в течение года мужественно сражалась на фронте от Сан-Себастьяна до Сантандера. Существование первого правительства Страны Басков прекратилось через год. Баски-республиканцы потеряли более пятидесяти тысяч человек, четверть миллиона басков-республиканцев эмигрировала.

«Французское сопротивление нацистской оккупации длилось четыре года,— говорит бывший министр внутренних дел баскского правительства Телесфор де Монсон.— Наше сопротивление продолжается 38 лет. Мы боролись на территории нашей родины и за границей— во французских партизанских отрядах или в рядах французской армии. Мы продолжаем бороться против режима, который пришел на смену режиму Франко. Я, как христианин и демократ, веду борьбу в сфере идей. Однако многие наши молодые соотечественники, не знавшие войны, примкнули к баскской военной социал-революционной организации национального освобождения — «Страна Басков и свобода», иначе говоря, ЭТА».

(Один из моих товарищей, баск, живущий в Бильбао, говорит:

— До тех пор, пока наши дети лишены возможности читать и писать на родном языке, пока нам запрещают петь свои народные песни, пока мы не добьемся права на автономию, мы не прекратим борьбы.)

Определенная часть ЭТА ныне отвергает методы политической борьбы и прибегает к террору, что усложняет ситуацию. ЭТА лишила себя ряда сторонников, когда ее члены убили 56-летнего предпринимателя, похищенного ими, чтобы получить выкуп в 200 миллионов песет. Этот предприниматель Анхель Берасади был найден мертвым у обочины шоссе неподалеку от Сан-Себастьяна спустя три недели после того, как был похищен. Правительство запретило его семье уплатить за него выкуп или вступать в какие-либо контакты с похитителями.

Воинственная группировка молодых активистов, которые борются за создание баскской республики, оказалась в центре внимания всего мира, когда в 1973 году ее члены убили в Мадриде премьер-министра Луиса Карреро Бланко. Баски отнеслись к этой дерзкой операции ЭТА, сорвавшей тщательно вынашиваемые генералом Франко планы обеспечения структуры власти после своей смерти, с восхищением. Но убийство Берасади, владельца фабрики швейных машин, вызвало — по утверждению французской прессы — недоумение.

Даже Баскская националистическая партия, сочувствующая ЭТА, осудила это убийство. Она опубликовала заявление, в котором указала, что до сих пор она никогда не осуждала насильственных действий баскских активистов, потому что считала, что они спровоцированы репрессиями режима Франко. Но даже война имеет свою этику.

Галисийские националисты пока молчат. Впрочем, не зря в Испании считают, что среди галисийцев много людей, «которые слышат, как растет трава»: тишина в Испании сплошь и рядом обманчива.

Национализм в Каталонии и Стране Басков оказался неким детонатором тотального взрыва националистических тенденций в стране.

— Поразительно, как эта болезнь заразна,— говорил мне испанский приятель, инженер, тяготеющий к «центру». — Я недавно был в Андалузии. И там сейчас появились кружки, которые говорят о необходимости предоставления автономии Андалузии. Я спросил собеседников: «Автономия от кого? От самих себя?» «Нет,— ответили мне,— от урбанистического, американизированного Мадрида, который легко отдал всю тяжелую индустрию баскам, а издательства, кораблестроение, точную механику — безумным каталонцам. Мы хотим сохранить свою духовную независимость. Севилья, как столица, может спасти нас, Мадрид — никогда!»

Главным борцом против сепаратизма испанские газеты в один голос называли министра внутренних дел и заместителя премьер-министра Фрагу Ирибарне. Ему пятьдесят три года. «Галисиец,— шутят в Испании,— он маскирует свой сепаратизм мадридским патриотизмом».

В отличие от спокойных и медлительных галисийцев Фрага вспыльчив и стремителен. Его государственная карьера началась давно, в период экономического и туристского бума Испании. Совсем молодой человек — ему тогда не было и тридцати, — юрист и исследователь международных проблем, Фрага стал заведующим кафедрой Мадридского университета; потом рыбак в государственную деятельность — секретарь комиссии по иностранным делам в кортесах. Затем директор «Института Испании», того самого, который сейчас ведет столь широкую пропагандистскую работу, напоминающую всем о великой культуре, носителями которой явля-

ются испанцы. Получив три политических крещения (университет, кортесы, «Институт Испании»), Фрага был назначен руководителем «Института политических наук». А уже с этого поста сорокалетним человеком он сел в кресло министра информации и туризма. Это министерство являлось ключевым в Испании, и не только потому, что страну посещает ежегодно тридцать пять миллионов туристов (считайте выгоду!), но и потому, что именно это министерство осуществляло цензуру, направляло кинематограф, издательства, прессу, радио и телевидение. Наплыву туристов, среди которых было много противников фашизма, надо было противопоставить гибкую, но в то же время непререкаемую и убедительную контрпропаганду: Франко боялся разлагающего влияния европейских «вольнодумцев», но понимал при этом, что туризм — это такая статья национального дохода, пренебрегать которой безумие.

После четырех лет пребывания на министерском посту Фрага провел свою первую реформу — отменил предвзвешенную цензуру. Это заставило испанцев центристского толка заговорить о «перспективной политике». Неважно, что отмена цензуры оказалась чисто формальным актом: закон Франко имеет такое количество толкований, что в любом белом можно найти черное и доказать, что желтое на самом деле фиолетовое. Несмотря на все это, Фрага Ирибарне стал одной из наиболее популярных фигур в правительстве: «Он умел проводить свое и поступать самостоятельно, а не как марионетка. Однако в то же время восходила звезда фаворита Франко, воспитанника технократической религиозной группы «Опус деи», министра иностранных дел Лопеса Браво. Время, сохраненное в архивах, расскажет — рано или поздно — о подлинных перипетиях борьбы между «Опус деи» и его проповедниками Браво и Родо, министром экономики, с атакующим испанским националистом Фрагой. В конце 1968 года в Мадриде поползли слухи о невероятных финансовых аферах акционерного общества «МАТЕСА», которое контролировал «Опус деи». Говорили, что «МАТЕСА» создает в Европе фиктивные компании, которые якобы покупают изделия испанской тяжелой промышленности. Правительство поощряло, естественно, те фирмы, которые вывозили промышленные товары и ввозили золото. Однако «МАТЕСА» вывозила бумаги, договоры, контракты; золота не ввозила. А вот получать у правительства золота на «расширение» рентабельных отраслей промышленности получала. Размеры ссуд на «расширение сети промышленных предприятий» были гигантскими, исчислялись они миллиардами песет. И деньги эти шли в карманы людей «МАТЕСА». В отличие от других министров каудильо Фрага Ирибарне был неподкупен. Он поставил большую ставку: не на деньги — на лидерство. Он выступил против кредитов «МАТЕСА», считая, что этим нанесет такой удар Лопесу Браво, от которого ставленник «Опуса» не оправится. Рассказывают, что когда в 1969 году дело «МАТЕСА» стало раскручиваться, к Франко пришел генеральный прокурор со списком тех, кого следовало привлечь к ответственности: Первым в этом списке был один из лидеров «Опуса деи». Франко негодовал, читая список, и благодарил прокурора за «государственную зоркость и непреклонность». Когда он вернул подписанный им листок бумаги, прокурор увидел «всего лишь» одну коррективу — фамилия человека «Опуса деи» была вычеркнута. Лопес Браво пошел вверх. Фрага Ирибарне был подвергнут остракизму: он посмел разгласить «скандал в доме». Заседание совета министров было трудным. Фрага не стерпел, он крикнул Франко: «Да замолчите вы, генерал!» Воцарилась растерянная тишина. Фрага Ирибарне поднялся, поправил галстук и вышел из зала. И, естественно, из правительства.

В соответствии с обычной тактикой Франко — держать скандалов подальше от дома — Фрага был отправлен послом в Лондон. Там он постепенно превратился в оппозиционера, стратега политической программы на будущее.

Во время одного из посещений Испании он утвердил и зарегистрировал в министерстве внутренних дел акционерное общество «ФЕДИСА». Почему акционерное общество? Дело в том, что всякого рода политические ассоциации, не говоря уже о партиях, были категорически запрещены в Испании. Собрание более двадцати человек могло состояться только с санкции полиции. Нарушение каралось заключением в тюрьму. В то же время акционерное общество, то есть «автономную единицу капиталистической системы», запретить нельзя. Этим пользовались и пользуются поныне. Политические единомышленники создают фиктивные акционерные общества с минимальным капиталом и, таким образом, получают право на собрание.

Итак, зарегистрировав свое министерство, куда вошел граф де Мотрико, ставший министром иностранных дел Арельхой, Кальво-Сотело, министр торговли, ведущие политики и экономисты Кабаниль-

яс, Орнеха, Ордоньес, посол в Лондоне попросил аудиенции у Ариаса Наварро, ставшего премьером после убийства боевой группой ЭТА адмирала Карреро Бланко. Беседа длилась недолго. Фрага Ирибарне попросил премьера выслушать его программу: он цитировал по памяти десятки страниц, вплоть до сносок на первоисточники. Фрага предложил премьеру провести немедленные реформы, которые бы разрешили легализацию партий, кроме, конечно же, коммунистической, гарантировали проведение свободных выборов и давали право рабочим создавать свободные профсоюзы взамен назначавшихся каудильо.

Ариас Наварро обещал изучить предложения экс-министра и попросил оставить ему краткую справку. С этой краткой справкой он немедленно отправился в летнюю резиденцию каудильо. Тот прочитал документ своего посла в Лондоне и сказал:

— Реформы хороши, слов нет, но в какой стране их намерены осуществлять?

Когда король поручил человеку Франко — Ариасу Наварро сформировать первое монархическое правительство, тот понял, что без Фраги страну в узде не удержат. Видимо, он рассчитывал сделать Фрагу некоего рода тормозом реформ, взвалив на него бремя государственной ломки — буде новый министр решится на это. Ведь одно дело призывать к реформам, находясь в оппозиции, а совсем другое дело, когда это приходится проводить в жизнь, став государственным деятелем.

Фрага тем не менее провозгласил: «Реформы будут проведены в течение ближайших двух лет. Сепаратизм и терроризм, особенно в эти трудные годы, я считаю самым злейшим преступлением против Испании».

Я посчитал: более всего в газетах сейчас пишут о Фраге — премьер упоминается довольно редко, портреты его даются внизу полосы маленьким размером.

Сильная личность — Фрага? Что ж, посмотрим. Мерию силы определяет не слово, но дело. (Я прожил в Мадриде декабрь и январь, реформ так и не было, а разговоров о них хоть отбавляй. Создавалось впечатление, что «кабинет послов» намерен отделиться от насущных требований жизни одними послухами. Если это так, то, конечно же, Фраге долго не усидеть в министерском кресле. Вопрос лишь в том, кто его сменил.)

За несколько дней до встречи с людьми, близкими к правительству, я говорил с представителями оппозиции. В некоторых кругах царствует убежденность, что падение режима — это вопрос дней: на смену вот-вот придет коалиционное левое правительство.

— На чем базируется ваша убежденность? — спросил я собеседника.

— На том, что растет забастовочное движение, во-первых; на том, что все открыто говорят о необходимости реформ, во-вторых; на том, наконец, что даже среди полиции появились недовольные — я уж не говорю об армии.

— Но, погодите, год назад забастовки так же сотрясали Испанию, только об этом не писали в газетах. Год назад Фрага уже пробовал предложить реформы, только без оповещения в печати. Год назад был убран начальник генштаба Диас Аллегри — «довольных» с такого поста не убирают.

Собеседник остановился, поглядел на меня с изумлением:

— Вы не верите, что мы победим уже этой зимой?

— Так же, как и вы, я хочу демократии для Испании. Но ведь следует исходить из реальности, а не из теоретических схем и догматических умозаключений. Вопрос заключается в том, какими путями надо добиваться демократии в Испании. Вопрос в том, какова должна быть стратегия битвы за социальный прогресс. Не сбрасывайте со счетов вашего атлантического контрагента.

— Все будем решать мы, испанцы! Америка теперь ничего уже не сможет сделать.

(Смогла. Вскоре после этого разговора в Мадрид прилетел Киссинджер и подписал новое военное соглашение. Деньги, которые Белый дом даст Мадриду, могут быть обращены бесконтрольным правительством на любые цели. Борьба за стратегические интересы США в Европе заставила Белый дом пойти на открытую политическую демонстрацию поддержки режима Хуана Карлоса. Я обратил внимание, что испанцы — люди горячие, увлекательные — склонны вычленять проблемы своей страны из стратегического баланса мира. С одной стороны, в этом сказывается «груз» былого величия, престижность мировой державы, с другой — оторванность от серьезных политических знаний.)

Следует проанализировать «тактику последовательности», которую проводил Франко, — это поучительно. Постепенность определяла все его поступки в политике. Стоит пролистать подшивки испанских газет, чтобы убедиться в этом. От груза

такого рода «постепенности» в один день не избавиться.

Итак, 1940 год

13 июня немцы заняли Париж. Испанские газеты заполнили первые страницы восторженными фотографиями полков Гитлера. В шапки вынесены сообщения об аресте немцами многих испанских республиканцев, живших там в эмиграции. Некоторые видные политики были выданы Испании. Бывший председатель генералитета Луис Компанис и директор газеты «Социалист» Хулиан Сугазагортия были этапированы в Мадрид, судимы, приговорены к смерти и расстреляны.

На следующий день после падения Парижа испанские войска оккупировали международную зону Танжер: это было воспринято как начало новых испанских завоеваний.

В октябре 1940 года Гиммлер посетил Мадрид. 23 октября на испано-французской границе состоялась встреча Гитлера с Франко. Речь шла о прямом участии Испании в войне на стороне Германии. Франко осторожно начал, обещал, но ссылаясь на экономические трудности. Паек тогда составлял четверть литра масла и горсть риса в неделю. Расцвели спекуляция и контрабанда.

1941 год

США сократили поставки горючего Испании. По карточкам выдавалось так мало бензина, что все частные автомобили практически перестали курсировать.

Была создана «Голубая дивизия». Первый эшелон отправился на фронт 13 июля. Первый бой, в котором приняли участие фалангисты, состоялся 26 октября. Первый погибший — сын алькальда Мадрида.

Через несколько месяцев первый командир дивизии Муньос Грандес был отозван в Мадрид. За «выдающиеся заслуги в борьбе с коммунизмом» Гитлер наградил его «Железным крестом». (Через несколько лет Эйзенхауэр наградит его американским орденом.)

1942—1943 годы

10 октября 1942 года американцы высадились во Французском Марокко. Армия и флот Испании находились в состоянии боевой готовности. Франко заключил пакт с Салазаром: поскольку Португалия заигрывала с Англией, этот факт говорил о начале осторожного поворота в политике Мадрида.

Каждый день, кроме воскресенья, на шесть часов по всей Испании отключалось электричество. В домах использовали бензиновые и спиртовые лампы. Во время отключения электричества трамваи не работали, и это было тяжелой проблемой в крупных городах. Во многих городах были ограничения с водой, у колодезь стояли очереди. Из-за ухудшения санитарного состояния вспыхивали эпидемии, в частности затянулась эпидемия тифа, который называли «зеленая вошь». (Все это помнят в Испании, поэтому так боятся нестабильности.)

Пропагандисты Франко должны были отвлечь народ и от экономических трудностей и от политики: всякий крутой поворот в условиях фашизма страдал владык. Для того, чтобы не было неожиданностей, необходимо «завернуть гайки». И вот в Испании началась национальная кампания за поддержание «морали». На пляжах было запрещено раздеваться и загорать. Появились специальные кремы, которые придавали коже смуглый оттенок без необходимости загорать. Верхом караемой по закону фривольности считалось появление женщины на пляже без чулок. Пляжи патрулировались «полицией нравов» с дубинками. Провинившихся штрафовали. Играя в футбол, мальчишки снимали куртки и брюки, но выставляли наблюдателей, которые предупреждали о приближении «морали», то есть полицейского. В церковь нельзя было заходить в платье с короткими рукавами, и в жару женщины носили в сумочке приставные рукава.

В газетах портреты Черчилля понемногу стали теснить фотографии Гитлера. В своей речи в Аликанте Франко заявил: «Это две разные вещи — борьба против большевиков и спор на Западе между цивилизованными нациями». Через несколько дней Черчилль похвалил Испанию в палате общин: «Употребляя здесь сегодня благоприятные для Испании выражения, я хотел бы добавить, что надеюсь, что она окажет большое влияние в деле поддержания мира в Средиземноморье после войны. Внутренние политические проблемы Испании — дело самих испанцев. Нам не следует вмешиваться в эти дела».

Генеральное управление по делам печати направило в редакции газет секретный циркуляр: «Следует в различном тоне освещать события на двух фронтах — на восточном и западном, приглушая резонанс от наступлений русских коммунистов и, напротив, в полной мере подчеркивая наступательные операции англо-американцев. Следует отличать то, что есть Россия и «русское», от того, что есть международный коммунизм. Следует подчерки-

вать, что союзницей Англии и Соединенных Штатов является «Россия», а не «коммунизм».

1944—1945 годы

В эти годы строгость цензуры была невероятной. Любый человек — гражданский чиновник, военный или священник, — наделенный минимумом власти, брал на себя функции средневекового цензора. Приспособиться к их критериям было невозможно. Например, никто в Испании не мог понять, почему в течение нескольких лет было строгаише запрещено использовать слово «карнавал».

По-прежнему шла кампания за «чистоту морали». Епископ города Лас Пальмас обратился в совет министров с требованием убрать или «одеть» установленную на стадионе статую, копию «Дискобола». Заявление епископа было передано на рассмотрение правительства министром просвещения, ныне одним из руководителей демокристской оппозиции. На фотографии актрисы Анны Марискаль на обложке журнала «Триумф» цензоры велели ножницами отстричь часть бюста: он им показался слишком большим. Примерно то же самое сделали в Севилье с украшающей портал театра фигурой грации «Империя» — архитекторам было приказано «убавить» грудь. В журналах ретушеры пририсовывали майки на фотографиях пловцов и боксеров. Боксерам это было особенно обидно, поскольку в Испании лишь боксеры-любители выступали в майках.

За несколько недель до высадки союзников в Нормандии было объявлено о ликвидации «Голубой дивизии».

26 августа освобожден Париж. В передовом отряде в Париж вошел испанец — эмигрант Амадо Гранель, боец французского Сопротивления.

(Присутствие в войсках союзников многих тысяч испанцев, бывших бойцов республиканской армии, создало напряженную обстановку на границе. Ночью 3 октября 1944 года около 5 тысяч человек, вооруженных винтовками, пулеметами и ручными гранатами, проникли в Испанию через долины Ронсваль и Ронкаль и, подавив сопротивление небольших гарнизонов, заняли долину Аран. На помощь «Гвардия севиля» Франко послал войска. Маки были официально объявлены партизанами, что ставило их вне закона. К 30 октября маки отошли во Францию. Однако после первой неудачной попытки они перегруппировались на юге Франции (при благоприятном отношении де Голля) и начали предпринимать новые действия.)

19 марта 1945 года дон Хуан де Бурбон, отец нынешнего короля, выпустил манифест (который много лет не был в полном виде известен Испании). В нем, в частности, говорилось, что режим Франко, «столь противоречивый характеру и традициям нашего народа, коренным образом несовместим с условиями, которые создала в мире нынешняя война». После рассмотрения некоторых вопросов испанской политики автор манифеста обращается к Франко с предложением «признать провал его тоталитарной концепции государства и сложить с себя полномочия».

1 апреля 1945 года Франко принимает парад войск верхом (единственный раз за 35 лет) по поводу годовщины победы в гражданской войне. Был дождь, и кони следующих за Франко генералов поскользнулись на мокром асфальте. Конь Франко — нет. Это оказало впечатление на публику. (Впоследствии выяснилось, что, когда пошел дождь, Франко приказал подбить его коню резиновые подковы.)

Со смертью Гитлера газету «Информасьонес» прорвало: «Грудью встретив большевистского врага на «посту чести», Адольф Гитлер погиб, защищая Канцелярию. Громовое «Здесь!» (то есть отзыв солдата на переключке) прокатилось по Европе, ибо Адольф Гитлер, сын католической церкви, отдал жизнь делу защиты христианства. (Хм-хм! А сожженные священники?) Гитлер родился Вчера, но для вечной жизни в Истории. Над смертными останками фюрера вздымается его победоносная духовная фигура».

(Никаких комментариев в западной прессе по поводу этого славословия Гитлера не было.)

В Англии победили лейбористы, премьер-министром назначен Эттли, который симпатизировал республиканцам и посещал Испанию во время гражданской войны. 2 августа 1945 года в Потсдаме были приняты декларация, обвиняющая правительство Франко в пособничестве Гитлеру, и решение, что союзники не поддержат просьбу Испании о принятии ее в ООН.

1946 год

27 февраля Франция закрыла границу с Испанией после расстрела Кристино Гарсия и его девяти товарищей маки. Де Голль посмертно наградил Кристино Гарсия за его героизм в борьбе Сопротивления.

Черчилль в Майами выступил в поддержку Франко.

Газеты много пишут о «жестокости» судей Нюрнбергского процесса. В ООН ставится вопрос о том,

чтобы квалифицировать правительство Франко как фашистское. 9 октября в Мадриде, на площади Орьенте, собирается демонстрация (самая большая за время правления Франко) в поддержку каудильо. В ООН предложение полного разрыва отношений с Испанией не получило большинства: 20 — «за» и 20 — «против», однако прошло предложение об отзыве послов. К концу 1946 года в Испании осталось лишь два посла — Ватикана и Португалии.

1947 год

Главное событие года — гибель прославленного тореро Мануэля Родригеса («Манолете»). Он был убит выком 28 августа на корриде в Линаресе. В течение нескольких месяцев его смерть была основной темой разговоров в Испании.

Это был «Год Республики Аргентина», так как Перон помог Испании продовольствием и оказал моральную поддержку — организовал, по его словам, «маленький «план Маршалла» по-креольски».

1948 год

Открылась граница с Францией. В Испании стали отменять старые порядки: в ответ на телефонный звонок в учреждениях не отвечали, как раньше: «Вперед, Испания! Я вас слушаю». Отменили обязательные эпитафии и концовки писем: «Салют Франко, вперед, Испания!» и «За бога, Испанию и ее национал-синдикалистскую революцию!».

В Испанию вернулся Сальвадор Дали, которого встретили с энтузиазмом (в 1939 году его называли декадентом и языческим материалистом).

1949 год

Поток антисоветских статей. Восторженные комментарии о «твердости» курса США в борьбе против коммунизма.

Издана книга о Гарсии Лорке, имя которого до этого было подвержено табу. Пресса тем не менее никак на это не откликнулась: боялась, чтобы не посчитали «розовой».

1950 год

10 апреля состоялось бракосочетание дочери Франко Кармен Франко Поло с Кристианом Мартинесом Бордьо, маркизом Вильяверде. Церемония происходила в церкви дворца «Пардо», благословил молодых кардинал-примат Пла-и-Дениель. Франко был в парадной форме. Пресса осветила это событие с чувством, но до странного умеренно. Зато очень много писали о бое выком.

1951 год

Как невероятный факт, описываются первые после войны забастовки — они начались в Барселоне. Приводят слова Франко: «Забастовка — это преступление».

Все газеты со скорбью пишут о «постыдном процессе над героем Вердена — маршалом Петэном».

Новый посол США обещает экономическую помощь и заявляет, что ни одна страна, включая Испанию, не является более антикоммунистической, чем США.

1952 год

Хосе Мария де Арейльса, граф Мотрико, написал в фалангистской «Аррибе» статью «Хосе Антонио или постоянство» в защиту фаланги как «носителя и защитника национального духа». (Сейчас его позиция изменилась кардинально.)

Великий испанский виолончелист Казальс отказался сотрудничать с ЮНЕСКО в знак протеста против приема Испании в ее члены.

1953 год

В Каннах с большим успехом показан фильм «Добро пожаловать, мистер Маршалл», получивший хорошие отзывы прессы как первый испанский фильм международного класса.

Организован кинофестиваль в Сан-Себастьяне, куда съехались все кинематографисты Испании и — впервые — множество американцев.

26 сентября подписаны соглашения с США об экономической помощи, обороне против «опасности, которая угрожает западному миру», и о сотрудничестве в военной области.

...Так, медленно, постепенно, шаг за шагом, Франко поворачивал Испанию от классического национал-социализма к устойчивому, заокеанскому антикоммунизму. На коньке антикоммунизма, ставка на который была сделана им в 1936 году, он «въехал» в западный мир, заставив его забыть свой фашизм, но приуdivив постоянно помнить бескомпромиссный антисоветизм его политики.

(Преемники Франко — как А. Наварро, так и нынешний кабинет — остаются верны «альфе и омеге» каудильо: арест руководителей Коммунистической партии Испании свидетельствует об этом со всей очевидностью. Однако времена изменились: если раньше Испания молчала, то сейчас страна негодует, требуя немедленного освобождения своих верных сынов. И демократы победили — семь руководителей КПИ были освобождены под залог правительством А. Суареса.)

Окончание следует.

ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН

Андрей ЛЕВИН

РОМАН

Доках Патрик часа полтора потратил на поиски одного знакомого — грузчика. Тот работал здесь уже лет пятнадцать, знал всех и вся и нередко оказывался полезным инспектору.

У штабелей с каучуком несколько докеров о чем-то спорили между собой. Спор был в самом разгаре и обещал затянуться надолго: никто никого не слушал, все только говорили и размахивали руками.

— Эй, Султан! — крикнул Ло.

Грузчики продолжали свои бесплодные попытки завладеть вниманием друг друга.

— Султан! — громче крикнул Патрик.

Один из докеров обернулся, широко улыбнулся скуластым лицом, отделился от компании. Спорившие даже не заметили этого.

Малайцу было лет пятьдесят, но выглядел он, как это сплошь и рядом бывает на Востоке, лет на десять моложе. У него было странное и несвоевременное имя: Ван Ахмад. Кто-то сказал ему, что так звали одного из правителей Малакки в прошлом веке. Польщенный таким совпадением, Ван Ахмад говорил об этом на каждом перекрестке, пока, наконец, к нему наконец не прилипла кличка «Султан». Он не обижался и со временем так привык к прозвищу, что собственное имя стало казаться Ван Ахмаду чужим.

— Да хранит вас Аллах, туан инспектор, — сказал малаец, приближаясь к Патрику. — Как вы поживаете?

— Спасибо, Султан, хорошо. А ты?

— Аллах справедлив, — произнес Ван Ахмад, воздевая руки к небу. — Есть работа, есть здоровье. Жить можно.

— Послушай, Султан, мне нужна твоя помощь.

— Туан смеется надо мной, — ответил явно польщенный Ван Ахмад. — Туан инспектор — большой человек, Султан — маленький человек. Султан ничтожен, как рисовое зерно. Чем маленький человек может помочь большому?

— Ладно, ладно, не прикидывайся, — поморщился Ло, угощая Ван Ахмада сигаретой. — Мне нужно разыскать одного человека. Говорят, его видели здесь.

Султан отвел глаза в сторону.

— Не знаю, кого разыскивает туан инспектор. Не индонезийца ли с того судна, что потонуло недавно?

— Ты видел его?!

— Нет, туан инспектор, — спокойно ответил Ван Ахмад. — Просто почему-то подумал, что вам нужен этот индонезиец.

— Врешь, что не видел! — вскричал Ло. — Откуда ты знаешь, что я разыскиваю его?

— Султан никогда не врет, — обиделся Ван Ахмад. — Султан — честный человек.

— Хорошо, хорошо, — уже мягче сказал Ло. — Выкладывай, что тебе известно.

Ван Ахмад с удовольствием поскреб бок через рубашку.

— «Тумасик» — то утонул, все знают. А индонезийца спрашивали. Султан — человек маленький, и мозги у него маленькие, как у рыбы. Но он понимает: когда люди спрашивают, знают, зачем спрашивают. Не будут просто так спрашивать человека, если он и вправду утонул.

— Кто спрашивал его?

— Приходили двое. Сначала все молча по докам бродили, высматривали. Я их сразу приметил: чужие. А что чужим в доках ходить? Если по делу, так сразу видно. А они ходили, высматривали. Потом спросили.

— У тебя?

— У Пуна. Мне любопытно стало. Я к нему подхожу позже, чего, спрашиваю, тем двоим нужно-то было? А он отвечает, индонезийца какого-то ищут, вроде бы с «Тумасика». Сказали, что из полиции. Ну, я и смекнул: полиция-то знает, что «Тумасик» потонул, чего ей Сунгая искать? Нет, думаю, вы не из полиции...

Продолжение. Начало в №№ 21—24, 1976 г., и №№ 1—2, 1977 г.

— Давно приходили?

— С неделю. И позавчера я их видел. Потому и понял, что, может, туан инспектор Сунгая разыскивает. Тут что-то не так...

— Ты сам-то знал этого индонезийца?

— Сунгая-то? Немного. Ночевал он здесь иногда. А бывало, и подрабатывал. За пятнадцать-то лет кого только не узнаешь!

— Что он из себя представляет?

— Тихий такой. Слова не вытянешь. Забитый вроде. Бездетный он был. Вот и ночевал здесь. Ни дома, ни семьи...

— Говорят, пил?

Малаец присвистнул.

— Ой-ой, туан инспектор, бывало, так налижется — думаешь: поднеси ему спичку ко рту — взорвется! Счастье его, что веры не нашей. Уж Магомет покарал бы...

И непьющий, как истинные мусульмане, Ван Ахмад зажмурился так испуганно, словно Аллах уже карал Сунгая за пьянство, а он, Ван Ахмад, случайно оказался рядом.

— А с «Тумасика» его не увольняли? — спросил Ло.

— Чего не знаю, говорить не буду. Султан всегда правду...

— И где найти его, тоже не знаешь? — перебил Ван Ахмад Патрик.

— Аллах свидетель, туан инспектор! Разве Султан когда-нибудь вас обманывал? Султан — честный человек.

— А если поискать?

Ван Ахмад прищелкнул языком.

— Доки-то большие. Он то в одном месте ночевал, то в другом. А сейчас, небось, сидит тихо, как мышка. Знает, что его ищут... А где сидит — одному Аллаху известно. Поискать — почему же не поискать? Да работать кто будет? Хозяин просто так платить не станет. Жену кормить надо. Детей кормить надо...

Ло вытащил из кармана двадцать долларов. Ван Ахмад с жадностью уставился на деньги. За такую сумму ему пришлось бы несколько дней таскать мешки.

— Походи, понюхай, — сказал Патрик. — Чуть что — звони. Телефон знаешь. Найдешь — получишь еще.

Султан двумя руками взял деньги и начал кланяться.

— Я всегда говорил: туан инспектор — добрый человек, — забормотал он. — Султан — маленький человек, но он всегда готов помочь туану инспектору. Почему не помочь хорошему человеку? Аллах вас вознаградит, туан!

— Все, — сказал Патрик. — И не забудь сразу же позвонить. Понял?

— Как можно забыть, туан инспектор. Султан всегда все помнит. Туан инспектор — хороший человек, значит, Султан всегда готов помочь туану инспектору.

Малаец попятился, скороговоркой бормоча слова благодарности. Ло повернулся и медленно пошел к выходу.

3

Аланг появился в офисе только во второй половине дня.

— Ну как вчера были сатэ на Сентозе? — поинтересовался он, заглянув в кабинет к инспектору.

— Вероятно, как всегда, прекрасные, — не поддержав шуточного тона шефа, ответил Патрик.

— О, я вижу, вы чем-то озабочены. Уж не Джунли — причина вашего плохого настроения? Эта девица с норовом. Не удивлюсь, если она чем-нибудь вас обидела, — продолжал шутить Аланг.

— Не успела. Я задержался в доках и не попал на Сентозу.

Стоявший до сих пор в дверях Аланг прошел в кабинет, сел в кресло и приготовился слушать. Инспектор рассказал ему о своей встрече с индусом,

о разговорах с малайцем в порту и Ван Ахмадом в доках. Глава «Си-Ай-Ю» начал молча пощипывать нижнюю губу.

— Сейчас главное — найти индонезийца раньше, чем они, — закончил свой короткий рассказ Ло.

— Справедливо замечено. — Аланг оперся подбородком на руки. — И вы полагаете, что, сидя здесь, сможете опередить их?

— Теон, прочесывать доки бесполезно. Если «Анг Сун Тонг» ищет Сунгая уже неделю и не может найти...

— Ну, против такого аргумента мне нечего возражать, — развел руками Аланг и снова подложил их под свой узкий подбородок.

— Серьезно, Теон. Ван Ахмад справится с этим делом лучше, чем два десятка полицейских.

— Что ж, дай бог. Но ведь звонка «его высочества» можно ждать очень долго. Не упустим ли мы время? Раз «Анг Сун Тонг» тоже ищет механика, мы рискуем оказаться на втором месте.

— Давайте подождем один день.

— Давайте, — согласился Аланг.

Султан позвонил к концу дня. В трубке раздался хрипловатый голос:

— Туан инспектор, это я, Ван Ахмад.

Малаец, очевидно, испытывал глубокое уважение к сложным для своего восприятия явлениям и предметам. А поскольку телефон в его глазах явно выглядел таковым, Ван Ахмад счел неуместным произносить в трубку свою кличку.

— Туан инспектор, приезжайте скорей. Я его разыскал.

— Сейчас буду, — ответил Ло. — Жди меня там, где мы разговаривали вчера.

— Хорошо, туан инспектор, я буду ждать.

Ло положил трубку, взял со стола сигареты и вышел из кабинета. По пути он заскочил к Алангу.

— Теон, звонил Султан. Кажется, он нашел индонезийца. Я еду в доки. А оттуда прямо в Четтиар — расколота кокосовый орех для старшего сына Шивы! И вообще я начинаю питать уважение к Субраманье.

— Сначала зацепите вашего механика, — не отрываясь от бумажки, произнес Аланг. Кончик писать, он поднял голову. — Может быть, вам взять одного-двух человек с собой? Мало ли что...

— Не стоит, Теон, — отказался Ло. — Зачем привлекать лишнее внимание?

— Ну, ладно, желаю удачи.

Инспектор молча кивнул и помчался вниз. Машина уже стояла у подъезда.

Через пятнадцать минут Ло был в доках. Ван Ахмад сидел на корточках в условленном месте. Увидев инспектора, он поднялся и засеменил навстречу.

— Я знаю, где он, — залопотал малаец вполголоса, хотя кругом никого не было. — Как только вы ушли, я сразу пошел искать его. Вчера весь день ходил, сегодня с утра — не могу найти, и все тут. Аллах его знает, думаю, где он прячется... А к обеду пошел на старые склады. Там всегда пусто. Редко люди заходят...

— Пошли, — перебил его Патрик.

— Сюда, туан инспектор. — Ван Ахмад показал в узкий проход между штабелями каучука.

— Ну вот, — продолжал он, обгоняя Ло, — пошел я к складам — там пустых ящиков мно-ого валяется. Дай, думаю, посмотрю. Иду потихоньку и вдруг слышу, кто-то тихо так зовет: «Сунгай, Сунгай». Ну, он отозвался. А потом они на своем языке заговорили. Я чуть-чуть по-ихнему разбираю — моряки научили. Но все равно трудно разобрать было. Понял только, вроде бы про пароход говорили. Уж это-то слово я хорошо знаю, сколько раз слышал. И цифру разобрал: семь. Они чего-то еще болтали. Только я слушать не стал, сразу побежал вам звонить. А эти-то, что Сунгая ищут, чего им нужно от него, а, туан инспектор?

Ло не ответил. — Значит, Сунгай собирается бежать на каком-то судне, — подумал он. — Вовремя его Сул-

Рисунок Олега БЕЗУХОВА

тан разыскал. Судя по всему, механик кое-что знает...»

— Далеко еще? — спросил он малайца.

— Немного осталось, туан инспектор, — ответил тот. — Во-он за теми ящиками...

На порт медленно наполнили сумерки, и кое-где уже вспыхивали дрожащие синеватые огни неоновых фонарей.

— Здесь, — остановившись, прошептал Ван Ахмад.

Кивком головы он указал в сторону двух разбитых ржавых грузовиков. Ло подошел к одному из них, заглянул в кабину. Внутри было пусто.

— Нет, нет, туан инспектор. За грузовиками, между ящиками. Оттуда он с ним говорил.

Патрик обогнул машины. Там тоже никого не было. Он обернулся и вопросительно посмотрел на Ван Ахмада. Тот подошел и стал удивленно озираться.

— Клянусь Аллахом, на этом самом месте они разговаривали, — забубнил он. — Может, ушел куда? Или в другое место спрятался? Час назад здесь был. Кля...

Султан осекся и начал жалобно подвывать.

— Ты чего? — удивился Ло.

— А-ы-а, — продолжал тупо мычать Ван Ахмад, указывая пальцем через плечо инспектора.

Лицо его искривилось, нижняя губа отвисла, зрачкам сделалось тесно в узких глазах. Ван Ахмад стал медленно приседать, не опуская вытянутой вперед руки.

Ло резко повернулся назад. Перед ним стоял ящик метра в два высотой, забитый со всех сторон. Только одна широкая доска была отодвинута влево. Вероятно, то, что находилось в ящике, давно уже вытащили через эту дыру.

В глубине, у задней стенки, сидел человек, весь залитый кровью. Волос на голове у него не было — его оскальпировали. Патрика передернуло от ужасного зрелища.

«Опоздал», — мелькнуло в голове.

Он посмотрел на Ван Ахмада. Тот весь трясся, зубы его стучали.

— Иди взгляни поближе, — приказал Ло, — это он?

Собственно говоря, не могло быть никакого сомнения в том, что в ящике находится тело механика с «Тумасика». Инспектором просто руководила профессиональная привычка.

Султан испуганно замотал головой.

— Я н-не м-могу, ту-ан инсп-ектор. Я боюсь.

— Ну! — прикрикнул Патрик.

Ван Ахмад поднялся с земли, подошел к ящику,

заглянул в него и тут же отпрянул в сторону. Потом сел на корточки и закрыл лицо руками.

— Он?

Голова Ван Ахмада несколько раз качнулась.

— Та-татуировка... У Сунгая бы-была такая, — выдал из себя малаец с каким-то прихлебом.

«Опоздал! — снова подумал Ло. — Единственного свидетеля убрали. Теперь все. Что ж, сам виноват. Не нужно было надеяться только на Султана. Оставил бы одного-двух человек в порту, все могло быть иначе».

Он подошел к Ван Ахмаду.

— Иди и нигде ничего не болтай. Я сам вызову полицию. Понадобиться — разыщу. Деньги, что я обещал, получишь.

Малаец словно ждал этих слов. Он вскочил на ноги и, бессвязно причитая, бросился прочь, даже не спросив, когда и где он сможет получить причитающиеся ему деньги.

Вдалеке забасил гудок уходящего из порта парохода. Сначала отрывисто, потом протяжно. «Пароход... семья...» — вспомнил Патрик слова Ван Ахмада. Он посмотрел на часы. Было две минуты восьмого. Ло ринулся в проход между ящиками.

Инспектор был хорошо тренирован и бежал лег-

ко. Минут через пять он был уже около своей машины.

— Гони в порт,— отрывисто приказал он шоферу, падая на переднее сиденье.— Въезжай прямо на территорию. У ворот не останавливайся, потом все объясним. Административное здание знаешь? Желтое, у четвертого причала?

Водитель кивнул. «Мазда» разогналась и, не снижая скорости, проскочила мимо охранявшего ворота в порт полицейского. Пронзительно заверещал свисток. Машина заскрежетала тормозами у административного здания, и Патрик пулей бросился туда.

— Кто отходит?— спросил он, ворвавшись в помещение пограничной службы.

— Индонезиец,— удивленно ответил офицер с зелеными погонами капитана.— А вы кто?

Ло предъявил удостоверение.

— Мне нужно срочно попасть на судно.

— К сожалению, ничем не могу помочь. Все формальности уже закончены. Катер с пограничниками и таможенниками возвратился. Я не имею права задерживать судно.

— Мне нужно на судно!— упрямо повторил Ло.— Я все беру на себя. Дайте мне катер.

Офицер пожал плечами.

— Попробую. Но индонезиец может заявить протест. Кто заплатит за задержку судна?

— Я буду там не больше получаса. Из-за этого никто не станет устраивать скандала.

— Вы не знаете этих людей. Они за каждую лишнюю минуту требуют деньги.

— Я уже сказал, что все беру на себя!

Офицер вышел из-за стола.

— Пойдемте.

У причала стоял небольшой катер. Рядом разговаривали два пограничника и таможенник.

— Возвращайтесь на судно,— сказал офицер, подойдя к ним.— Этот господин поедет с вами. Он из «Си-Ай-Ю».

— Капитан, мы не имеем права...— начал один из пограничников.

— За все последствия будет отвечать он,— перебил его офицер, кивнув головой в сторону Патрика.— К тому же индонезиец еще не покинул акваторию порта.

— Знаем мы эту ответственность,— проворчал другой пограничник.— Он пришел и ушел, а расхлебывать все равно придется нам.

Пограничник шагнул к краю причала и, не глядя на инспектора, буркнул:

— Садитесь.

Ло легко соскочил вниз. Затархтел мотор. Катер отвалил от причала и стал быстро набирать скорость, оставляя позади белые дорожки бурунов. Когда они подошли к индонезийцу метров на пятьдесят, матрос просигналил на судно: «Неотложное дело. Вынужден еще раз подняться на борт». На обшарпанном сухогрузе замелькали флажки.

«Вы задерживаете судно. Я заявляю протест»,— перевел матрос.

Катер подошел к левому борту. Сверху сбросили трап. Один из пограничников влез за него, натянул. Ло стал карабкаться наверх. Несмотря на свою природную ловкость, Патрик поднимался с трудом. Трап все время уходил из-под ног вперед. Над головой инспектора зазвучали смехи. Чертыхаясь, Ло перелез через перила и увидел недовольное лицо капитана.

— Что случается?— с далеко не оксфордским произношением спросил тот по-английски.

Ло, подбирая самые простые слова, начал втолковывать капитану, кто он и зачем поднялся на борт.

— Преступники есть на мой корабль?— расхохотался капитан и вынул трубку изо рта.

Потом он вставил трубку обратно и вместе с дымом зло выдохнул:

— Чувь!

— Нет, капитан,— миролюбиво сказал Патрик,— на вашем судне нет преступников. Но я надеюсь, что кто-то из ваших людей поможет мне найти их. Преступники остались там, на берегу... Понимаете?

Капитан переварил сказанное Патриком, потом визгливо закричал:

— Я нет время! Вы брать мое время! Почему я вам помогать ловить ваш преступник?! Я писать протест! Мой торговый судно! Мой человек не пойти на берег!

— Послушайте, капитан,— начал уговаривать его инспектор.— Мы ведем борьбу против «триад». Вы же знаете о них. «Триады» мешают судоходству, торговле. Мешают таким честным морякам, как вы. Мы действуем и в ваших интересах. Мне не нужно, чтобы ваши люди сходили на берег. Мы поговорим здесь, и это займет не больше пятнадцати минут...

Ло говорил медленно, повторяя каждую фразу. Лицо индонезийца несколько смягчилось.

— О, «триада»,— презрительно проговорил он.— Да, да, я знаю.— Затем с отвращением добавил:— Паршивый собаки. Они ограбить мой судно прошлый год.

Капитан посмотрел на часы, несколько секунд подумал, прикидывая что-то.

— О'кей. Я помогать вам. Если это не брать много время. Что вы хотеть спросить мой люди?

— Благодарю вас, капитан,— улыбнулся Ло.— Это не займет много времени, уверяю вас... Кто-то из ваших людей намеревался взять на судно своего земляка.

— Что есть «земляк»?

— Ну, соотечественник, тоже индонезиец.

— Это есть преступник?!— закричал капитан, побарбосев.— Кто позволять брать преступник на борт?! Кто осмелиться?! Я вышвыривать его с судна!

Инспектору с трудом удалось успокоить рассвирепевшего капитана.

— Он не преступник,— сказал Патрик.— Наоборот, ваши люди хотели спасти его от убийц. К сожалению, это не удалось. Его уже нет в живых.

— Тогда... я ничего не понимал. Что вы хотели?— удивленно спросил индонезиец.

— Я думаю, что тот парень— убитый, понимаете?— мог что-нибудь рассказать вашим людям о преступниках.

— О'кей. Вы знаете, кто мой человек?

— Нет,— ответил Ло,— но я думаю, если спросить, он не будет скрывать, что хотел помочь.

Патрик поймал себя на мысли, что начал говорить так же безграмотно, как капитан, подсознательно рассчитывая, что индонезиец лучше поймет его.

— Если вы, конечно, не пообещаете списать его с судна посреди Яванского моря,— добавил Ло, усмехнувшись.

— О'кей,— произнес капитан, не поняв шутки.

Он что-то сказал по-индонезийски стоявшему рядом с ним человеку, вероятно, одному из помощников, затем повернулся к инспектору:

— Мы идем моя каюта. Есть холодное пиво. Мы будем знать десять минут.

Индонезиец уже не казался Патрику таким свирепым, как вначале. Угощая инспектора пивом, он рассказывал какую-то историю и при этом после каждой фразы добродушно гоготал. Ло с удовольствием посмеялся бы вместе с хозяином, если бы понимал, что тот говорит. Но Патрик особенно не вслушивался в бессодержательную болтовню капитана, сосредоточенно думая, даст ли что-нибудь его визит на судно.

Вскоре в каюте появился парень лет двадцати пяти в выцветшей матросской робе. Он остановился у входа и испуганно уставился на капитана. Тот прострекотал несколько слов на своем языке, и матрос перевел взгляд на инспектора.

— Он понимает по-английски?— осведомился Ло у капитана.

Хозяин каюты презрительно оттопырил нижнюю губу и протяжно фыркнул.

— Хорошо,— слегка улыбнулся Патрик.— тогда спросите у него, пожалуйста, как зовут человека, которого он хотел взять на судно.

Капитан перевел.

— Сунгай,— тихо ответил матрос, шепелявя и преданно глядя на инспектора.

Он, очевидно, понял, что если бы не присутствие в каюте незнакомца, не миновать бы ему хорошей взбучки.

— Ты давно его знаешь?— спросил Ло, глядя на матроса.

Парень выслушал перевод и отрицательно помотал головой. Потом он быстро-быстро затараторил. Минут через пять он закончил свой монолог, ежесекундно прерывавшийся репликами капитана. Судя по выражению лица последнего, тот с трудом ухватывал нить нехитрого повествования, очевидно, в силу сомнительных способностей своего подчиненного к связной речи. Затем капитан попытался изложить суть услышанного, а точнее, понятого, Патрику. Теперь настала очередь инспектора напрячь свое внимание.

То, что произошло на «Тумасике», было настолько неожиданным и невероятным, что Ло сначала усомнился: не ошибся ли матрос, не напутал ли чего-нибудь? Ло попросил капитана еще раз уточнить, правильно ли понял матрос Сунгай. Парень в робе так убедительно закивал головой, что-то при этом лопоча, что Патрику не понадобилось перевода.

Он поднялся и, поблагодарив капитана, вышел из каюты.

4

«Боинг-707» сверлил серую толщу облаков, набирая высоту. Патрик откинул спинку своего кресла и сидел с закрытыми глазами, ожидая, когда кончится подъем. Он не любил летать, потому что не выносил специфического запаха в самолетных салонах. Этот запах въедался в одежду, в чемоданы и преследовал Патрика еще день-два после перелета.

Наконец, самолет выбрался из серого облачного плена в лазурную пустоту, и еще минут через десять световые табло над дверями и иллюминаторами погасли. Ло тут же схватился за сигареты: это

двадцатиминутный перерыв в курении действовал на него угнетающе.

С удовольствием затянувшись, инспектор начал задумчиво крутить пачку в руках и неожиданно вспомнил, что такими же сигаретами были усыплены полицейские на Блаканг-Мати. Глядя на вишневою картонную коробку «Данхилла», Патрик думал о том, какой трудной была для него прошедшая неделя.

Даже выдавший виды Аланг был поражен, когда Патрик рассказал ему, что он узнал на индонезийском судне. По словам матроса, Сунгай смертельно боялся кого-то и прятался в доках. Случайно увидев своего соотечественника, он попросил помочь ему уехать из Сингапура как можно быстрее. Они встречались несколько раз, и механик рассказал своему новому знакомому, что произошло на «Тумасике»...

...Когда к судну подошли моторные сампаны пиратов, Сунгай не особенно испугался, потому что брать у него было нечего. К тому же он знал, что пираты обычно грабят пассажиров и сматываются. Но на всякий случай он спрятался на корме под брезентом. А потом механик услышал такое, что у него онемели руки. У брезента остановились двое. Один из них тихим голосом приказал утопить всех, но так, чтобы не осталось никаких следов насилия, а судно пустить на рифы, предварительно дав сигнал бедствия. На счастье Сунгай, уже стемнело, и, как только те двое отошли, он перемахнул через борт и бесшумно скользнул в море. Примерно час спустя его подобрала рыбацкая шхуна. Добравшись до Сингапура, Сунгай собрался пойти в полицию, но в доках встретил одного из тех, кто напал на «Тумасик». Оказывается, тот работал в береговой полиции. Теперь уже и речи не могло быть о том, чтобы заявлять о нападении. Насмерть перепуганный механик спрятался в доках, где отсиживался дней десять. Потом он встретил своего соотечественника и решил уехать в Индонезию. Но не успел...

Как дальше действовать в сложившейся ситуации, Ло не знал. Не знал этого и Аланг. Обе загадки— подмена трупа на Блаканг-Мати и инсценировка кораблекрушения— имели полную перспективу отправиться в архив неразгаданными.

Единственное, что смогло подметить Аланг и Ло,— схожесть ситуаций на Блаканг-Мати и «Тумасике». В обоих случаях могущественная и обычно действовавшая нагло «Анг Сун Тонг» проявила несвойственную ей сверхосторожность.

На следующий день после того, как инспектору стало известно об имитации катастрофы, он вызвал Белого Бумажного Веера на допрос. Тот, как всегда, держался вызывающе. Но когда Патрик завел разговор о «Тумасике», тень сильного беспокойства промелькнула в глазах Белого Бумажного Веера. Правда, он моментально взял себя в руки, но от инспектора не ускользнула первоначальная реакция гангстера. В течение нескольких дней после этого инспектор наблюдал за его поведением в камере: Белый Бумажный Веер продолжал нервничать.

Зная, что он прекрасно владеет своими эмоциями, Ло понял: есть в стене тайны «Тумасика» какая-то потайная незапертая дверь, в которую можно войти. «Анг Сун Тонг», очевидно, не сумела ее закрыть, но и не охраняла, рассчитывая, что «Си-Ай-Ю» не набредет на нее.

Патрик занялся поисками этой потайной двери. Целыми днями он ходил бледный, невыспавшийся и злой. Он перестал встречаться с Джун, и воскресная размовка между ними превратилась в серьезную ссору.

Инспектор перелопатил папку с документами по расследованию причин «кораблекрушения» «Тумасика», несколько раз разговаривал с водолазами, собрал в районных полицейских участках сведения о команде и пассажирах «Тумасика». Он поставил перед собой единственную цель: найти любую, пусть даже мелкую, но подозрительную деталь, любой незначительный, но странный факт. Однако все было напрасно.

К концу недели Ло пришел к Алангу.

— Теон, я хочу съездить в Бангкок,— сказал он.

— Зачем?— любопытствовал Аланг.

— Попытаться проследить путь «Тумасика» с самого начала. Поговорить с таможенниками, пограничниками. Со всеми, кто имел дело с «Тумасиком» во время его стоянки там.

— А почему вы предполагаете, что в Бангкоке сможете получить какую-то информацию?

— Я не уверен в этом. Но посудите сами: здесь мне не за что уцепиться. А если с «Тумасиком» они сработали чисто, почему нервничает Белый Бумажный Веер?

— Логично,— согласился Аланг,— попытайтесь. Когда вы намерены вылететь в Бангкок?

— Завтра.

— Что ж, желаю успеха.

Ло дал телеграмму своему знакомому из криминальной полиции Таиланда инспектору Накону. Они знали друг друга давно: несколько раз им приходилось вместе заниматься контрабандистами, которые

переправляли опиум из Золотого треугольника* через Таиланд и Сингапур на Запад.

Утром перед отлетом Патрик позвонил Джун. Но разговора не получилось. Джун сухо ответила, что не сможет проводить его на аэродром: у нее тоже «обстоятельства». Она явно не могла простить Патрику то, что он не поехал с ней на Сентозу.

...Размышляя, Ло не заметил, как прошли полтора часа полета. Когда самолет замер на взлетно-посадочной полосе, инспектор сразу же увидел Накона. Тот стоял в белом сафари, небрежно облокотился на дверцу желтого «воксхолла», и Ло невольно залюбовался приятным сочетанием тонов.

— Обойдемся без формальностей, — сказал Након, широко улыбаясь и пожимая руку Патрику. — Надеюсь, ты не везешь с собой наркотиков?

— Я знал, куда еду, — ответил Ло, — ведь вы наверняка не ощущаете в них недостатка.

— Насчет этого будь спокоен. После революции в Лаосе из Золотого треугольника остался один путь. И теперь забот у нас прибавилось вдвое. Говоря откровенно, я им немного завидую. По ту сторону Меконга борьба с контрабандой налажена гораздо лучше. Ну, давай паспорт. Пока мы освежимся пивом, его проштампуют.

Након взял паспорт инспектора и протянул его пограничнику, стоявшему у трапа.

— Мы будем в баре, — сказал он.

— Хорошо, — кивнул тот, — через пятнадцать минут все будет сделано.

Након усадил Патрика в машину и сам сел за руль.

— Я вижу, ты тут свой человек.

— Приходится часто бывать на аэродроме. Я же говорил, что работы у нас прибавилось. Особенно много хлопот с американскими военнослужащими. Уезжая в Штаты, они не могут не поддаваться искушению заработать на перевозке наркотиков. Месяца четыре назад у одного летчика-офицера мы нашли пятьдесят килограммов героина.

— Ого! И как же он собирался его провезти!

— В мебели, которую вывозил отсюда. Всего на двадцать один миллион долларов! Как тебе это нравится? А недавно, когда проверяли багаж другого американца, таможенники обратили внимание, что сувенирный деревянный слон, лежавший у него в чемодане, слишком тяжел. Выяснилось, что он тяжелее обычного сувенира ровно на два килограмма марихуаны.

— Так ты что, занимаешься сейчас исключительно контрабандой наркотиков? — спросил Ло.

— Нет, этим занимается наша «триада», — смеясь, ответил Након. — А я выступаю в качестве оппонента.

— Ну и как, успешно?

— А у тебя? — ответил вопросом на вопрос Након, останавливая машину у служебного входа.

Ло вздохнул и махнул рукой.

— Тогда чего же ты спрашиваешь у меня? У вас-то все государство — один островок. А здесь ищи их по всем городам.

Они поднялись в бар.

— Какое пиво ты предпочитаешь?

— Мне все равно, — сказал Патрик.

— Два «Туборга», — бросил Након бармену.

Тот засуетился у холодильника.

— Что привело тебя в Бангкок? — поинтересовался Након у Патрика, когда они сели на диван у низкого квадратного столика.

— Хочу ухватиться за веревочку, которая вывела бы меня к «моей» «триаде», — ответил Патрик.

— Вот как? Любопытно.

Ло засмеялся.

Бармен принес две запотевшие железные банки и два высоких стакана. Поставив стаканы на столик, он рванул одно за другим маленькие кольца на крышках банок. Раздалось два сухих щелчка, и над появившимися дырками поплыл легкий дымок.

— Почему ты смеешься? — спросил Након, отхлебывая холодное пиво.

— Это любимые слова моего шефа.

— Но это действительно любопытно. С чего ты собираешься начать?

— С порта.

Патрик в нескольких словах рассказал про «Тумасик», про последний допрос Белого Бумажного Веера, про свои безуспешные месячные поиски.

— Занятная история, — согласился Након. — И ты думаешь, что здесь удастся за что-то ухватиться?

— Не знаю, — откровенно сознался Ло.

Након сочувственно покачал головой.

— Скажи, Патрик, а как там дела с Блаканг-Мати? Наши газеты столько писали об этом могильнике. Удастся ли выяснить, чьи это рук дело?

— «Анг Сун Тонг».

— Я так и думал... Ты знаешь, порой мне кажется, что мы занимаемся бессмысленным делом: пытаемся вычерпать воду из колодца. А ее не убавляется, сколько ни старайся.

* Район между Таиландом, Лаосом и Бирмой, где местные жители выращивают опиумный мак и продают его контрабандистам.

— Откуда такой пессимизм, Након? — улыбнулся Патрик.

— Это не пессимизм. Это трезвый взгляд на вещи. Сколько времени существуют тайные общества? Сколько времени против них ведется борьба? А результат? Ноль.

— Ты неправ, Након. Посчитай, сколько гангстеров ты посадил за решетку за время твоей работы в криминальной полиции...

— Гангстеров, говоришь? — Након скривил губы. — А я уже не знаю, кто хуже. Профессиональные убийцы или те сосунки, которые осенью устраивали погромы по всему городу?

— Ты имеешь в виду то, что происходило у вас после переворота? — уточнил Патрик.

— Да. Не знаю, как в других городах, но в Бангкоке творилось что-то дикое. Несчастных студентов вешали, сжигали, линчевали. На моих глазах буквально растерзали какого-то молодого парня, а останки таскали по улицам. Потом повесили на дереве и стали бить по голове стулом — первым, что подвернулось под руку. Я много повидал за свою жизнь, но такого... — Након покачал головой. — Я далек от того, чтобы сочувствовать левым. Но нельзя так звереть... Вот и посуди сам: можно ли успешно бороться с «триадами», если насилие не только не возбраняется, но, наоборот...

— Тебя не пугают твои взгляды? — осведомился Ло.

Након дернул щекой.

— Ты первый, с кем я так откровенен. Своим коллегам я, разумеется, не рискнул бы говорить такие вещи. Не те у нас теперь времена.

— И все же мы приносим какую-то пользу, — снова вернулся к началу разговора Патрик.

— Конечно, — вяло согласился Након, — если бы не мы, было бы еще хуже. Но в целом проблему...

— Э-э, — засмеялся Ло, — пусть об этом думает правительство. У меня своих забот хватает.

В бар вошел пограничник и, поислав глазами Накона, приблизился к столику.

— Все в порядке, инспектор.

Након поблагодарил его, расплатился с барменом и вместе с Патриком вышел на улицу.

— Ты не обращай внимания на мои слова, — сказал он, поворачивая ключ зажигания. — Просто я устал в последнее время: работы много.

— Я понимаю, — отозвался Ло.

— Долго собираешься пробыть в Бангкоке? — поинтересовался Након.

— Все будет зависеть от того, как скоро я выясню, что мне здесь нечего делать.

— Вот видишь, ты тоже трезво смотришь на вещи. Только не хочешь в этом себе признаться.

— Куда ты меня устроишь?

— В «Ферст». Не возражаешь? Там есть бассейн и кафетерий с русским названием «Собрание».

— Что это означает?

— Что-то вроде конференции или ассамблеи в небольших масштабах. Там продаются сигареты с таким же названием. По вечерам ты тоже будешь занят?

Патрик пожал плечами.

— Во всяком случае, сегодня ты ужинаешь у меня. Я думаю, что до вечера ты не успеешь выйти на «триаду».

— Договорились.

— Ну, а остальные вечера — как хочешь. Сам знаешь: развлечений здесь больше чем достаточно. В отличие от Сингапура у нас более свободные нравы.

— Я не любитель развлечений.

— В таком случае я предложу тебе самое невинное из них: отъезду на «Тимлэнд».

— А это что такое?

— Таиланд в миниатюре. За каких-нибудь пару часов увидишь тайский бокс, слонов на работе, бой петухов, кормление змей и классические танцы. Хочешь?

— Не очень.

— Ну, как знаешь.

Машина остановилась у девятиэтажного здания цвета морской волны с белыми бетонными перемычками на фасаде.

— Приехали, — сказал Након.

Они вошли в холл отеля. Ло заполнил карточку, обменял доллары на баты*. Потом он взял ключ от номера, и они с Наконем направились в «Собрание» выпить по чашечке кофе.

— Я тебя сейчас покину, — сказал Након. — Сам понимаешь: дела. Ты сегодня же, естественно, отправься в порт?

— Да.

— Минут через тридцать я пришлю тебе машину и одного из своих людей. Они будут в твоём распоряжении весь день. С моим человеком тебе будет легче. В порту не все говорят по-английски, так что он заодно

* Денежная единица в Таиланде. Один доллар равен 20 батам.

будет и переводчиком. А вечером шофер привезет тебя ко мне домой. Идет?

— Спасибо, — ответил Ло.

Они допили кофе и распрощались.

5

Патрик позвонил Накону через три дня.

— Ну, как твои дела? — поинтересовался тот. — Удалось что-нибудь выяснить?

— Пока нет. Слушай, Након, у вас в управлении есть человек по имени Прадерм?

— Да. Он работает в моем отделе. А что?

— Я хотел бы его увидеть.

— Пожалуйста. Ты хочешь приехать прямо сейчас?

— Да.

— Хорошо. Я жду.

Ло вышел из отеля и сел в «воксхолл». Через пятнадцать минут он уже открывал дверь в кабинет Накона.

— Привет. Садись.

Након нажал кнопку селектора.

— Да, — послышался голос.

— Прадерм, зайди ко мне.

Не прошло и нескольких секунд, как в кабинете появился приземистый таец с коротко подстриженными волосами.

— Инспектор Ло из сингапурской «Криминал интеллидженс юнит» — младший инспектор Прадерм, — познакомил их Након.

Они обменялись приветствиями и сели. Ло перешел прямо к делу.

— Господин Прадерм, — сказал он, — у меня к вам один вопрос: в какой связи вы интересовались «Тумасиком» недели три назад?

— Прадерм, отвечай честно, — смеясь, сказал Након, — у инспектора Ло железная хватка, и он тебя все равно раскрутит. Видишь, как он быстро вышел на тебя? Говори: ты член «триады»?

— Подожди, Након, — остановил его Патрик и, обращаясь к Прадерму, пояснил: — Я занимаюсь «Тумасиком» потому, что, по нашим сведениям, кораблекрушение было имитировано. Вы, вероятно, слышали, что судно затонуло?

— Да, — кивнул Прадерм, — в газетах писали. А «Тумасиком» я интересовался вот почему. Три недели назад мне в руки попало дело об убийстве. Вы знаете, уголовная полиция всегда подсовывает нам дела, в которых не в силах разобраться сама...

— Знакомое дело, — усмехнулся Патрик.

— Убийство было действительно необычное. Но не в этом дело. Я начал разыскивать родственников убитой. И узнал, что ее дочь незадолго до того уехала в Сингапур. Она вышла замуж, а муж ее был вашим соотечественником.

— Почему был? — спросил Ло.

— Они уехали в Сингапур на «Тумасике». Это я выяснил уже в судовой компании.

— Вот оно что, — задумчиво протянул Ло и вытащил из пачки сигарету. — Странно...

— Что именно? — поинтересовался Након.

— На судне находилась молодая женщина. Но, по данным компании, она занимала каюту одна. — Ло повернулся к Прадерму: — Это точно, что она села на «Тумасик» вместе с мужем?

— Так мне сказала сестра убитой, когда я ее разыскал.

— А почему вы сказали, что убийство было необычное? — спросил Патрик.

— Жертвой оказалась помешанная, полуслепая женщина. Это во-первых. Во-вторых, убийцы ничего не тронули в ее доме. Просто пришли, убили и исчезли. Я не смог обнаружить никаких причин убийства.

— Ну, что скажешь? — поинтересовался Након у Патрика. — Если сложить ваши информации, то есть над чем подумать. Молодые люди не афишируют свои отношения, занимая отдельные каюты, а ненормальную и незрячую мамашу ни с того ни с сего через некоторое время убивают.

— Причем она помешалась через день после отъезда дочери, — вставил Прадерм.

— Вот видишь, — сказал Након, подняв вверх указательный палец, — сколько загадочных обстоятельств. Это, кажется, то, что ты искал.

— Пока трудно сказать, то ли, — ответил Ло. — Но покопаться стоит.

— Брось изображать из себя невозмутимого детектива. Я же вижу, как у тебя загорелись глаза. Прадерм, папка с материалами по этому делу у тебя?

— Нет. Я ее уже сдал. Сейчас распоряжусь, чтобы принесли.

Он связался по селектору с отделом хранения документов.

— Говорит младший инспектор Прадерм. Мне нужны материалы расследования по делу об убийстве некоей Лей Чжи. Что? Кажется, номер двести девяносто. Спасибо. Я в кабинете инспектора Накона.

Продолжение следует.

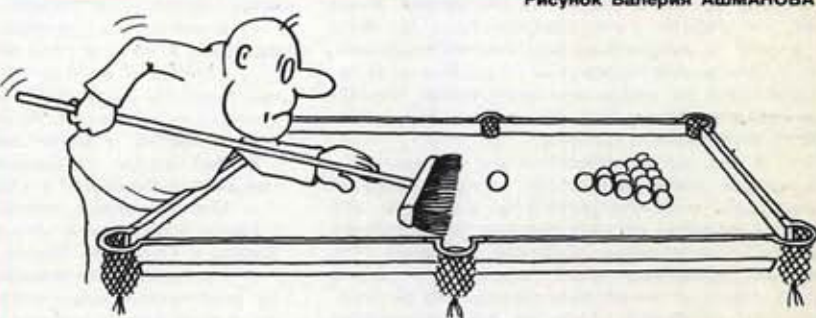

Рисунки Юрия КОСОВУКИНА

Рисунок Валерия АШМАНОВА

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ЧЕМПИОН СТАЛ ЧЕМПИОНОМ

Почти что всех сильнейших наших шахматистов собрала недавно проведенная в Москве высшая лига Всесоюзного первенства. От многих предыдущих подобных соревнований этот турнир выгодно отличался возросшим удельным весом молодежи. Добрых две трети участников представляли новое поколение советских шахматных мастеров и гроссмейстеров. Среди них был и 25-летний ленинградец, чемпион мира Анатолий Карпов.

Золотую медаль чемпиона СССР с высоким результатом 12 очков завоевал А. Карпов. «Серебро» по праву досталось Ю. Балашову. У него 11 очков. Бронзовыми медалями отмечены участники предстоящих соревнований претендентов на мировую шахматную корону Т. Петросян и Л. Полуляевский — у них по 10,5 из 17.

Напряженная спортивная борьба отнюдь не помешала творческим достижениям участников. Думается, что читателям «Смены» понравятся несколько ярких, надолго запоминающихся фрагментов из поединков высшей лиги.

раз писала в последние годы, и Евгением Свешниковым из Челябинска.

Энергичным продвижением пешки и неожиданным тактическим ударом коня Ю. Балашов, игравший черными, быстро развивает наступательные операции.

22. ... g5—g4! 23. h3: g4 Kf5—e3! 24. Фd1—e2.

Выясняется, что белые вынуждены отклонить «данайский дар», ибо взятие черного коня форсированно вело бы их к невосполнимым материальным потерям.

24. ... Ke3: g4 25. f2—f3 Kg4: h2 26. Kb3—d4.

Белые пытаются как-то выкручиваться, ибо в банальном варианте 26. Кр: h2 Лh4+ 27. Крg3 Фg1! их король неизбежно оказался бы в плену.

26. ... Ce7—c5 27. Kph1: h2 Cc5: d4 28. c3: d4 Лc4: d4 29. Ла1—c1 Лd4—h4+ 30. Kph2—g3 Ca4—b5! 31. Фе2—f2 Фb6—d8 32. Фf2—e3.

В заключение черные мощно и вместе с тем элегантно штурмуют неприятельского короля, который погибает в самом центре доски. Такого рода финал в серьезной шахматной практике встречается крайне редко.

32. ... d5—d4! 33. Лc1—d1 Лh4—f4 34. Фе3: f4 Лf8: f4 35. Крg3: f4 Фd8—g5+, и белые сдались ввиду неотвратимого мата.

К такому положению пришла после 17-го хода черных партия 24-летнего гроссмейстера Олега Романишина с экс-чемпионом мира рижанином Михаилом Талем. Понятно, что некоторое пространственное превосходство на стороне молодого львовянина. Однако в этот момент трудно было предположить, что пройдет всего какой-то десяток ходов, и сражение будет завершено. Малозаметные на вид промахи титулованного противника О. Романишина (он играл белыми) использовал с завидной изобретательностью.

18. 0—0 Cd7—c6. Первая неточность. Необходимо было сперва разменять опасного чернополюсного слона белых. В случае продолжения 18. ... К: e3! 19. fe Cc6 20. Фb3 e6 М. Таль вполне мог бы рассчитывать на уравнение шансов.

19. Се3—g5! Кc7—e6? А этот ошибочный маневр, по видимому, бесповоротно решает судьбу поединка в пользу белых. Единственной надеждой на упорное сопротивление была бы жертва пешки в варианте 19. ... Kd5! 20. Ле1 0—0 21. К: d5 Ф: d5 22. С: e7 Ле6 и т. д.

20. Фd1—e2 Фd8—d7. Теперь прорывом в центре, связанным с изыщной жертвой пешки, белые вскрывают линии для молниеносной атаки на так и не успевшего укрыться неприятельского короля.

21. d4—d5 Cc6: d5 22. Кc3: d5 Фd7: d5 23. Лf1—e1 Фd5—e4. Увы, кажущийся естественным ход 23. ... Крf7 мгновенно опровергался бы эффектным выпадом коня 24. Kd4!

24. Фе2—f1 Kc4—d6 25. Ле1: e4 f5: e4 26. Cg2—h3! Ке6—c5 27. Cg5—e3 Кc5—d3 28. Kf3—g5, и черные сложили «оружие».

Любопытно развивались события в партии Е. Свешникова (у него

были черные) с многоопытным гроссмейстером Ефимом Геллером. На диаграмме изображена позиция, создавшаяся после 13-го хода белых, которые ранее, пытаясь овладеть инициативой, отдали пешку.

13. ... Cb4: c3! 14. a4: b5? Стратегически ошибочное решение, ведущее к малоприятному для белых окончанию. Следовало сохранить напряженность в противостоянии пешечных цепей и сыграть просто 14. bc.

14. ... a6: b5 15. Ла1: a8+ Cb7: a8 16. b2: c3 Kf6—d7 17. Лd1—d6 h7—h6! 18. Cg5—h4 g7—g5 19. Cf3: c6 Ca8: c6 20. Лd6: c6.

Белым удалось восстановить материальное равновесие, но их слон оказывается вне игры, и черные вскоре организуют на ферзевом фланге пару связанных пешек, что обеспечивает им конечный успех. Запоминается заключительный тактический удар.

20. ... Кре8—e7! 21. Ch4—g3 Лh8—a8 22. f2—f4 Ла8—a1+! 23. Крg1—f2 Ла1—c1 24. Крf2—f3 Лc1: c3 25. Ch4—e1 Лc3—b3 26. g2—g4 g5: f4 27. Крf3: f4 Kd7: e5!, и белые капитулировали.

Истинно чемпионскую игру показал А. Карпов во встрече с Виктором Купрейником. Вы видите положение, которое возникло по-

сле 23-го хода черных. Чемпион мира, игравший белыми, смело пожертвовал пешку, а затем откровенно и добился заметно лучшего эндшпиля.

24. Фf3—b7! Ле8: e2 25. Kg3: a2 Фd7: d3 26. Cc3—e5! Фd3—e4 27. Фb7: e4 f5: e4 28. Ке2—c3 Лf8—e8 29. Ле1: e4 g6—g5 30. g2—g4 Ле8—e6 31. Ле4—e3 Крg8—f8 32. Кc3—d5! Кc7: d5?

В нелегкой ситуации черным изменяет выдержка, и они усугубляют свое положение скоропалительным разменом коней. В результате этой фатальной ошибки в руках белых появляется новый и весьма важный козырь — мощная проходная пешка. Она-то и скажет свое решающее слово.

33. c4: d5 Ле6—h6 34. Ce5—b8 a7—a6 35. d5—d6! Cf7: b3 36. a2: b3 Крf8—f7 37. Cb8—c7! Cd8: c7.

Размен слонов вынужден, иначе черным придется отдать фигуру за столь неприятную проходную пешку партнера, организовать которую они же на свою голову помогли сами...

38. Ле3—e7+! Крf7—f8 39. d6: c7! Лh6—c6 40. Ле7: h7. К немедленному выигрышу ладьи вел тривиальный маневр 40. Лd7!

40. ... Крf8—e8 41. h3—h4, и черные сдались.

Перед вами позиция, которая создавалась после 22-го хода белых в партии между 27-летним московским гроссмейстером Юрием Балашовым, о чьем темпераментном стиле игры «Смена» не

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 17/II 1976 г. А 02002. Подписано к печати 4/1 1977 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 273. Заказ № 3237. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ВОССТАВАЮЩУЮ.
Первый раз два раза (1962)

Музыка Владимира Шаинского. Score for voice and piano. The score consists of two systems of four staves each. The first system includes vocal lines and piano accompaniment. The second system continues the piece with similar instrumentation. The lyrics are in Russian and describe a scene of nature and a child's perspective.

РАССВЕТ-ЧАРОДЕЙ

Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО
Музыка Владимира ШАИНСКОГО

Где-то мокрым асфальтом блестят города,
Но по-прежнему трогает нас
Тишина, где кукушка считает года —
В самый раз и еще про запас.

Припев:
Играй, рассвет-чародей,
На флейтах ветров, на струнах дождей...
Переливами трав, перезвонами рек
Околдовано сердце навек.

Зорко тайну озер стерегут валуны,
Ходит рыба, скользя в глубине.
И качаются ночью осколки луны
На серебряной зыбкой волне.

Припев:
Не насмотришься вдоволь, смотри не смотри,
Как туманы дымятся вдаль.
И пылает роса, словно капли зари,
На зеленых ресницах земли.

Припев.

Музыка Владимира Шаинского. Continuation of the musical score for 'Рассвет-чародей'. It features two systems of four staves each, with vocal lines and piano accompaniment. The score includes various musical notations such as dynamics (p, mp, mf), articulation (acc, rit), and performance instructions.

КРОССВОРД

Составил Е. ПРЕДИН,
Калининград

A crossword puzzle grid with 35 numbered squares. The grid is composed of black and white squares, with numbers indicating the starting positions for the words.

- По горизонтали:**
- 8. Наименьшая величина.
 - 9. Советский космонавт.
 - 10. Бег лошади.
 - 11. Приток Подкаменной Тунгуски.
 - 13. Деталь машины с осевым отверстием.
 - 14. Устройство для накопления энергии.
 - 15. Оперетта Н. М. Стрельникова.
 - 17. Специалист по проходке скважин в глубь земли.
 - 18. Сумчатый медведь.
 - 19. Дикая утка.
 - 20. Народный духовой инструмент.
 - 22. Переливчатое низкое звучание.
 - 25. Ударный инструмент народов Африки.
 - 26. Оттенок основного музыкального звука.
 - 27. Украшения из дерева, перламутра, металла.
 - 31. Документ, удостоверяющий право на изобретение.
 - 32. Возвышенность, водораздел между Волгой и Доном.
 - 33. Узбекский писатель, ученый, музыкант XV века.
 - 34. Французский комедиограф XVIII века.
 - 35. Актер Малого театра, народный артист СССР.
- По вертикали:**
- 1. Аппарат для автоматической записи и воспроизведения человеческой речи.
 - 2. Знак для обозначения числа.
 - 3. Бразильский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
 - 4. Гриб.
 - 5. Однородные изделия, изготовленные по одному стандарту.
 - 6. Ценная промысловая рыба.
 - 7. Наука о строении и истории Земли.
 - 12. Научный опыт.
 - 13. Эпоха в культурном развитии европейских стран.
 - 16. Столица Ганы.
 - 17. Советская поэтесса, автор стихов для детей.
 - 21. Ускоритель заряженных частиц.
 - 23. Документ для лечения на курорте.
 - 24. Транспорт, применяемый при сборке машин.
 - 27. Сплав железа с никелем.
 - 28. Ученическая сумка.
 - 29. Стихотворение А. С. Пушкина.
 - 30. Порт в Великобритании.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

- По горизонтали:**
- 7. Малинина.
 - 8. Пробирка.
 - 10. «Казак».
 - 11. Удочка.
 - 12. Криптон.
 - 13. Сорока.
 - 15. Дракон.
 - 17. Олимп.
 - 19. «Бесприданница».
 - 22. Вишня.
 - 23. Нежата.
 - 26. Тамбов.
 - 28. Боливар.
 - 29. Борона.
 - 30. Иванов.
 - 31. Косеканос.
 - 32. Зоология.
- По вертикали:**
- 1. Парабола.
 - 2. «Динамо».
 - 3. Лирика.
 - 4. Корунд.
 - 5. Титова.
 - 6. Оклахома.
 - 9. Гаприндашвили.
 - 14. Курсант.
 - 16. Радиопла.
 - 17. «Обрыв».
 - 18. Пиния.
 - 20. Одеколон.
 - 21. «Крокодил».
 - 24. Апогей.
 - 25. Абакан.
 - 26. Тритон.
 - 27. Мрамор.

ЦВЕТЫ ЗЕМНЫЕ, ЦВЕТЫ КОСМИЧЕСКИЕ...

ров, им суждено храниться и экспонироваться в Костромском музее изобразительных искусств.

Картины Фатеева еще в дороге — ждут постоянного места «прописки» и заботы специалистов. Но я уверена — ждать им осталось недолго. «Рукописи не горят», — писал Михаил Булгаков. Если у художника было что сказать людям — его картины непременно придут к ним.

П. ФАТЕЕВ. ГАЛАКТИКИ.

П. ФАТЕЕВ. СМОТРЯЩИЙ В КОСМОС.

Е. ЧЕСТНЯКОВ. ЖЕНЩИНА.
(фрагмент картины).

Е. ЧЕСТНЯКОВ. КОЛЯДЫ.

Е. ЧЕСТНЯКОВ. ТРУДЫ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА.

Цена номера 25 коп.

Индекс 70820